НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Хутора въ условіяхъ русской деревни.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Къ подъему или депрессіи?

П. БЕРЛИНЪ. Купецъ-публицистъ тридцатыхъ годовъ.

М. МОРОЗОВЪ. Молодая деревня.

Е. ЛЕВИНЪ. Воспоминанія Бебеля.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Мертвая зыбь.

М. ХЕЙСИНЪ. Въ мірѣ рабочихъ.

А. ЕРМАСНКІЙ. Факты и мысли объ антиалкогольномъ съѣздѣ.

Ф. Д. „Невѣроятный случай".

Л. МАРТОВЪ. Иностранное обозрѣніе.

СМИРНОВЪ. Политическое обозрѣніе.

№ 1. СПБ. 1910 Январь.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 1-го.

	стр.
Хутора въ условіяхъ русской деревни. Б. Веселовскій . . .	1
Къ подъему или депрессіи? Н. Череванинъ	10
Купецъ-публицистъ тридцатыхъ годовъ. П. Берлинъ	20
Молодая деревня М. Морозовъ	30
Воспоминанія Бебеля. Е. Левитъ	44
Мертвая зыбь. Евг. Маевскій	51
Въ мірѣ рабочихъ М. Хейсинъ	62
Факты и мысли объ антиалкогольномъ съѣздѣ. А. Ерманскій.	69
«Невѣроятный случай». Д. Ф.	79
Иностранное обозрѣніе Л. Мартовъ	84
Политическое обозрѣніе. Смирновъ	91
Объявленія.	I—VIII

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ
1910 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 2-го.

	стр.
Государственное страхованіе рабочихъ предъ судомъ предпринимателей. М. Хейсинъ	1
Возрожденіе антисемитизма. Ст. Ивановичъ	12
О „муниципализаціи“ въ нашихъ городскихъ самоуправленіяхъ. М. Лукомскій	25
Соціально-экономическій составъ административной ссылки. Б. Фромметтъ	33
Положеніе и ближайшія задачи статистики труда въ Россіи. А. Орловъ	38
Критическіе наброски. А. Потресовъ	50
Борьба за избирательное право въ Пруссіи. В. Майскій	62
Эволюція октябристовъ. Н. Череванинъ	75
Иностранное обозрѣніе. Л. Мартовъ	82
Политическое обозрѣніе. Е. Смирновъ	93
Объявленія.	

Критическіе наброски.

О томъ, почему пустяки одолѣли.

1.

Когда, оглядываясь на пережитое, перебираешь въ своей памяти идейный инвентарь послѣднихъ лѣтъ, тѣ зигзаги, которые успѣла за это время продѣлать блуждающая мысль періода послѣреволюціоннаго отлива, то кажется, что видишь передъ собою одно только безпорядочное, суматошное мельканіе, какую-то истерику мыслей и чувствъ.

Кинематографически быстро проносятся событія, лица и, точно пузыри, подымаются изъ глубины на поверхность авторитеты на часъ и увлеченья-поденки: надуются, поиграютъ всѣми цвѣтами радуги и лопаются, не оставивъ слѣда...

И сколько ихъ—этихъ разогрѣтыхъ репутацій, вздутыхъ интересовъ и модныхъ проблемъ прошло передъ нами въ эту полосу перелома! И развѣ не они наложили на эту полосу свою печать, оттѣснивъ куда-то назадъ самыя существенныя задачи, самые коренные вопросы эпохи?

Въ жизни шелъ громадный процессъ перестройки: все было сдвинуто съ своихъ мѣстъ въ періодъ революціи, все передвигалось и въ годы контръ-революціоннаго реванша, и это всеобщее передвиженіе означало, конечно, величайшую ломку—матеріальную и нематеріальную, которая на долгіе годы впередъ должна была опредѣлить собою направленіе предстоящаго развитія.

Ну, а въ литературѣ? Въ литературѣ толковали—краснорѣчиво и много — о мистическомъ опытѣ, объ откровеніяхъ модернизма и новой красотѣ созвучій, о любви, о смерти, о богѣ, котораго ищутъ и никакъ не могутъ найти...

Какой контрастъ! Но именно въ этомъ контрастѣ, въ этомъ явственномъ разрывѣ между «бытіемъ» и «сознаніемъ», между жизнью и литературой и заключается черта, наилучше, быть можетъ, опредѣляющая физіономію полосы, нами только что прожитой и еще далеко не изжитой.

Это была полоса, когда сознаніе не охватывало жизни, и, наоборотъ, жизнь охватывала сознаніе всѣми бѣдами контръ-революціонной расправы,

всей тяготой депрессіи послѣ неудавшейся революціи. Сознаніе не охватывало жизни, потому что оно не нащупывало въ ней слагающихся силъ, потому что водоворотъ послѣреволюціонныхъ событій не давалъ еще возможности выдѣлить изъ хаоса тѣ устойчивыя теченія, которыя несутъ на себѣ развивающіяся общественныя идеологіи.

И сознаніе, не выдерживая, уходило отъ жизни. Но чѣмъ оно дальше уходило отъ жизни, тѣмъ полнѣе идейная атмосфера попадала во власть ирраціональнаго, тѣмъ гуще наполнялась она призраками, мнимыми величинами, той—я бы сказалъ—литературщиной, которой отдаетъ отъ всего творчества этой полосы: отъ ея поэзіи и прозы, отъ ея религіи, философіи, публицистики.

Здѣсь все поверхностно и преходяще, здѣсь нѣтъ корней, уходящихъ вглубь жизни, здѣсь безраздѣльное хозяйничанье психологической конъюнктуры момента, и только однѣ блѣдныя тѣни тѣхъ коренныхъ перемѣнъ, которыя за это время совершались въ дѣйствительности. Здѣсь царство словеснаго...

Сознаніе не охватывало жизни, и отъ общественности и стремленія познать ее и на нее воздѣйствовать, шла тяга къ самозамыканію, къ сосредоточенію интересовъ и вниманія на своемъ «я», опустошенномъ, потерявшемъ равновѣсіе, часто озлобленно-разочарованномъ въ своихъ прежнихъ идеалахъ и теперь, въ лихорадкѣ перелома, стремительно искавшемъ самозабвенія... въ разгулѣ словесности, въ гегемоніи призраковъ. Пустота, образовавшаяся отъ исчезновенія общественности, заполнялась взвинченнымъ эстетизмомъ, религіозно-философскими исканіями и всей прочей фантастикой.

Но, кромѣ этой казовой, кричащей и потому наиболѣе до сихъ поръ привлекавшей къ себѣ вниманіе стороны, у кризиса—у разрыва между жизнью и литературой, у этого, такъ сказать, неосознанія жизни—была и другая сторона,—сторона, непосредственно обращенная къ общественности.

Я говорю о дѣйствіи кризиса на политическую мысль, объ его отраженіи на жизни нашихъ общественно-политическихъ направленій. Это отраженіе важнѣе, оно имѣетъ для насъ гораздо болѣе актуальное значеніе, чѣмъ тяга къ фантастикѣ, ибо тяга къ фантастикѣ идетъ уже на убыль, по мѣрѣ того, какъ расходятся концентрическіе круги волненія, вызваннаго революціей и ея послѣдующимъ паденіемъ.

Но въ политикѣ мы находимся въ настоящій моментъ, можно сказать, еще подъ максимальнымъ давленіемъ этого кризиса. Скажу болѣе: кризисъ рѣзче даетъ себя чувствовать, чѣмъ когда-либо прежде, потому что меньше, чѣмъ прежде, возможны диверсіи въ сторону фантастики, меньше окольныхъ путей и прикрытій. Жизнь обнаженно-грубо и прямо становится передъ сознаніемъ съ своими «проклятыми вопросами», отъ которыхъ никуда не убѣжать, которыхъ ничѣмъ не затѣнить, не замазать, и требуетъ отвѣтовъ, которыхъ у сознанія еще нѣтъ.

На этой почвѣ и разыгрывается современная драма нашихъ обще-

ственно-политическихъ направленій. Конечно, драма драмѣ рознь и происходящее въ либерализмѣ весьма мало походитъ на то, что творится въ народничествѣ и еще того менѣе—въ марксизмѣ.

Но при всей неравноцѣнности для насъ этихъ драмъ отдѣльныхъ направленій, въ одномъ онѣ сходятся всѣ, являясь различными степенями и видами неприспособленія или—лучше сказать—съ величайшимъ трудомъ идущаго приспособленія сложившихся въ дореволюціонный періодъ идейныхъ теченій къ новымъ условіямъ по[illegible]ѣреволюціоннаго времени.

2.

Сознаніе не охватываетъ жизни... Идеи, унаслѣдованныя отъ прошлаго, не учитываютъ, претворяя въ себѣ, происшедшихъ за истекшіе годы перемѣнъ.

На первый взглядъ это какъ будто бы не такъ, если взглянуть, напр., на либерализмъ и его литературу, гдѣ такъ чрезвычайно все благополучно, гдѣ сверху до низу сшито и скроено по послѣдней мѣркѣ обновленнаго строя и гдѣ самодовольные люди благодарятъ создателя, что они не таковы, какъ прочіе мытари и грѣшники, согрѣшавшіе въ дни революціи. И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, они не должны себя чувствовать у праздника въ наше время, когда увяло столько надеждъ и умѣренность представляется источникомъ всяческой мудрости.

И, однако: именно либерализмъ, какъ идейное теченіе, являетъ собою картину величайшаго разложенія и величайшей безпомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмомъ практическимъ и либерализмомъ теоретизирующимъ.

Либерализмъ оффиціально-кадетскій, либерализмъ г. Милюкова и «Рѣчи», и либерализмъ г. Струве и всей прочей «вѣховской» братіи. На одномъ полюсѣ—эмпирика, пуще огня боящаяся всякихъ обобщеній, и на другомъ—обобщенія, уже приведшія къ отказу отъ демократизма и грозящія тѣмъ же и послѣднимъ остаткамъ самаго скромнаго свободолюбія.

Достаточно вдуматься въ эту антитезу, чтобы понять, что либерализмъ въ настоящее время разъѣденъ червоточиной, что онъ только до тѣхъ поръ и живетъ, пока, не мудрствуя лукаво, сосредоточиваетъ свое вниманіе на частностяхъ, поглощенъ злобами текущаго дня, деталями парламентской работы, комбинаціями повседневной дипломатіи, пока онъ изъ своего раздробленія не пытается возвыситься до цѣльности идейнаго теченія подвести подъ свою практику теоретическій фундаментъ и стать тоже въ своемъ родѣ «міросозерцаніемъ» на подобіе стародавнихъ властителей думъ россійской интеллигенціи—марксизма и народничества.

И это безсознательно чувствуется. Потому-то «Вѣхи» и вызвали въ кругахъ либерализма смятеніе: ими были недовольны, но о нихъ хранили молчаніе. Говорили другіе, свои—либеральные—критики ограничи-

вались малозначущими выпадами, И понадобилось около года, чтобы глава к.-д. партіи, г. Милюковъ, выступилъ, наконецъ, съ своими возраженіями.

Я говорю объ его лекціи «Русская интеллигенція и «Вѣхи», коротенькій смыслъ которой резюмируется въ цитированныхъ имъ словахъ, когда-то сказанныхъ Тургеневымъ о «меньшинствѣ образованнаго класса въ Россіи», являющемся «единственной точкой опоры для живой пропаганды», и объ учительной роли этого меньшинства.

Полвѣка назадъ приведенныя слова могли быть значительны и интересны въ спорѣ Тургенева съ славянофилами, сейчасъ—въ примѣненіи, которое дѣлаетъ изъ нихъ г. Милюковъ — они свидѣтельствуютъ только о безнадежности того положенія, въ которомъ ощущаетъ себя либерализмъ, какъ общественное движеніе.

Прокурорскимъ рѣчамъ г.г. Струве и К° противъ интеллигенціи онъ противопоставляетъ ея адвокатскую защиту и поетъ гимны—«носителю живой національной традиціи», центральной фигурѣ россійскаго прогресса. Какъ будто бы и въ серьезъ идетъ рѣчь объ интеллигенціи, какъ будто бы для «вѣховцевъ» дѣло именно въ ней, а не въ борьбѣ съ соціализмомъ и революціей подъ видомъ борьбы съ интеллигенціей, а не въ отказѣ отъ демократіи и отъ традиціонныхъ элементовъ ея идеологіи!

Почему же либерализмъ такъ осторожно обходитъ эту сущность «вѣховской» струи, почему онъ молчитъ вмѣсто того, чтобы крикомъ кричать объ единственно для него существенномъ и важномъ въ этомъ выступленіи, объ общественно-политическомъ уклонѣ авторовъ «Вѣхъ»?

Да именно потому, что этотъ уклонъ не есть только грѣхопаденіе, индивидуальное или групповое, нѣсколькихъ бывшихъ марксистовъ, которые теперь превратились въ бывшихъ демократовъ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ потомъ оказаться и бывшими либералами.

Въ этомъ уклонѣ проступаетъ какъ разъ та самая facies Hippocratica — смертныя черты — русскаго либеральнаго развитія, которую Струве недавно пытался разглядѣть въ европейской соціалдемократіи.

Вѣдь «вѣховцы» только продолжаютъ многолѣтнюю традицію русскаго либерализма, ту по крайней мѣрѣ десятилѣтнюю, чтобы не уходить вглубь прошлаго, тягу извѣстной части демократической интеллигенціи отъ народныхъ низовъ къ имущимъ верхамъ, которая въ свое время легла въ основаніе «освобожденскаго» періода русскаго либерализма.

Комбинація—по признанію тогдашняго либеральнаго органа—«разночинца-интеллигента» съ «земскимъ дворяниномъ» въ разсчетѣ на грядущаго либеральнаго крестьянина—такова была соціальная основа и съ тѣмъ вмѣстѣ — партійно-политическая рамка до-революціоннаго освобожденства. Но эта-то основа и рухнула въ дни революціи, но эта-то формула прогресса и оказалась едва ли не наиболѣе призрачной изъ всѣхъ призраковъ русскихъ идеологій.

Крестьянинъ еще не приходилъ, когда «земскій дворянинъ» уже ушелъ окончательно, и изъ прежней трехчленной формулы либерализма остался одинъ только членъ—«интеллигентъ-разночинецъ» у своего разби-

таго корыта. Точнѣе говоря, не «интеллигентъ-разночинецъ», а интеллигентско-дворянскій пережитокъ отъ земскаго періода русскаго либерализма, пережитокъ, которому и пришлось въ роли связующаго звена между старымъ и новымъ зачинивать это корыто, перестраивать либеральное движеніе, нащупывать новую почву взамѣнъ прошлой, ушедшей изъ-подъ ногъ.

Но какова же эта почва? На мѣсто земщины, являвшейся осью дореволюціоннаго либеральнаго движенія, тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строила свои идеологическія постройки либерально-демократическая интеллигенція, передъ нами выступаетъ теперь, въ новѣйшій кадетскій фазисъ либеральнаго развитія, нестройный конгломератъ разнородныхъ городскихъ элементовъ.

Въ немъ, съ одной стороны, нѣтъ пролетаріата, этого народа городовъ, а съ другой, не имѣется—вовсе или почти—той торгово-промышленной знати, буржуазіи par excellence, — которая могла бы своимъ общественнымъ вѣсомъ и своею ролью въ общественныхъ организаціяхъ до нѣкоторой степени замѣнить либерализму дореволюціонную земщину.

Это — промежуточная мѣшанина средне- и мелко-буржуазныхъ элементовъ, т. е. какъ разъ наименѣе устойчивая, наименѣе успѣвшая оформиться и, при русскихъ условіяхъ историческаго развитія, чрезвычайно мало способная къ организаціи и политическому дѣйствію часть буржуазной демократіи; недурной податель избирательныхъ бюллетеней, но политическая величина, у которой нѣтъ ни достоинствъ пролетаріата, ни преимуществъ торгово-промышленнаго капитала.

Неудивительно, что при такой основѣ интеллигентско-дворянскій пережитокъ ощутилъ себя въ воздухѣ, а идеологія, выработанная всѣмъ предшествующимъ развитіемъ—въ безысходномъ тупикѣ.

Продолженіемъ земскаго періода русскаго либерализма—при перелицовкѣ либерализма съ земско-помѣстнаго на городской промышленный ладъ, казалось бы, должно было явиться его сближеніе съ крѣпкой капиталомъ городской торгово-промышленной буржуазіей.

Но въ томъ-то и дѣло, что этого продолженія не послѣдовало и, несмотря на всю его кажущуюся естественность, послѣдовать не могло. Жизнь слишкомъ далеко шагнула впередъ по пути общественнаго разслоенія и развитія классовыхъ противорѣчій, чтобы оказалось возможнымъ повтореніе комбинацій, аналогичныхъ дореволюціоннымъ комбинаціямъ либеральнаго помѣстнаго дворянства съ городской демократической интеллигенціей.

И «вѣховцы» со Струве во главѣ своимъ примѣромъ только подтвердили существованіе пропасти, отдѣляющей всю традиціонную идеологію русскаго либерализма отъ тѣхъ идеологическихъ элементовъ, которые изготовлялись теперь публицистами «Вѣхъ» на потребу капиталистической буржуазіи.

Дѣло въ томъ, что старый дореволюціонный либерализмъ былъ, конечно, идеологіей, типичной для имущаго общества по всему своему

складу, по своимъ методамъ дѣйствія, по тому отношенію, которое сложилось у него къ государственной власти, отъ которой онъ всегда ожидалъ подачки или одѣлки, по своему, наконецъ, болѣе чѣмъ сомнительному демократизму, но онъ былъ въ то же время идеологіей тѣхъ слоевъ этого общества, для которыхъ очередная политическая задача заслоняла собою на время классовый антагонизмъ и заслоняла тѣмъ болѣе легко, что крестьянство вплоть до кануна революціи оставалось пассивнымъ и что очагъ народнаго движенія находился въ промышленномъ пролетаріатѣ, т. е. въ городѣ, и, слѣдовательно, меньше всего непосредственно затрагивалъ интересы помѣстнаго общества.

Но какъ разъ обратное приходится сказать въ настоящее—послѣреволюціонное—время о капиталистической буржуазіи, къ которой шло тяготѣніе «вѣховцевъ».

Она побывала уже въ самой гущѣ классовой борьбы, бывшей по ней, разгораясь, тою же силой рабочаго класса, которая сыграла такую выдающуюся роль во всемъ освободительномъ движеніи; она впитала изъ нея всю ненависть къ пролетаріату и она была воинственно-антинародна.

Приблизиться къ ней, попытаться ее ассимилировать либерализму можно было только, въ свою очередь ассимилировавъ либерализмъ ея боевому настроенію, сдѣлавъ его орудіемъ, непосредственно направленнымъ на борьбу со всѣмъ идеологическимъ прошлымъ, такъ или иначе отразившимъ на себѣ ту связь между либерализмомъ и демократіей, которая была характеристической чертой дореволюціонной эпохи.

По выраженію Струве—съ либерализма нужно было снять его «интеллигентскій мундиръ», нужно было покончить съ интеллигентской «доктриной служенія народу», которая—при отсутствіи систематической предварительной работы по воспитанію народа—только и могла, по мнѣнію Струве, что привести къ «охлократіи».

Такимъ образомъ: продолжать традицію либерализма въ его тяготѣніи къ имущимъ верхамъ значило—при данныхъ условіяхъ—нарушать его другую традицію, его связь съ извѣстными слоями демократіи.

Либерализмъ оказался разорваннымъ и въ своихъ обѣихъ разновидностяхъ одинаково безплоднымъ: если одни совершали впустую паломничество къ капиталу, судорожно выбрасывая за бортъ интеллигентскія цѣнности и, однако, не получая взамѣнъ реальнаго возмѣщенія отъ своего предмета воздыханій, то другіе, имѣя подъ ногами у себя только зыбкую почву, бездѣятельную и аморфную среду, не дающую демократическихъ импульсовъ, своей практикой являли одну лишь случайную окрошку изъ противорѣчивыхъ мотивовъ, политику «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ».

На лицо былъ кризисъ, который—по ехидному замѣчанію одного изъ авторовъ «Вѣхъ»—«нельзя лѣчить ни ромашкой тактическихъ директивъ, ни успокоительнымъ режимомъ безъидейной культурной работы», ни тѣмъ менѣе—прибавимъ отъ себя—самоубійственными снадобьями «вѣховской» аптечки.

Кризисъ или лучше—тупикъ. На этой-то почвѣ, или, вѣрнѣе, на этой безпочвенности и разрослась политическая «словесность» либерализма, это царство призраковъ и «мнимыхъ величинъ», неославянскихъ увлеченій, заигрываній съ патріотизмомъ, международныхъ визитацій и всѣхъ конституціонныхъ и прочихъ фикцій, которыми мечущійся изъ стороны въ сторону кадетизмъ прикрывалъ затруднительность своего положенія.

Надоѣдливые пустяки стали вдругъ господами момента.... Такова была либеральная драма.

3.

Переходя отъ суетящагося либерализма къ едва замѣтному въ настоящее время на поверхности общественной жизни народничеству, можно было бы думать, что умѣстнѣе говорить о смерти его, чѣмъ о драмѣ, имъ еще переживаемой.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не умерло народничество, развѣ не ушли куда-то въ глубь давно прошедшаго и вѣра въ самобытные пути экономическаго развитія Россіи, и убѣжденіе въ особенномъ призваніи русской внѣклассовой интеллигенціи.

Когда мнѣ, однако, говорятъ о смерти народничества, мнѣ припоминается, что мы уже не разъ его хоронили, не разъ уже казалось, что нечѣмъ ему больше жить, что отъ стараго народническаго нутра не осталось ничего, кромѣ тлѣна воспоминаній.

А между тѣмъ, курилка всякій разъ оказывался живъ и съ нѣкоторыми дополнительными варіаціями, приспособляясь ко времени, продолжалъ тянуть свою старую пѣсню.

Такъ, въ 90-хъ годахъ революціонное народничество представлялось давно и безвозвратно сошедшимъ со сцены съ послѣдними эпигонами Народной Воли, а либеральное народничество—политически изжившимъ себя до конца.

И, однако, по прошествіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ мы уже видимъ феерическую перемѣну декорацій, реставрацію специфическихъ революціонно-интеллигентскихъ методовъ борьбы, возрожденіе вѣры въ крестьянство и, соотвѣтственно этому, возрожденіе въ новой формѣ идеи объ особыхъ путяхъ общественно-экономическаго развитія Россіи, о быстромъ приближеніи ея къ «небуржуазной революціи».

Народничество давало свой реваншъ марксизму и, можно сказать, его злѣйшей отплатой за былое явилось зараженіе элементами народническаго умонастроенія извѣстной части соціалдемократіи.

Мнѣ представляется, что и теперь курилка еще живъ и что въ русскомъ общественномъ развитіи существуютъ черты, опредѣляющія собой необыкновенное упорство въ выживаніи народничества.

Это какъ разъ тѣ черты, которыя—какъ ни звучитъ парадоксально подобное утвержденіе—составляютъ въ то же время и органическую сла-

бость народничества. Народничество выживало, потому что, несмотря на идущій впередъ процессъ капиталистической перестройки страны, въ Россіи выживала ея общественно-экономическая отсталость. Выживалъ неразрѣшенный аграрный вопросъ многомилліоннаго крестьянства, какъ выживала и общая неразрѣшенность задачъ освободительнаго движенія. Выживалъ до самаго послѣдняго времени по преимуществу интеллигентскій характеръ всѣхъ политическихъ группировокъ и выживала, наконецъ, та пассивность слабо дифференцированнаго, обнищалаго крестьянства, на основѣ которой могла безпрепятственно разыгрываться драма извѣстныхъ частей интеллигентской демократіи.

Кругъ этой демократіи то ширился, то сжимался опять, на протяженіи послѣднихъ десятковъ лѣтъ онъ въ общемъ и цѣломъ относительно сузился и видоизмѣнился подъ вліяніемъ развертывающагося городского движенія, съ пролетаріатомъ въ его центрѣ. Но неизмѣннымъ при всѣхъ перемѣнахъ осталось одно: въ интеллигентскую идеологію на крестьянской подкладкѣ конкретное крестьянство не внесло до сихъ поръ своего корректива. Ибо у крестьянства до сихъ поръ не было той общественно-политической жизни, которая могла бы непосредственно оказаться регулятивомъ для этой идеологіи.

Такъ называемый конституціонный періодъ нашей общественной жизни—при существующей политической реакціи—внесъ слишкомъ мало новаго въ это взаимоотношеніе между крестьянствомъ и разсчитанной на крестьянство идеологіей.

Правда, онъ внесъ въ эту идеологію элементы депрессіи и разложенія—крушеніемъ соціально-революціонныхъ иллюзій, закономъ 9-го ноября, передъ возможными послѣдствіями котораго стоитъ въ оцѣпенѣніи народническая мысль всѣхъ толковъ.

Но онъ не далъ того, что одно могло бы положить конецъ всему длинному періоду интеллигентскаго крестьянофильства, онъ не далъ благопріятныхъ условій для формированія подлинныхъ крестьянскихъ партій.

Вошедшее въ политическую жизнь крестьянство могло бы, разумѣется, принять въ большей или меньшей степени отдѣльные элементы этого интеллигентскаго наслѣдства, но, даже и принимая частями наслѣдство, оно начало бы совершенно новую главу исторіи—исторію крестьянской демократіи—и тѣмъ самымъ поставило бы крестъ надъ старой, интеллигентской, народнической.

Но этого нѣтъ, и пока еще этого нѣтъ, народничество не умерло, хотя и не живетъ, а только прозябаетъ, черпая силы изъ общественной инерціи. А изъ этой инерціи можетъ опять родиться—при благопріятныхъ условіяхъ—новая вспышка тлѣющей народнической идеологіи и повториться сказка про бѣлаго бычка, пока жизнь не сломаетъ, наконецъ, до основанія традиціонное взаимоотношеніе между слабо дифференцированнымъ крестьянствомъ и демократической интеллигенціей...

4.

Но если таково положеніе народничества, то совершенно иныя перспективы открываются передъ марксизмомъ, этой признанной, неоспоримой, выростающей изъ нѣдръ пролетарской борьбы идеологіей, идеологіей рабочаго класса, сплачивающагося въ процессѣ идущаго впередъ капиталистическаго развитія, идеологіей той силы, которая непрестанно растетъ, чтобы въ концѣ концовъ осуществить свою историческую задачу.

И если народничество въ теченіе истекшихъ десятилѣтій, несмотря на всю свою живучесть и на періодическіе приступы своихъ застарѣлыхъ иллюзій, все-таки въ конечномъ счетѣ должно было сдавать свои позиціи неумолимому ходу исторіи, то марксизмъ, наоборотъ, могъ видѣть, какъ одно за другимъ исполняются его предвидѣнія, какъ Россія преобразуется на капиталистическій ладъ, какъ непрестанно идетъ развитіе рабочаго класса и какую рѣшающую роль играетъ рабочее движеніе во всѣхъ перипетіяхъ освободительной борьбы.

И однако: всякій, имѣющій очи, чтобы видѣть, не усомнится въ томъ, что русскій марксизмъ—какъ идейное теченіе—переживаетъ сейчасъ тяжелые дни.

Въ чемъ же дѣло? Непонятное на первый взглядъ противорѣчіе разрѣшается, если принять во вниманіе, что русскій марксизмъ не есть просто частное примѣненіе извѣстнаго ученія международной соціалдемократіи къ анализу русской дѣйствительности, но также и идейное теченіе нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ, которые не только воспринимали, но и перерабатывали это ученіе по своему образу и подобію.

Поэтому въ русскомъ марксизмѣ всегда прихотливо сплетались его общемарксистскія цѣнности съ продуктами тѣхъ специфическихъ условій, въ которыхъ марксизму приходилось развиваться въ Россіи.

Я имѣю въ виду вліяніе на русскій марксизмъ того, неоднократно уже мною отмѣчавшагося, положенія, при которомъ марксизмъ на всемъ протяженіи предреволюціонной эпохи выросталъ въ непосредственной связи и зависимости отъ теченій въ кругахъ демократической интеллигенціи. И эта интеллигенція, пропагандистская и агитаціонная роль которой въ распространеніи марксизма, во всякомъ случаѣ, громадна заслоняла собою, своимъ общественно-психологическимъ содержаніемъ, своими идейными запросами, своимъ, наконецъ, партійно-кружковымъ строительствомъ—пролетаріатъ въ его первоначальныхъ и еще слабыхъ порываніяхъ, на первыхъ ступеняхъ его политическаго существованія.

Пролетаріатъ въ своемъ поступательномъ движеніи сконцентрировалъ на себѣ общественную мысль, но онъ еще не былъ въ силахъ противопоставить что-либо гегемоніи надъ собой интеллигенціи.

И русскому марксизму теперь приходится расплачиваться за эти

свои соціальныя особенности: онъ страдаетъ въ настоящее время не только оттого, что пролетаріатъ, послѣ пораженія революціи, переживаетъ крайнюю депрессію, но и потому, что у него, марксизма, изъ-подъ ногъ уходитъ та почва, которая питала его столь долгіе годы.

Можно сказать: сейчасъ онъ болѣетъ вдвойнѣ,—и болѣзнями пролетаріата, и болѣзнями интеллигенціи; и оттого, что въ пролетаріатѣ еще только идутъ молекулярные процессы, съ величайшимъ трудомъ вырабатывающіе первые кадры его собственной интеллигенціи, и оттого, что интеллигенція, въ дореволюціонную эпоху связавшая себя съ пролетарскимъ движеніемъ, численно таетъ съ каждымъ днемъ. Таетъ въ атмосферѣ реакціи, экономическаго кризиса, угнетеннаго состоянія пролетаріата и собственнаго незнанія, что дѣлать сейчасъ, въ эпоху перелома.

Положеніе обострено тѣмъ болѣе, что старыя организаціонныя формы движенія слишкомъ ярко заявили свою несостоятельность, а новыхъ еще нѣтъ,—онѣ еще едва намѣчаются.

Въ результатѣ передъ нами какая-то мертвая точка въ пространствѣ между прошедшимъ и будущимъ, пустота настоящаго, находящая свое выраженіе въ застоѣ и безсиліи мысли.

Мысль не работаетъ активно надъ самыми существенными, самыми важными вопросами движенія, не перемалываетъ матеріала, который ей бросаетъ въ такомъ изобиліи жизнь, не идетъ на борьбу съ препятствіями, которыми загроможденъ, дѣйствительно, путь соціалдемократическаго развитія.

Она предпочитаетъ блуждать окольными дорогами, совершать диверсіи въ сторону, топтаться на мѣстѣ или дурманить себя гашишемъ пустяковъ, которыхъ—какъ мы уже видѣли—произрастаетъ несчетное количество въ болотѣ нашего безвременья. Она, слѣдуя по линіи наименьшаго сопротивленія за общимъ потокомъ, съ прохладцей дебатируетъ обо всемъ, о чемъ угодно,—о вопросахъ литературы, философіи, религіи, но только не о томъ, что является нервомъ такого общественно-политическаго направленія, какъ марксистское, но только не о вопросахъ экономики и не о вопросахъ политики.

И сколько ихъ, этихъ вопросовъ, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно и шагу ступить, нельзя русскому марксизму быть идейнымъ теченіемъ, подлинно вобравшимъ въ себя всю энергію и силу революціоннаго сознанія эпохи!

Какъ идетъ экономическое развитіе Россіи, какія перемѣщенія силъ производитъ оно подъ сурдинку реакціи, что творится въ деревнѣ и въ городѣ, какія измѣненія несетъ это развитіе въ соціальный составъ рабочаго класса Россіи и пр., и пр.? Гдѣ отвѣты или приступъ къ отвѣту на эти вопросы, гдѣ экономическая школа русскаго марксизма?

А что сталось съ политической работой мысли, которою когда-то

жилъ меньшевизмъ? Съ его организаціонными исканіями, съ его анализомъ прошлаго, съ его оцѣнкой настоящаго?

Вмѣсто работы и движенія мысли передъ нашими глазами разстилается безплодная пустыня, оживляемая исключительно тѣмъ, что на ней, какъ фатаморгана на горизонтѣ, появляется то тамъ, то здѣсь, дутый интересъ, фантомъ, пустякъ, пріобрѣтающій вдругъ размѣры первостепеннаго событія.

Съ этой точки зрѣнія стоитъ остановить свое вниманіе хотя бы на двухъ эпизодахъ совсѣмъ недавняго происхожденія, проливающихъ свѣтъ на это царство тѣней и иллюзій—эпизодѣ философскомъ и эпизодѣ, если можно такъ выразиться, организаціонно-политическомъ.

Философскій эпизодъ, т. е. полемическая схватка между Плехановымъ и Ленинымъ, съ одной стороны, и Богдановымъ, Базаровымъ, Юшкевичемъ и иными, съ другой. Спѣшу оговориться: я не касаюсь сейчасъ ни богостроительства Луначарскаго и Горькаго, ни тѣхъ общественныхъ моментовъ, которыми отмѣчена послѣдняя брошюра Юшкевича, объ отрицательномъ значеніи которой мнѣ придется еще говорить; я ограничиваюсь рамками спеціально философскаго спора между матеріалистами и эмпиріокритиками. Да и въ этомъ спорѣ, въ которомъ мои теоретическія симпатіи находятся не на сторонѣ противниковъ матеріализма, меня занимаетъ не существо философскаго спора во всемъ его объемѣ, а его, такъ сказать, удѣльный общественно-политическій вѣсъ, его роль и значеніе въ идейномъ теченіи, среди котораго онъ всплылъ на поверхность, волнуя умы и ставъ въ центрѣ вниманія вчерашнихъ политиковъ, до такой степени въ центрѣ, что они готовы сегодня принимать резолюціи и раскалываться по вопросу о «вещи въ себѣ», какъ недавно еще раскалывались по основнымъ тактическимъ вопросамъ.

И вотъ, когда я вижу передъ собой вакханалію этого философствованія, когда не только философствующая толпа, но и герои философскаго «дѣйства» обнаруживаютъ склонность придавать распространительное значеніе спору, какъ напр. Плехановъ, полагающій, очевидно, что [правильное отношеніе къ «вещи въ себѣ» есть необходимое предварительное условіе для принадлежности къ одному общественно-политическому цѣлому, то я невольно спрашиваю себя: что это такое?

Мы знаемъ, какой глубокой бороздой прошла въ свое время черезъ сознаніе германской соціалдемократіи борьба Энгельса съ Дюрингомъ и какъ самые, казалось, абстрактные тезисы имѣли на дѣлѣ живое конкретное значеніе для движенія нѣмецкаго рабочаго класса. Мы знаемъ въ исторіи формированія русскаго марксизма роль борьбы съ субъективной соціологіей.

Но именно потому, что мы знаемъ все это, мы и хотимъ, чтобы была, наконецъ, установлена живая реальная связь между занимающимъ насъ философскимъ споромъ и марксистскимъ общественно-политическимъ теченіемъ, его задачами и запросами. А пока что и принимая также во

вниманіе, что нѣмцы, какъ Каутскій,—очевидно, по свойственной имъ безпринципности,—смотрятъ иначе и разсматриваютъ эмпиріокритицизмъ, какъ ту Privatsache, по поводу которой можно вести горячія пренія, но нельзя подымать партійнаго гвалта, я позволю себѣ сдѣлать одно предположеніе: не является ли споръ о «вещи въ себѣ» съ его притягательной силой той фатаморганой, которая манитъ къ себѣ путниковъ усталыхъ и незнающихъ выхода изъ пустыни политическаго прозябанія...

А затѣмъ—эпизодъ организаціонно-политическій. Я имѣю въ виду ту возню, которая въ теченіе всего послѣдняго года совершалась по преимуществу въ заграничныхъ кружкахъ и заграничной печати около такъ называемаго «ликвидаторства». Ликвидаторство—«вотъ чума», ликвидаторство—«вотъ причина»! Нашелся, наконецъ-таки, объектъ, который можетъ служить громоотводомъ растерянности, на которомъ всего удобнѣе выместить ощущаемую горечь положенія.

Ликвидаторство!—слышится хоръ большевиковъ изъ-заграницы, ликвидаторство!—подхватываетъ голосъ Плеханова; ликвидаторство!—вторятъ ему подголоски въ Россіи и на страницахъ «Современнаго Міра» съ серьезнѣйшимъ видомъ регистрируется этотъ новоявленный врагъ.

Но позвольте—что такое ликвидаторство? Намъ говорятъ, это—непризнаніе партіи, это—скрытая или явная борьба противъ нея. Мнѣ кажется, что открытіе ликвидаторства въ Россіи въ лѣто 1909-ое будетъ въ свое время отмѣчено въ анналахъ исторіи рядомъ съ открытіемъ сѣвернаго полюса Кукомъ. Разница только та, — сѣверный полюсъ будетъ все же когда нибудь открытъ, а ликвидаторство, что дальше, то труднѣе поддается «выявленію».

Ибо можетъ ли существовать, спрошу я у читателя, въ то же лѣто 1909-ое, не какъ фантомъ въ больномъ воображеніи, а какъ подлинная реальность, теченіе ликвидаціонное, теченіе ликвидирующее то, что уже не подлежитъ ликвидаціи, чего на самомъ дѣлѣ уже нѣтъ, какъ организованнаго цѣлаго.

Есть партія, какъ идейное наслѣдство, какъ ненарушимая связь между сплачивающимся пролетаріатомъ и идейнымъ комплексомъ движенія, есть думское представительство есть разрозненные обломки былого, но нѣтъ партіи, какъ цѣльной и организованной іерархіи учрежденій.

Объ этомъ тяжело и трудно говорить марксисту на виду у враговъ движенія, но это онъ **долженъ** сказать, потому что нѣтъ ничего хуже въ общественно-политической жизни, чѣмъ игра въ бирюльки, и нѣтъ возмутительнѣе зрѣлища, чѣмъ разстановка игрушечныхъ солдатиковъ передъ лицомъ настоящей трагедіи.

Марксисты всегда обладали тѣмъ мужествомъ, котораго не было у представителей другихъ направленій, они безбоязненно вскрывали свои собственныя противорѣчія, они выговаривали то, что есть, и за фигурой лицемѣрія не привыкли скрывать дѣйствительнаго положенія вещей, какъ бы невыносимо оно ни было!

Они обладали этимъ мужествомъ, потому что они вѣрили въ свое движеніе, потому что они всегда могли сказать себѣ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ: будь, что будетъ, а на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Неужели же теперь изсякло это мужество и они не въ силахъ, смотря прямо въ глаза неприглядной дѣйствительности, заявить: старое разсыпалось, хорошее сошло на нѣтъ, но новое зрѣетъ!

И это новое, не прежнее интеллигентское, а на болѣе широкомъ базисѣ, сложенное рабочими низами, возьметъ отъ стараго все, что къ тому времени окажется пригоднымъ, и прежде всего идейное наслѣдство, неумирающія цѣнности марксизма...

Пустяки облѣпили сознаніе, пустяки одолѣли! Конечно, съ пустяками бороться можетъ лучше всего пришедшая въ движеніе жизнь, оживившійся рабочій классъ. Но и передъ зарею, когда вокругъ еще ходятъ тѣни ночи, надо бороться! А борется тотъ, кто посильно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы измѣнившаяся и усложнившаяся жизнь была претворена движеніемъ мысли и чтобы, такимъ образомъ, вновь окрѣпло и стало живительнымъ и могучимъ идейное теченіе марксизма.

О нѣкоторыхъ предпосылкахъ для осуществленія этого я поговорю въ другой разъ.

А. Потресовъ.

Борьба за избирательное право въ Пруссіи *).

I.

Происхожденіе современнаго прусскаго ландтага и его избирательнаго права тѣсно связано съ бурными событіями 1848—49 г.г. Вышедшій изъ нѣдръ революціи прусскій конституціонализмъ отличался на первыхъ порахъ широко демократическимъ характеромъ. Учредительный парламентъ, созванный въ Берлинѣ въ маѣ 1848 г., былъ выбранъ всеобщей, равной и тайной, но двухстепенной подачей голосовъ, и та же избирательная система, съ незначительными измѣненіями, была положена въ основу выработаннаго имъ проекта конституціи. Второй парламентъ, засѣдавшій въ февралѣ 1849 г. и дѣйствовавшій на почвѣ «исправленной и дополненной» королемъ конституціи учредительнаго собранія, все еще могъ однако похвалиться довольно демократическимъ происхожденіемъ: онъ вышелъ изъ всеобщихъ выборовъ, на которые въ декабрѣ 1848 г. реакція еще не рѣшалась посягнуть.

---

*) Въ виду важности вопроса мы помѣщаемъ настоящую статью, касающуюся внѣшней стороны происходящихъ въ Пруссіи событій, какъ хорошо дополняющую иностранное обозрѣніе, выясняющее тѣ же событія съ точки зрѣнія ихъ внутренняго содержанія.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 3.

МАРТЪ

1910 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 3-го.

	стр.
Пролетаризація деревни. (Замѣтки). Ив. Коноваловъ	3
Новыя вѣянія. Очеркъ первый. Я. Пилецкій	14
Два метода. В. Левитскій	24
Положеніе и ближайшія задачи статистики труда въ Россіи. (Окончаніе). А. Орловъ	32
Культурное значеніе музыки Шопена. (Къ столѣтнему юбилею). А. Луначарскій	43
Устыдились? (Кое о чемъ въ нашей литературѣ). М. Невѣдомскій	51
Изъ исторіи австрійскаго рабочаго движенія. Вл. Косовскій .	57
Землевладѣльцы третьей Думы. (Статистическая иллюстрація). М. Б-овъ	73
Борьба съ дороговизной жизни въ Австріи. Вл. Розановъ . . .	84
Съѣздъ объединеннаго дворянства. Евг. Маевскій	91
Библіографія.	99

Типографія изд. "Общественная Польза" СПБ. В. Подъяческая, 39.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 4.

АПРѢЛЬ

1910 годъ.

Содержаніе № 4-го.

Условія развитія промышленности и законъ 9 ноября. Н. Череванинъ 3
Съѣздъ писателей. В. Левицкій. 15
Съѣздъ по борьбѣ съ проституціей. Ю. Чацкій 25
Съ Пироговскаго съѣзда. М. Хейсинъ 33
Обманутые обманщики. Ф. Данъ 35
Страхованіе рабочихъ во Франціи. В. Константиновъ . . 41
Экстренный съѣздъ герман. проф. союзовъ. В. Т. 49
Иностранное обозрѣніе. Л. Мартовъ 54
Политическое обозрѣніе. Е. Смирновъ 67
О томъ, почему важныя вещи кажутся иногда пустяками. В. Базаровъ. 80
Критическіе наброски. А. Потресовъ 89
Объявленія 99

психики, и организаціонная терминологія быстро уступила мѣсто тактической. Теперешняя атмосфера — въ особенности для людей, заброшенныхъ зарубежъ—отличается прямо противоположными свойствами: трудно представить себѣ условія, болѣе гнетущія, болѣе благопріятствующія окостенѣнію мысли въ традиціонныхъ формахъ,—при томъ въ формахъ, выработанныхъ эпохой. Но какъ ни велика трудность, ее необходимо преодолѣть.

Спѣшу оговориться. Я вовсе не думаю, что освобожденіе полемики отъ жаргонныхъ пріемовъ аргументаціи вскроетъ призрачность всѣхъ теперешнихъ разногласій и приведетъ къ трогательному сліянію всѣхъ враждующихъ элементовъ въ лонѣ полнаго принципіальнаго единства. Безспорно, въ нашихъ разногласіяхъ много пустого и мнимаго, но много и очень серьезнаго. И подобно тому какъ переломъ 1904—1905 годовъ показалъ, что подъ покровомъ маленькихъ организаціонныхъ пререканій скрываются крупныя тактическія расхожденія, точно также и теперь подъ покровомъ тактическихъ разногласій должны вскрыться глубокія принципіальныя разногласія, разногласія въ самыхъ убѣжденіяхъ. Современный жаргонъ плохъ не только тѣмъ, что онъ пустякамъ придаетъ видимость чего то серьезнаго, но также и еще въ большей степени—тѣмъ, что серьезное принимаетъ благодаря ему видъ пустяковъ. Только отбросивъ жаргонъ, можно достигнуть и прочнаго принципіальнаго объединенія и плодотворнаго размежеванія, т. е. такого размежеванія, при которомъ каждому добросовѣстному человѣку будетъ дѣйствительно ясно, по какую сторону межи находится принадлежащее ему мѣсто, и не придется для «разоблаченія» того или другого еретика, прибѣгать ни къ чтенію въ сердцахъ, ни къ пророческому предвидѣнію грядущихъ судебъ *), ни къ распространительному толкованію словъ противника, ни къ фальсификаціи цитатъ **).

В. Базаровъ.

Критическіе наброски.

Еще о ликвидаторскомъ и философскомъ эпизодахъ.

I.

Французы говорятъ: чтобы дальше скакнуть, надо отступить назадъ. Такъ и мнѣ: чтобы двинуться дальше, приходится предварительно возвратиться вспять къ уже сказанному въ моей прошлой статьѣ и уста-

---

*) По методу Фамусова: „она не родила еще, но по расчету, по моему должна родить", т. е. напримѣръ: „NN ни разу еще явно не заявилъ себя ликвидаторомъ, но, чуетъ мое вѣщее сердце, будетъ ликвидаторомъ года черезъ два, три".

**) Увы! И этотъ пріемъ освященъ „традиціей".

новить его точное содержаніе. Ибо если плодотворенъ споръ вокругъ ясно очерченнаго разногласія, то зато нѣтъ безплоднѣе занятія, чѣмъ полемика, идущая мимо цѣли, чѣмъ взбитая пѣна недоразумѣній, прикрывающая дѣйствительное различіе во взглядахъ. А между тѣмъ, если судить по тому, что доходитъ до меня въ видѣ отзвука разговоровъ въ извѣстныхъ кругахъ, то есть серьезное основаніе опасаться, что такая пальба мимо цѣли уже происходитъ, и что мой первый критическій набросокъ въ «Нашей Зарѣ» уже облюбованъ, какъ самоочевидное проявленіе «ликвидаторства», того самого «ликвидаторства», существованіе котораго, какъ опредѣленнаго общественно-политическаго теченія, я какъ разъ и отвергалъ въ этомъ очеркѣ. И такъ думаетъ, повидимому, не только коллективная «княгиня Марья Алексѣевна» нѣкоторыхъ круговъ, но и мой оппонентъ, статья котораго печатается въ этой книжкѣ журнала,—В. Базаровъ.

Говорю «повидимому», такъ какъ для меня еще неясно, пріобщаетъ ли Базаровъ меня къ этому лику ликвидаторовъ, какъ и неясны, вообще, мотивы протеста, подымаемаго имъ противъ моего утвержденія, что есть партія, какъ идейное наслѣдство, и что ея нѣтъ, какъ цѣльной и организованной іерархіи учрежденій.

Мое утвержденіе правильно или нѣтъ, его можно признать либо отвергнуть, но—за предѣлами этой дилеммы—всякое третье рѣшеніе будетъ отъ лукаваго. Базаровъ, однако, умудряется избрать себѣ именно это третье лукавое рѣшеніе. Онъ протестуя, соглашается, онъ, соглашаясь, протестуетъ. И выходитъ: я виновенъ, но не за содѣянное мною въ статьѣ; вѣдь, и тезисъ мой вѣренъ, и неправильнаго вывода изъ вѣрной предпосылки я не дѣлаю; а виновенъ за то, что существуютъ, по мнѣнію Базарова, люди, именуемые ликвидаторами, которые и приходятъ къ злонамѣренному выводу, которые и «успокаиваются» на «констатаціи разложенія іерархіи»—«туда, молъ, тебѣ и дорога», вмѣсто того, чтобы всѣ силы «направить на возстановленіе ея цѣлости и дѣеспособности».

Въ результатѣ—холостой зарядъ, который шумитъ, но не ранитъ. Базаровъ по пустому прицѣлился въ меня, что, впрочемъ, не существенно. Существеннѣе то, что—хотѣлъ онъ того или нѣтъ—онъ вмѣстѣ со мной долженъ былъ прикоснуться къ вопросу, отъ котораго такъ много въ настоящее время охотниковъ отдѣлаться дешевой цѣной.

Я имѣю въ виду вопросъ о «разложеніи іерархіи», вопросъ о томъ, почему старыя формы движенія сходятъ на нѣтъ, не приспособившись къ измѣнившимся условіямъ общественной жизни и не находя въ себѣ внутреннихъ силъ для преобразованія. Больной и большой вопросъ! Но чѣмъ больнѣй и больше вопросъ, тѣмъ разительнѣе малость отвѣта, тѣмъ ярче на его фонѣ выступаетъ размѣниваніе серьезнаго анализа на пустяковинные страхи и пустяковинныя обвиненія. Вмѣсто дѣла—бездѣлье, вмѣсто пытливой работы ума надъ преодолѣніемъ кризиса—разыскиваніе нитей и корней, крики о «заговорѣ» и, наконецъ, въ видѣ самого современнаго спорта—охота на злодѣевъ-ликвидаторовъ, во всемъ, де, причин-

ныхъ. Словомъ, тотъ неприглядный и вздутый «пустякъ», нѣкоторыя изъ проявленій котораго я краемъ затронулъ въ своей первой статьѣ и который, расцвѣтши въ атмосферѣ безвременья, глушитъ теперь своими буйными побѣгами здоровую мысль движенія и заслоняетъ собою неразрѣшенный, но поставленный жизнью вопросъ.

И вотъ этого-то контраста между большимъ вопросомъ и скудоумно ничтожнымъ quasi-отвѣтомъ, я боюсь, что Базаровъ, прикоснувшійся къ темѣ, не видитъ. Онъ видитъ и по-своему объясняетъ, почему въ настоящее время торжествуетъ стихія «пустяковъ», онъ готовъ признать, что «въ обличеніяхъ Потресова есть не малая доля правды», но самого то вопроса, который висѣлъ и виситъ надъ нами, какъ дамокловъ мечъ, и требуетъ своего разрѣшенія, онъ не видитъ, потому что этотъ вопросъ находится внѣ поля его зрѣнія. И поэтому для него «разложеніе іерархіи» есть, правда, печальный, но все же только эпизодъ изъ борьбы съ неблагопріятными внѣшними вліяніями, отрывокъ изъ главы о политической реакціи, но отнюдь не проявленіе глубоко идущаго процесса отмиранія стараго въ условіяхъ жизни и борьбы, требующихъ новаго, точнѣе сказать—въ условіяхъ жизни и борьбы, требующихъ радикальнаго обновленія стараго. И потому же самому задача, которая представляется Базарову, есть задача только «возстановленія» этого стараго: «возстановленіе іерархіи—это все, что въ данный моментъ можетъ быть сдѣлано въ организаціонной области»—говоритъ Базаровъ и этими немногими словами вскрываетъ весь застойный характеръ, свойственный извѣстному направленію въ русской общественно-политической мысли. Да проститъ мнѣ Базаровъ мою фракціонность, но мнѣ кажется, что въ этомъ упрощеніи и уплощеніи заданія даетъ ему знать себя именно его большевистская закваска.

Въ самомъ дѣлѣ, у большевистскаго направленія всегда отсутствовало сознаніе наличности внутреннихъ противорѣчій, разъѣдавшихъ, какъ червь, традиціонную постройку коллектива. Недаромъ большевизмъ искони оставался чуждо-враждебнымъ самой сферѣ вопросовъ, въ которой развивалась и работала мысль меньшевиковъ надъ осознаніемъ и преодолѣніемъ этихъ внутреннихъ противорѣчій. Такъ было въ дореволюціонную эпоху, когда меньшевистская критика, начавъ съ малаго, съ нападеній на такъ называемый «бюрократическій централизмъ», развернулась затѣмъ въ знаменитыхъ статьяхъ Аксельрода, нащупавъ буржуазно-демократическій, якобинскій уклонъ въ развитіи тогдашняго коллектива. Такъ было и въ годы революціи, когда появились разнообразнѣйшія формы сплоченія рабочаго класса, не умѣщавшіяся въ старыя рамки, и когда окрѣпла и пріобрѣла популярность ненавистная большевикамъ идея рабочаго съѣзда. И то же повторяется—еще въ усиленной степени—и въ настоящее время реакціи. И теперь, какъ и прежде, несмотря ни на какіе предметные уроки жизни и доводы разсудка, большевизмъ не вкусилъ отъ древа познанія и разсказываетъ намъ, какъ и раньше, свою сказку про бѣлаго бычка: старое разложилось, но да здравствуетъ его реставрація.

Слѣдуетъ ли «успокоиться на констатаціи разложенія іерархіи?»— Разумѣется, нѣтъ, какъ справедливо замѣчаетъ Базаровъ, не слѣдуетъ. Но значитъ ли это, что слѣдуетъ признать бывшее, какъ бы не бывшимъ, и, перескочивъ черезъ него, успокоиться на «возстановленіи» прошлаго? Можно ли, вообще, говорить о «возстановленіи», не разобравшись предварительно въ томъ, что возстановленію подлежитъ, и что не можетъ уже быть возстановлено, что при всякой попыткѣ къ его оживленію будетъ только разлагающе дѣйствовать на цѣлое?

Вѣдь, это возстановляемое прошлое и раньше страдало уже органическимъ порокомъ — оно выростало на фонѣ слабо развитой самодѣятельности рабочаго класса, оно вырабатывалось не въ органъ для проявленія его самодѣятельности, а въ аппаратъ для внѣшняго руководства этимъ классомъ, для управленія имъ.

Словъ нѣтъ, это былъ въ своемъ родѣ недурной аппаратъ и этому аппарату русскаго марксизма могли въ свое время позавидовать всѣ прочія общественно-политическія направленія. Но то, что удовлетворило бы въ этомъ аппаратѣ эти прочія направленія, не удовлетворяло и не могло удовлетворить марксизма. Ибо марксизмъ зналъ слишкомъ хорошо, что для него одного лишь самодѣятельность массъ есть направляющій принципъ во всей общественно-политической дѣятельности, есть необходимое предварительное условіе не только для его будущаго претворенія въ жизнь, но и для каждаго дѣйствительнаго шага впередъ на пути къ этой цѣли. И потому-то вся реформаторская мысль марксизма въ лицѣ меньшевистскаго теченія и была искони направлена на устраненіе этого фатальнаго характера аппарата, на превращеніе органа управленія въ органъ самодѣятельности.

Но если необходимость преобразованія была очевидной и раньше, то что же сказать про формулу «возстановленія» теперь, когда, несмотря на усилія контръ-революціоннаго реванша, условія жизни и дѣятельности, являются во многомъ совершенно иными, чѣмъ въ предреволюціонную эпоху, когда вся политическая обстановка стала пестрой и сложной, состоящей изъ причудливой смѣси стараго съ новымъ, когда прежнее сплошное «нельзя» превратилось въ рядъ двусмысленныхъ «можно-нельзя» и когда тѣмъ самымъ настоятельно выступила на сцену задача неуклоннаго и планомѣрнаго расширенія этой области возможнаго?

Жизнь пройдетъ мимо этой формулы къ своимъ очереднымъ дѣламъ, ибо воистину это—мертвая формула. Ибо надо же понять, наконецъ, что то «старое», которое собираются «возстановлять», разрушается теперь не только подъ вліяніемъ репрессій и наступившей апатіи (это бы еще съ полъ-горя), но также и подъ дѣйствіемъ той пестроты переходнаго времени, которая выхватываетъ у стараго отдѣльныя функціи или мѣняетъ ихъ объемъ и характеръ. Достаточно напомнить читателю хотя бы только объ измѣненіяхъ въ функціи распространенія идей—печатнаго и устнаго — и въ связи съ этимъ о судьбѣ прежде дѣйствовавшихъ кружковъ распространенія...

Я бы сказалъ: именно разнотонность настоящаго времени, именно сочетаніе «возможнаго» съ тѣмъ, что находится внѣ его предѣловъ, именно то, что выдвигаетъ очередную задачу расширенія границъ этого возможнаго, именно это и наноситъ послѣдній ударъ реставраціоннымъ попыткамъ.

Не реставрація, а преобразованіе на новыхъ основаніяхъ, не возвращеніе къ тому типу постройки, который органически связанъ съ дореволюціонной эпохой, а разработка, не взирая на всѣ трудности, загромождающія путь къ этой цѣли, новаго типа, въ которомъ все идейное общественно-политическое богатство, доставшееся въ наслѣдство отъ прошлаго, органически сплелось бы съ послѣдовательно проведеннымъ началомъ самодѣятельности рабочаго класса; и соотвѣтственно этому—сугубое вниманіе, обращенное на точки приложенія этой самодѣятельности, какъ бы незначительны онѣ ни были, ищущая въ этомъ направленіи практика и мысль, сюда же пролагающая путь,—вотъ перспектива, которая одна только намѣчала бы исходъ изъ того настроенія тупика, на одномъ полюсѣ котораго также расцвѣтаютъ попятныя утопіи, какъ на другомъ—разлагающее уныніе. И если въ настоящее время очертанія перспективы пока еще неясны, то задача коллективной работы мысли—и только коллективная мысль на это способна—сдѣлать яснымъ неясное и бѣгло намѣченные контуры облечь въ плоть и кровь дѣйствительности.

Но этого исхода, этой всей перспективы какъ бы не существуетъ для Базарова: его зрѣніе, мнѣ кажется, страдаетъ особаго рода дальтонизмомъ, который позволяетъ ему изъ печальнѣйшихъ обломковъ былого проектировать жизнеспособное настоящее, и въ то же время не видѣть, что какъ ни слабо современное рабочее движеніе, какъ ни давятъ его тиски нашего «конституціоннаго» режима, какъ ни отражается на немъ царящая въ массахъ депрессія, но только это движеніе таитъ въ себѣ ростки той коллективной энергіи, которая совершитъ необходимую преобразовательную работу, которая и то, что есть неоткрытаго, сумѣетъ въ своихъ цѣляхъ использовать.

И только потому, что Базаровъ — мнѣ думается — не видитъ этой тенденціи времени сквозь неприглядную картину текущаго момента, ему и представляется, будто, и въ самомъ дѣлѣ, «исчезли безъ слѣда», не оставивъ по себѣ никакихъ хотя бы даже «разрозненныхъ» обломковъ, никакого хотя бы только «идейнаго наслѣдства», тѣ «зародыши истинно-пролетарскаго организаціоннаго строительства», наличность которыхъ онъ готовъ зарегистрировать въ прошлые годы.

А отсюда и выводъ, за которымъ ходить недалеко: нѣтъ указанной тенденціи времени, за то существуютъ среди пустоты организаціоннаго небытія—обломки былого. И обломки превращаются въ фетишъ, безъ нихъ уже не мыслится цѣлое, судьба этого цѣлаго ставится въ зависимость отъ судьбы этихъ обломковъ, и всякій, посягнувшій на нихъ своей критикой, кажется посягнувшимъ на цѣлое, совершившимъ своего рода оскорбленіе величества. Такъ въ головахъ даже такихъ оппонентовъ,

какъ Базаровъ, выростаетъ представленіе о «ликвидаторскомъ», «антипартійномъ теченіи».

Но если это такъ, то не правъ ли Базаровъ, который говоритъ, что «непозволительно» «ликвидаторскій эпизодъ» (какъ и философскій, о чемъ рѣчь будетъ дальше) «сводить» къ «фантомамъ разстроеннаго воображенія» и что «ядро вопроса относится къ числу величинъ первостепеннаго значенія».

Что и говорить, правъ былъ бы Базаровъ, если бы только... тотъ вопросъ, который онъ относитъ къ числу «величинъ первостепеннаго значенія» и въ самомъ дѣлѣ содержался въ пресловутомъ «эпизодѣ». Но его-то какъ разъ тамъ и нѣтъ, этого серьезнаго, важнаго, и въ сущности стараго вопроса, который я затронулъ на предыдущихъ страницахъ и которому, если принять во вниманіе его основу, почти столько же лѣтъ, сколько и всему разногласію между большевистскимъ и меньшевистскимъ теченіями въ русскомъ марксизмѣ.

И я скажу, не обинуясь: Базаровъ можетъ сколько угодно обслѣдовать всѣ закоулки «эпизода», онъ въ нихъ не найдетъ ни самаго «вопроса», ни «ядра» его, вообще ни логики, ни фактовъ, а лишь мусорную кучу изъ мелкихъ страстей нашей мелкой эпохи, шахматныхъ междуфракціонныхъ ходовъ, обвиненій, заподазриваній, сплетенъ,—словомъ, неподдающуюся описанію картину вырожденія борьбы, происходящей внутри коллектива. И наоборотъ: онъ долженъ отойти отъ эпизода на извѣстное разстояніе, чтобы начать различать, наконецъ, сквозь угарный дымъ, реальныя очертанія реальныхъ предметовъ. И тогда онъ увидитъ, что есть двѣ категоріи явленій, неимѣющихъ между собой ничего общаго и, однако, злостно или наивно—все равно, противоестественно сливаемыхъ во-едино подъ общимъ названіемъ ликвидаторства. Съ одной стороны, — это меньшевизмъ, не имѣющій основаній отказываться и при настоящихъ обстоятельствахъ отъ своихъ многолѣтнихъ традицій, съ другой—это цѣлый букетъ изъ элементовъ развала, сопутствующихъ современному періоду реакціи.

Взять хотя бы то «успокоеніе»—успокоеніе на констатированіи «разложенія іерархіи»—на которое ссылается Базаровъ. Совершенно очевидно и на этомъ примѣрѣ, что если одни представляются «успокоившимися» только потому, что они **не успокоились** на утопіи возстановленія прошлаго и стремятся впередъ, и ищутъ путей для выхода изъ настоящаго состоянія застоя, то по нынѣшнему времени, разумѣется, могутъ быть и другіе, которые «успокаиваются» на констатированіи этого разложенія, какъ и на всякой иной разновидности пассивнаго отрицанія, созерцательнаго скепсиса. Эти возможные другіе—это пыль отъ распада огромнаго движенія, одинъ изъ продуктовъ происшедшей грандіозной ликвидаціи. Атмосфера безвременья слишкомъ насыщена міазмами разложенія, чтобы отрицать a limine возможность и **такихъ** проявленій «успокоенія».

Но спрашивается: допустимо ли для серьезной общественно-полити-

ческой мысли изъ этихъ разрозненныхъ, пульверизованныхъ элементовъ распада воздвигать вавилонскую башню, торчащее передъ глазами, какъ нелѣпое пугало, кошмаро-подобное ликвидаторство? Есть ли смыслъ и возможность направлять свои удары противъ безформеннаго нѣчто, неуловимаго и неуязвимаго до тѣхъ поръ, пока оно изъ стадіи настроенія не перешло—если оно вообще способно перейти—на положеніе опредѣленнаго общественно-политическаго направленія? И до тѣхъ поръ штурмованіе этого нѣчто не напоминаетъ ли въ лучшемъ случаѣ — борьбу Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами въ худшемъ же случаѣ—ту дрязгу, отъ одного привкуса которой наполняется чадомъ и безъ того спертый воздухъ безвременья?

А между тѣмъ—кто же станетъ оспаривать—развалъ существуетъ и съ разваломъ необходимо бороться. Вопросъ только: какъ? Мнѣ кажется,—обличительныя рѣчи современныхъ Саванароллъ гораздо менѣе въ данномъ случаѣ дѣйствительны, чѣмъ положительная работа надъ укрѣпленіемъ своихъ собственныхъ позицій, какъ въ сферѣ практическаго строительства, такъ и въ сферѣ идей...

2.

Говоря это, я невольно подхожу къ «философскому эпизоду», который—наравнѣ съ эпизодомъ ликвидаторскимъ—послужилъ основаніемъ для появленія возраженія Базарова. Этотъ эпизодъ есть, вѣдь, также иллюстрація къ вопросу о томъ, какъ можно идейно бороться и какъ бороться не слѣдуетъ.

Долженъ прежде всего оговориться, что Базаровъ, какъ видно, не понялъ того угла зрѣнія, подъ которымъ я подхожу къ «эпизоду», если счелъ умѣстнымъ вступиться за «философскія отвлеченности» противъ моего будто бы ихъ превращенія въ «пустякъ». «Тѣмъ не менѣе я нахожу—говоритъ онъ—что наши философскіе споры въ существѣ своемъ вовсе не являются пустяками». Признаюсь, мнѣ даже какъ-то странно разъяснять Базарову, что онъ ломится въ открытую дверь и что я ни малѣйшимъ образомъ не имѣлъ претензій возводить въ пустякъ философское содержаніе спора между матеріалистами и эмпиріокритиками. Tout honneur его философскому содержанію какъ и философіи вообще. На нихъ я руки не подымалъ, а говорилъ о совершенно другомъ.

Я позволилъ себѣ только—мнѣ кажется—занять позицію, аналогичную той, которую въ данномъ случаѣ занимаетъ К. Каутскій. Правда, я слышалъ уже, что Каутскій ошибается, что Каутскій профанъ въ философіи. Но я думаю, что, во-первыхъ, онъ все же очень хорошій «профанъ», который лучше, чѣмъ кто-либо изъ нынѣ живущихъ марксистовъ понимаетъ задачи и нужды марксистскаго движенія въ его цѣломъ, а во-вторыхъ—я именно съ точки зрѣнія «профана» — не спеціалиста—и подходилъ къ занимающей насъ темѣ.

Я говорилъ себѣ: точка зрѣнія—положеніе—«профана»—это volens-nolens точка зрѣнія—положеніе—Каутскаго, Бебеля, всѣхъ дѣятелей извѣстнаго движенія до послѣдняго рядового сочлена, всѣхъ—за исключеніемъ двухъ-трехъ спеціалистовъ, овладѣвшихъ тайнами этой малодоступной, требующей громаднаго сосредоточенія на себѣ, въ своемъ родѣ «аристократической» науки. Это точка зрѣнія, на которой только и можетъ стоять коллективная мысль движенія, и, слѣдовательно, права гражданства которой мнѣ нечего отстаивать.

И вотъ такой-то «профанъ», подходя къ философскому эпизоду, къ философской борьбѣ, возгорѣвшейся внутри извѣстнаго коллектива, естественно, какъ и подобаетъ «профану», захочетъ прежде всего уяснить себѣ значеніе этой борьбы для всего цѣлаго. Онъ начнетъ искать тѣхъ мостовъ, доступныхъ сознанію профановъ, которые были бы перекинуты съ островка философіи къ материку движенія. Потому что, вѣдь только при существованіи подобныхъ мостовъ, только тогда, когда непосредственно ощущается связь между самыми отвлеченными дисциплинами знанія и тѣмъ, что непосредственно входитъ въ составъ credo движенія, въ его оффиціальную программу, только при этихъ условіяхъ, движеніе можетъ разсчитывать стать движеніемъ, вобравшимъ въ себя всю культуру эпохи, или—лучше сказать—носителемъ собственной культуры, достойной стоящихъ передъ нимъ задачъ мірового масштаба,—культуры, которую не вмѣстить ни въ какія рамки программы.

И я боюсь, что я не одинъ оказался въ положеніи неудовлетвореннаго профана, въ положеніи человѣка, сомнѣвающагося въ существованіи осязаемаго моста, который бы велъ съ позицій, занимаемыхъ нашими философами, къ общественно-политическимъ позиціямъ всѣхъ прочихъ смертныхъ. И я уже совсѣмъ не сомнѣваюсь, что философское повѣтріе, охватившее извѣстные, болѣе или менѣе широкіе круги не спеціалистовъ, было совершенно лишено этой сознаваемой связи.

А между тѣмъ только при сохраненіи этой живой и сознаваемой связи можно было бы говорить объ этомъ повѣтріи, не какъ о бѣгствѣ сознанія изъ сферы общественно-политическихъ вопросовъ, не какъ объ одномъ изъ симптомовъ эпохи упадка, а, наоборотъ, какъ о завоеваніи коллективнымъ сознаніемъ областей, до тѣхъ поръ еще не находившихся въ полѣ его зрѣнія, какъ о расширеніи горизонта той публики, которая недавно еще замыкалась въ кругу политическихъ и даже уже еще—тактическихъ вопросовъ движенія.

Мнѣ кажется, что если матеріалисты—философы къ нашему величайшему сожалѣнію пока еще не дали намъ, профанамъ, — ждущимъ отъ нихъ обоснованія того недостаточно отчетливаго предубѣжденія, которое у насъ сложилось противъ эмпиріокритической литературы *), ощу-

*) А предубѣжденіе это питается различными источниками и воспоминаніями о печальномъ опытѣ съ гносеологическими исправленіями марксизма, уже ранѣе надъ нимъ практиковавшимися (хотя бы нашими нео-кантіанцами), и той общественно-политической ролью, которую пришлось сыграть въ марк-

тить, какъ и въ какомъ направленіи эмпиріокритицизмъ отражается на методологіи марксизма при изученіи имъ современнаго общества и его историческаго развитія, какъ видоизмѣняется и видоизмѣняется ли подъ его дѣйствіемъ общественно-политическая программа движенія, то еще менѣе—что и говорить—эмпиріокритики съ своей стороны съумѣли оттѣнить то новое и съ ихъ точки зрѣнія цѣнное, чего матеріалисты не вносили до нихъ въ движеніе и что, по ихъ мнѣнію, вносится теперь только ихъ эмпиріокритическимъ сознаніемъ.

А до тѣхъ поръ, пока это такъ, пока профаны непосредственно не почувствовали, что основы ихъ общественныхъ взглядовъ грозятъ поколебаться или, по крайней мѣрѣ, готовы претерпѣть измѣненія въ зависимости отъ того или иного рѣшенія философскаго спора, до тѣхъ поръ возможенъ, конечно, самый интенсивный интересъ въ средѣ профановъ къ этому спору, какъ ко всякому спору вокругъ крупной научной проблемы, въ томъ числѣ, напр., и проблемы дарвинизма (на что правильно указываетъ Каутскій), но невозможно только—чтобы этотъ споръ сталъ однимъ изъ тѣхъ споровъ, которые кладутся въ основу «профаньяго» общественно-политическаго размежеванія, чтобы допустима была тенденція этотъ споръ въ данномъ смыслѣ использовать.

И уже, во всякомъ случаѣ, вопіюще непозволительной является тенденція использовать этотъ споръ не только для размежеванія внутри основного коллектива, для размежеванія, если можно такъ выразиться, второго порядка, но и для размежеванія основного: для рѣшенія по философскому признаку вопроса о принадлежности человѣка ко всему общественно-политическому цѣлому.

Вотъ противъ то подобной тенденціи и было направлено то мѣсто статьи моей, въ которомъ говорится о философскомъ эпизодѣ, и только противъ нея. Такимъ образомъ, не философское содержаніе спора между матеріалистами и эмпиріокритиками титуловалось мною пустякомъ, я это тогда же подчеркивалъ. Пустякомъ, съ моей точки зрѣнія, зловреднымъ пустякомъ, расцвѣтшимъ на болотной почвѣ безвременья, являлась только манія размежеванія — совершенно такой же продуктъ политическаго застоя, отсутствія общественно-политической дѣятельности, какъ и обратная тенденція времени—его равнодушіе къ принципамъ.

Вотъ почему, если намъ дорого дальнѣйшее развитіе идейнаго движенія, если мы хотимъ, чтобы оно проходило при сколько нибудь нормальныхъ условіяхъ, чтобы внутри этого движенія не выростали передъ нами невзначай сверхсмѣтныя препятствія,—а ихъ и безъ того существуетъ достаточно—то мы должны обратить наше самое серьезное вниманіе на то, при какихъ обстоятельствахъ размежеваніе возможно и нужно и при какихъ оно несетъ съ собою одинъ только вредъ. Это проблема, затрагивающая весь коллективъ, затрагивающая не спеціалистовъ только науки,

---

систскомъ движеніи группѣ представителей эмпиріокритицизма, и, наконецъ—современной позиціей по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ по отношенію къ новѣйшимъ идеологическимъ вѣяніямъ современнаго буржуазнаго общества.

а всѣхъ и каждаго въ этомъ коллективѣ, это проблема всякаго «профана», для котораго судьба коллектива является и его собственной судьбой.

Я надѣюсь вернуться еще къ этой темѣ и поговорить о ней вплотную, пока же я хочу разъяснить только одно недоразумѣніе, непосредственно связанное съ этой темой. Я имѣю въ виду то понятіе «частнаго дѣла», «Privatsache», которое я примѣнилъ вслѣдъ за Каутскимъ къ философскому спору матеріалистовъ съ эмпиріокритиками. Это понятіе, имѣющее строго отграниченное содержаніе у нѣмцевъ, не хочетъ, повидимому, пока что прививаться у насъ. Ибо, прежде всего, у насъ укрѣпилось неправильное представленіе о томъ, что частное дѣло—Privatsache—есть просто безразличное дѣло,—дѣло, къ которому нельзя относиться иначе, какъ пассивно, противъ котораго—даже и въ извѣстныхъ рамкахъ—не подобаетъ бороться. Ясно, что такая Privatsache отвергается самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ ясно и то, что безразличнымъ дѣломъ не можетъ для насъ быть не только споръ матеріалистовъ съ эмпиріокритиками, но и всякій культурный вопросъ, всякій научный вопросъ.

Но стоитъ, мнѣ кажется, лишь вспомнить наиболѣе извѣстное положеніе нѣмецкой практики, гласящее, что «религія есть частное дѣло», Religion ist Privatsache, чтобы понять, что понятіемъ Privatsache намѣчается не безразличное отношеніе къ извѣстному предмету, а только одно—что данный предметъ не входитъ въ тотъ minimum, который является непремѣннымъ условіемъ для принадлежности къ общественно-политическому цѣлому.

Другими словами—всякое покушеніе на minimum сопряжено съ вопросомъ о принадлежности къ цѣлому, выраженіемъ котораго и является этотъ связующій minimum. Но за то—что стоитъ за предѣломъ этого minimum'а можетъ быть предметомъ дискуссій, борьбы и группировокъ внутри коллектива, но оно не смѣетъ посягать на цѣльность коллектива и занимать въ его жизни, такимъ образомъ, несоотвѣтствующее мѣсто.

Примѣняя же къ нашему случаю этотъ опытъ нѣмецкаго и съ нимъ вмѣстѣ всего международнаго движенія, мы скажемъ: только въ томъ случаѣ, если извѣстное философское теченіе сплетается съ опредѣленнымъ общественно-политическимъ содержаніемъ, можетъ подняться вопросъ о размежеваніи, о размежеваніи въ предѣлахъ ли коллектива, или о размеженіи, выходящемъ за эти предѣлы. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вопросъ о размежеваніи рѣшается общественно-политическомъ содержаніемъ даннаго оттѣнка и болѣе ничѣмъ.

Таковы тѣ общественно-политическіе, а не философскіе выводы, на которые навелъ меня философскій эпизодъ изъ эпохи нашего безвременья.

А. Потресовъ.

Издатель М. Я. Лукомскій. Редакторъ О. В. Федорченко.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 5-6.

(МАЙ—ІЮНЬ)

1910 годъ.

Содержаніе № 5-6.

Промышленный кризисъ и промышленное оживленіе М. Нахимсонъ 1
«Вещи въ себѣ» - не пустяки. Ортодоксъ 8
Итоги политическаго антисемитизма въ Германіи. П. Берлинъ. 19
Старая и Новая Турція. Мих. Павловичъ 26
На дикомъ мустангѣ (С. И. Гусевъ-Оренбургскій). В. Львовъ-Рогачевскій 37
Эмиль Верхарнъ. Евгеній Чаровій 45
Судьбы русской интеллигенціи. Ст. Ивановичъ 53
Изъ практики бакинскаго рабочаго движенія. В. Мировъ . . . 73
«Большевизмъ» и «меньшевизмъ» у нѣмецкихъ соціальдемократовъ. В. Левицкій 89
Реформа страхованія рабочихъ въ Австріи. Вл. Розановъ . . 99
Политическое обозрѣніе: 1) Къ итогамъ 3-ей сессіи Е. Смирновъ . 114
» » 2) Оффиціальный національнизмъ и евреи А. Михайловъ 122
Библіографія 134

„Большевизмъ“ и „меньшевизмъ“ у нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ въ Германіи: борьба народныхъ массъ за избирательное право въ Пруссіи, завоеваніе пролетаріатомъ «права на улицу», колебанія въ правительственномъ лагерѣ, возрожденіе буржуазнаго либерализма и т. д.—не могли не вызвать въ рядахъ германской соціалдемократической партіи разговоровъ о перемѣнѣ тактики. Еще со времени россійскихъ событій 1905 г. въ партіи стали раздаваться голоса о необходимости примѣненія всеобщей забастовки, какъ «послѣдняго и крайняго средства» въ борьбѣ съ юнкерами и правительствомъ, раздавались жалобы на умѣренность правленія партіи и линіи, которой придерживался центральный органъ «Vorwärts».

Тѣмъ не менѣе, Маннгеймскій съѣздъ 1906 г. вынесъ резолюцію, очень точно оговаривающую различными условіями (согласіе професс. союзовъ) примѣненіе этого средства, и партія отнюдь не измѣнила своей испытанной тактики, въ угоду нетерпѣливымъ «новаторамъ».

Правда, начиная съ 1908 года партія вступила въ фазисъ активной борьбы за всеобщее и равное избирательное право въ Пруссіи, сопровождавшейся массовыми уличными демонстраціями, до тѣхъ поръ не примѣнявшимися, но руководящіе круги партіи, старались не муссировать движенія, предоставляя ему постепенно распространяться все дальше и захватывать все новые круги. Въ этомъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ движеніе въ пользу избирательнаго права достигло величайшаго напряженія: повсюду въ Пруссіи и за ея предѣлами происходили внушительныя массовыя демонстраціи и часто даже столкновенія съ полиціей, настроеніе все повышалось...

И какъ всегда бываетъ въ такіе моменты, у нѣкоторыхъ горячихъ головъ появилось стремленіе гнать движеніе все впередъ, и впередъ и опасеніе, что, въ противномъ случаѣ, оно пойдетъ вспять; желаемое казалось уже достигнутымъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ тактика партійныхъ «вождей» казалась слишкомъ умѣренной и нерѣшительной. На партійныхъ собраніяхъ и въ партійной прессѣ сталъ дебатироваться вопросъ о примѣненіи всеобщей стачки и на нѣкоторыхъ изъ нихъ выносились резолюціи въ этомъ духѣ.

Интереснымъ отраженіемъ этихъ тактическихъ споровъ внутри германской с. д. партіи является полемика двухъ видныхъ с.-д. писателей ортодоксальнаго направленія: Карла Каутскаго и Розы Люксембургъ, на страницахъ журнала «Neue Zeit», въ связи съ статьей Р. Лю-

ксембургъ въ «Дортмундской рабочей газетѣ» [1]). Полемика эта представляетъ для русскихъ читателей особенный интересъ, такъ какъ въ пунктахъ расхожденія имѣются точки соприкосновенія съ тактическими разногласіями русскихъ «большевиковъ» и «меньшевиковъ».

* * *

Въ началѣ марта, когда демонстраціонное движеніе быстро шло въ гору, Р. Люксембургъ писала: «положеніе партіи въ настоящій моментъ сводится къ простой дилеммѣ: или вскорѣ массовая дѣятельность выйдетъ далеко за предѣлы простыхъ собраній и уличныхъ демонстрацій—тогда массовая стачка является единственнымъ средствомъ, вытекающимъ изъ даннаго положенія,—или же все движеніе достигнетъ мертвой точки и черезъ нѣкоторое время неизбѣжно разрѣшится ничѣмъ. Собственно говоря, для партіи, обладающей авторитетомъ и отвѣтственностью германской соціалдемократіи нѣтъ даже выбора. Послѣ того, какъ она сама вызвала массы къ дѣйствію она не можетъ бить отбой. Партія попала въ положеніе когда ей слѣдуетъ впервые примѣнить принятое 5 лѣтъ назадъ въ Іенѣ рѣшеніе относительно массовой стачки». Въ доказательство Р. Люксембургъ приводитъ слѣд. «психологическія» соображенія:

«Массовыя демонстраціи имѣютъ свою собственную логику и психологію, съ которыми необходимо считаться политикамъ, желающимъ ими руководить. Проявленія массовой воли въ политической борьбѣ не могутъ искусственно поддерживаться долгое время на одной и той же высотѣ, застыть въ одной и той же формѣ. Они должны подыматься, заостряться, принимать новыя, болѣе рѣшительныя формы. Разъ начавшееся выступленіе массъ должно идти впередъ. И если у руководящей партіи въ данный моментъ не хватитъ рѣшимости дать массѣ нужный пароль, то ею неизбѣжно овладѣетъ нѣкоторое разочарованіе, подъемъ исчезнетъ и выступленіе прекратится». Въ другомъ мѣстѣ Р. Люксембургъ говоритъ въ томъ же духѣ, что передъ партіей стоитъ дилемма: «Или во что бы то ни стало впередъ, или начавшееся движеніе массъ безуспѣшно прекратится».

Мы имѣемъ передъ собой образчикъ пресловутаго разсужденія по методу «или—или». Или всеобщая стачка, т. е., какъ выражались недавно въ Россіи, доведеніе движенія «до логическаго конца»,—или прекращеніе борьбы и покорное сложеніе оружія. «Третьяго» для Р. Люксембургъ нѣтъ

Для нея не существуетъ того факта, что уже въ теченіе 3-хъ лѣтъ въ Пруссіи ежегодно начинается демонстраціонное движеніе въ пользу

---

*) См. „Neue Zeit“ 1910 г. №№ 28 и 29 „Was nun“ von K. Kautsky; №№ 35 и 36 „Ermattung oder Kampf“ von R. Luxemburg; №№ 37, 38 и 39 „Eine neue Strategie“ von K. Kautsky.

избирательной реформы, съ каждымъ годомъ доходящее до все болѣе высокаго уровня и затѣмъ временно прекращающееся, безъ того, чтобы перейти въ массовую стачку. Для нея существуетъ только ея собственная «психологія», которую она хочетъ изобразить, какъ психологію массоваго движенія.

Методъ разсужденій Р. Люксембургъ, подобно методу россійскихъ большевиковъ, коренится въ переоцѣнкѣ своихъ силъ, недооцѣнкѣ силъ врага и непониманіи, а потому и упрощеніи, той исторической и политической обстановки, въ которой приходится дѣйствовать пролетаріату. Она думаетъ, что германскій пролетаріатъ дошелъ уже до такого момента, когда «единственнымъ» средствомъ борьбы является для него массовая стачка, которая, хотя и «не является послѣднимъ словомъ начавшейся политической кампаніи, но безспорно является ея п е р в ы м ъ словомъ въ с о в р е м е н н о й стадіи борьбы». И она упрекаетъ «вождей» соціалдемократіи, что они «отстали въ своихъ чувствахъ и мысли» отъ пролетаріата.

Невольно приходятъ на умъ русскіе большевики: пролетаріатъ уже разочаровался въ «конституціонныхъ иллюзіяхъ», пролетаріатъ отвѣтилъ на Думу 6-го августа всеобщей стачкой, потому на Думу 17 октября онъ отвѣтитъ бойкотомъ и вооруженнымъ возстаніемъ, а потому мы переживаемъ 47 годъ и т. д. и т. д.—такъ приблизительно мыслили въ 1906—1907 гг. тѣ, которые подмѣняли настроеніе и сознаніе массъ своими собственными субъективными желаніями и настроеніями.

То же самое происходитъ и съ Р. Люксембургъ. Движеніе въ пользу реформы избирательнаго права только еще начинаетъ захватывать самые широкіе и отсталые слои рабочей массы и едва только проникаетъ въ другіе, не чисто-пролетарскіе слои. И если идущіе впереди движенія сознательные с-д. рабочіе готовы на самопожертвованіе и могутъ ринуться во всеобщую стачку, то далеко нельзя того же самаго сказать о другихъ участникахъ этого движенія (а ихъ большинство).

Массовое демонстраціонное движеніе, постепенно, изъ года въ годъ захватывающее новыя и новыя массы, играетъ колоссальную организаціонную и пропагандистскую роль, политически воспитывая и организаціонно вышкаливая массы борцовъ противъ существующаго режима, но отсюда еще далеко до массовой стачки, какъ крайняго средства борьбы.

Пылкая Р. Люксембургъ не удовлетворяется «изморомъ» врага рекомендуемымъ Каутскимъ, ей нужна «борьба».

«Парламентскій крахъ реформы избирательнаго права — пишетъ она—означаетъ банкротство правительства и клерикально-консервативнаго блока. Дѣятельность противниковъ теперь закончилась, тѣмъ настойчивѣе должна ее замѣнить дѣятельность пролетаріата. Врагъ отступаетъ, намъ слѣдуетъ наступать. Не оптимистическія ожиданія грандіознаго реванша черезъ $1^1/_2$ года у избирательной урны, но ударъ за ударомъ теперь, не взятіе изморомъ, но борьба по всей линіи—вотъ что намъ теперь нужно. И я повторяю: когда массы партійныхъ товарищей

поймутъ и почувствуютъ это, тогда наши вожди окажутся на своихъ постахъ. Масса дѣлаетъ это».

Въ этой соблазнительной картинѣ, нарисованной Р. Люксембургъ, проглядываетъ столь же односторонняя недоцѣнка силъ противника, сколь односторонняя была переоцѣнка своихъ собственныхъ силъ.

Что прускоe правительство понесло въ этомъ году политическій и моральный ударъ — это несомнѣнно, но отсюда еще далеко до его банкротства и побѣды пролетаріата. Ибо борьба идетъ въ данномъ случаѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Каутскій, не просто о реформѣ избирательнаго права, а не болѣе и не менѣе, какъ о низверженіи политическаго господства юнкеровъ. Послѣдніе же еще достаточно сильны и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи, чтобы можно было ихъ низвергнуть однимъ ударомъ, хотя бы такимъ сильнымъ, какъ «всеобщая стачка». Не борьба вмѣсто «взятія изморомъ», а «взятіе изморомъ», какъ средство борьбы — таковъ единственный, вѣрный способъ, испробованный и выдержавшій испытаніе сорокалѣтней практики германской соціалдемократіи.

Подставивъ свои желанія на мѣсто реально дѣйствующихъ силъ и выбравъ единоспасающее средство борьбы, Р. Люксембургъ уклоняется отъ анализа той исторической дѣйствительности и соціальной обстановки, въ которыхъ совершается борьба за прусскую избирательную реформу. Наша смѣлая воительница издѣвается надъ «мелочнымъ различіемъ», которое Каутскій устанавливаетъ между разными видами всеобщей стачки и условіями ихъ осуществленія. «Это строгое дѣленіе на рубрики и схематизированіе массовой стачки по видамъ и подвидамъ, гордо заявляетъ она,—хорошо выглядятъ на бумагѣ и годятся для обычнаго повседневнаго парламентскаго употребленія. Но эти рубрики низвергаются самой жизнью, какъ только наступаютъ великія дѣйствія массъ и времена политическихъ бурь».

Выше я отмѣтилъ уже, что въ Германіи борьба идетъ сейчасъ за низверженіе политическаго господства юнкеровъ, но и только. Хотя въ этой борьбѣ главную, почти исключительную роль играетъ соціалдемократія и рабочій классъ, но о б ъ е к т и в н о эта борьба не происходитъ за политическое господство раб. класса, за торжество соціализма. Тѣмъ болѣе пролетаріату выгодно привлеченіе на свою сторону, или, по крайней мѣрѣ, пассивное сочувствіе политически нейтральныхъ или даже заинтересованныхъ въ уничтоженіи господства юнкеровъ — слоевъ народа и, прежде всего, мелкой и средней буржуазіи. Что это не является безнадежной иллюзіей, доказываетъ фактъ несомнѣннаго оживленія и б. м. даже возрожденія германскаго либерализма въ самой тѣсной связи съ начавшейся кампаніей за избирательную реформу и нѣкотораго участія этихъ элементовъ въ демонстраціонномъ движеніи. Это же подтверждается и фактомъ поддержки либералами с.-д. кандидата на послѣднихъ дополнительныхъ выборахъ.

Правленіе Герм. с.-д. партіи, отличающееся политической чуткостью,

которой, увы, не обладаетъ Р. Люксембургъ, поняло положеніе вещей и, ничуть не отказываясь отъ самостоятельной классовой тактики, старалось учесть вліяніе этихъ элементовъ и направить свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы привлечь сочувствіе къ реформѣ и довѣріе къ борцамъ за нее въ возможно болѣе широкихъ кругахъ населенія. Поэтому оно старалось не разжигать искусственно движенія, но сдерживать его въ рамкахъ стройной организованности и планомѣрности, чтобы импонировать населенію, расширяя его размѣры лишь постепенно; такую же позицію занялъ и центр. органъ партіи «Vorwärts» и редакція «Neue Zeit» въ лицѣ Каутскаго и Мерінга, раньше придерживавшихся «большевистскаго» взгляда на буржуазію, сводящагося къ тому, что буржуазія только умѣетъ, что «предавать» и что пролетаріатъ можно только благословлять Бога за свою «блестящую изолированность».

Этотъ поворотъ «вправо» своихъ недавнихъ союзниковъ и позицію правленія партіи Р. Люксембургъ подвергаетъ жесточайшей критикѣ.

Неудивительно, что Р. Люксембургъ возмущается тактикой Правленія партіи и линіей, намѣчаемой Каутскимъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они играютъ на руку ревизіонистамъ, что Бернштейнъ говоритъ то же самое, что и Каутскій и т. д. Она возмущается стремленіемъ «руководящихъ круговъ» партіи ограничить демонстраціи только организованными элементами, вытекающимъ по мнѣнію Люксембургъ, изъ того духа, «который понимаетъ все движеніе въ пользу избир. права, какъ маневръ, происходящій подъ строгой командой верхнихъ инстанцій по точному плану и предписанію, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ великое историческое массовое движеніе, часть великой классовой борьбы, питающейся всѣмъ тѣмъ, что составляетъ современное противорѣчіе между пролетаріатомъ и господствующимъ классовымъ государствомъ».

Вполнѣ послѣдовательно для Р. Люксембургъ, стоящей на точкѣ зрѣнія «изолированности» пролетаріата, негодованіе на то, что правленіе пріурочило берлинскія уличныя демонстраціи не къ годовщинѣ революціи 18 марта и не къ 1 мая, а къ дню обсужденія въ 3 чтеніи въ прусской палатѣ правительственнаго законопроекта о реформѣ избирательнаго права. Не правда ли, какой «оппортунизмъ» это «мелочное» взвѣшиваніе шансовъ успѣха, это стремленіе выбрать политически подходящій моментъ и возможно больше союзниковъ для нанесенія удара врагу!?

Въ своемъ увлеченіи полемикой, Люксембургъ доходитъ до обвиненія Каутскаго «въ чистомъ парламентаризмѣ». «Товарищъ Каутскій»—пишетъ она—«противопоставляетъ этому пониманію массовой стачки, (какъ средства пропаганды и организаціи В. Л.) нашу испытанную тактику парламентаризма, въ дѣйствительности же временно и для настоящаго положенія онъ рекомендуетъ по просту чистый парламентаризмъ; не въ противоположность утопическому баррикадному соціализму, какъ Энгельсъ, но въ противоположность соціалъ-демократической массовой дѣятельности пролетаріата для завоеванія и использованія политическихъ правъ». По ея мнѣнію, положеніе дѣлъ таково, что «впервые мы имѣемъ

наконецъ въ Германіи масовое движеніе, впервые мы вышли за предѣлы чисто парламентской борьбы и имѣемъ возможность двинуть Ахеронтъ», задачей с.-д. поэтому является: «воспользоваться боевымъ, возбужденнымъ настроеніемъ массъ, чтобы дать ей политическіе лозунги, чтобы вычеканить ихъ въ политич. и соціалистич. форму, чтобы идти впереди массы, указывая ей путь». Въ агитаціи надо прежде всего останавливаться на «критикѣ всѣхъ буржуазныхъ партій и историческомъ, экономич. и политич. освѣщеніи массамъ всего положенія въ Пруссіи, того, что они не должны надѣяться на своихъ буржуазныхъ союзниковъ и не опираться на парламентскую дѣятельность, но только на самихъ себя, на свою собственную рѣшительную классовую дѣятольность». Таковы задачи момента, которыя Каутскій и другіе «вожди» стараются затушевать.

Лучшимъ аргументомъ въ пользу всеобщей стачки и проповѣдуемой ею тактики, Р. Люксембургъ считаетъ «опытъ» русскихъ событій 1905 г. Ошибки своихъ единомышленниковъ въ Россіи Р. Люксембургъ хочетъ сдѣлать закономъ для Германіи.

* * *

Противъ революціоннаго романтизма Р. Люксембургъ во всеоружіи марксистскаго анализа выступилъ К. Каутскій.

К. Каутскій былъ однимъ изъ первыхъ въ герм. с.-д. партіи, высказавшихся за примѣненіе пролетаріатомъ политической массовой стачки, какъ крайняго средства политической борьбы, онъ отстаивалъ ее въ своихъ брошюрахъ: «Соціальная реформа и революція» и «Allerhand revolutionäres» (по русски: «Революціонныя перспективы»), на іенскомъ и маннгейскомъ партейтагахъ германской с.-д. партіи, на Амстердамскомъ международномъ конгрессѣ, но онъ всегда, какъ тонкій теоретикъ, взвѣшивалъ и точно опредѣлялъ тѣ условія, ту соціально-политическую обстановку, въ которой примѣненіе такого крайняго средства можетъ быть признано желательнымъ и необходимымъ.

Свою полемику съ Люксембургъ Каутскій начинаетъ съ «педантичнаго», «узкосердечнаго», по ея выраженію, разграниченія понятія всеобщей стачки. Прежде всего Каутскій различаетъ политическую массовую стачку, какъ демонстраціонную стачку» и какъ «стачку—давленіе» (Zwangsstreik). Она, по Каутскому, «наше п о с л ѣ д н е е оружіе, которое мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи». Каждый видъ массовой политической забастовки требуетъ для своего осуществленія совершенно опредѣленныхъ условій. Далѣе, Каутскій указываетъ, что всеобщая стачка, какъ средство п о л и т и ч е с к а г о давленія одно дѣло,—стачка, какъ средство э к о н о м и ч е с к а г о давленія, дѣло другое, и что Р. Люксембургъ, желающая соединить оба эти вида борьбы, не понимаетъ сущности ихъ обоихъ и потому неправильно оцѣниваетъ тѣ историческіе примѣры всеобщей стачки, на которые она ссылается.

Въ частности, излюбленный Люксембургъ примѣръ русской всеобщей

стачки Каутскій считаетъ абсолютно неубѣдительнымъ. Послѣднее тѣмъ болѣе интересно отмѣтить, что еще очень недавно Каутскій самъ находился подъ гипнозомъ русскаго движенія и въ своихъ статьяхъ о характерѣ русской революціи, о русскомъ крестьянинѣ и т. д.—становился на точку зрѣнія Люксембургъ объ отсутствіи буржуазной демократіи въ Россіи, какъ политической силы, объ изолированномъ положеніи русскаго пролетаріата въ революціи, о томъ, что, лишь при поддержкѣ крестьянства, онъ на своихъ плечахъ вынесетъ дѣло русской политической свободы etc. Теперь времена измѣнились, и къ Каутскому вернулась его обычная способность къ объективному теоретическому анализу и по отношенію къ Россіи.

Каутскій доказываетъ, что политическое положеніе Россіи въ 1905 г. и въ Пруссіи въ 1910 г. совершенно различны: въ Россіи мы имѣли «позорно проигранную войну, дезорганизованную армію, всѣ классы населенія полные ненависти и презрѣнія къ правительству. Тамъ массовая стачка была послѣднимъ ударомъ, который привелъ къ паденію колеблющійся режимъ». Въ другомъ мѣстѣ Каутскій говоритъ: массовая стачка происходила въ Россіи въ то время, «когда русское правительство стало слабѣйшимъ правительствомъ въ мірѣ. За нимъ не стояло тогда ни одного класса; всѣмъ классамъ, даже землевладѣльцамъ и капиталистамъ, оно казалось причиной гибели Россіи, проклятіемъ страны». Положеніе дѣлъ въ Пруссіи совершенно иное.

«Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сильнѣйшимъ правительствомъ нашего времени. Нигдѣ армія и бюрократія не дисциплированы такъ строго, какъ здѣсь». Всѣ эксплоататоры «стоятъ стойко за правительствомъ и тѣмъ рѣшительнѣе и упорнѣе защищаютъ они существующій порядокъ. И оно поддерживается большими массами крестьянъ и мелкихъ собственниковъ, какъ охранитель существующаго строя отъ переворота».—«Въ Россіи въ 1905 г. правительство было совершенно изолировано. Въ Пруссіи же настоящаго времени пролетаріатъ будетъ изолированъ при всякомъ дѣйствіи, въ которомъ онъ захочетъ энергично потрясти существующій порядокъ».

Каутскій указываетъ далѣе, что то соединеніе экономическихъ и политическихъ моментовъ, которое было характерно для массовой стачки въ Россіи и которое Р. Люксембургъ хочетъ сдѣлать образцомъ для Германскаго пролетаріата, объяснялось тѣмъ, что въ Россіи мы имѣли дѣло съ политически малосознательными рабочими, лишенными къ тому же элементарныхъ способовъ законнаго сопротивленія капиталу и правительству и поневолѣ прибѣгающимъ къ единственному оружію, которымъ они располагали,—къ стачкѣ. Естественно, что массовая стачка германскихъ рабочихъ, прошедшихъ долголѣтнюю школу политической борьбы и воспитанія, должна выглядѣть иначе, чѣмъ массовая стачка русскаго пролетаріата. При этомъ, надо не забывать, что въ Россіи всеобщая стачка, какъ средство политической борьбы, скоро исчерпала себя, каждый новый ея взрывъ все болѣе дезорганизовывалъ массы, и неправа потому Р. Лю-

ксембургъ, предотавляющая полит. массовую стачку, какъ длительный стачечный періодъ, все болѣе и болѣе обостряющій политическое положеніе, и все болѣе подымающій настроеніе массъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что «опытъ» русской революціи не свидѣтельствуетъ въ пользу Р. Люксембургъ. Какъ тонко замѣчаетъ Каутскій: «Всякая страна можетъ и должна учиться у другихъ странъ. Но не такимъ образомъ, что она просто будетъ подражать ихъ методамъ, но тѣмъ, что она будетъ сравнивать свой опытъ съ опытами другихъ странъ, выяснять причины ихъ успѣховъ и неудачъ и изслѣдовать, въ какой мѣрѣ у насъ существуютъ подобныя причины...» Признавая героизмъ русскихъ рабочихъ, Каутскій указываетъ своей противницѣ, что этого героизма недостаточно, чтобы «взывать къ нѣмецкимъ рабочимъ: идите за ними и поступайте, какъ они». Ибо, «уже Сервантесъ зналъ, что то, что при извѣстныхъ условіяхъ является героизмомъ, при измѣнившихся условіяхъ означаетъ донкихотство».

Въ отличіе отъ предлагаемой Р. Люксембургъ тактики наступленія, «низверженія» (Niederwerfungsstrategie) Каутскій стоитъ, какъ мы уже указывали, за тактику «измора» («ermattungsstrategie»), которая стала традиціонной для германской соціалдемократіи съ тѣхъ поръ, какъ послѣ пораженія Коммуны, измѣненія общественно-экономическихъ условій и созданія для пролетаріата легальныхъ формъ борьбы: свободы печати, свободы собраній и всеобщаго избиратсльнаго права, тактика «низверженія» оказалось устарѣлой. По опредѣленію Каутскаго, тактика измора только тѣмъ отличается отъ тактики низверженія, что она не разрѣшается, подобно ей, въ непосредственную рѣшительную битву, но долго подготовляетъ ее и только тогда переходитъ въ нее, когда она достаточно уже ослабила врага». Эта тактика была побѣдоносной для германской соціалдемократіи въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ и отъ нея, по мнѣнію Каутскаго, нѣтъ нужды отказываться въ настоящій моментъ, когда положеніе благопріятно для пролетаріата.

Что рабочія массы Германіи сильно возбуждены и испытываютъ революціонный подъемъ—это несомнѣнно доказали демонстраціи, но еще болѣе несомнѣнно, что силы массы пока еще недостаточно, чтобы насильственно свернуть ненавистный юнкерскій режимъ,—а къ этому сводится тактика Р. Люксембургъ.—Возбужденія массъ и «обостренія» противорѣчій нельзя достигнуть искусственнымъ путемъ. Обостреніе это происходитъ въ результатѣ роста экономическихъ противорѣчій, все растущаго налоговаго бремени и все болѣе бьющаго въ глаза политическаго господства юнкеровъ. «Не только рабочія массы, но и широкіе слои буржуазнаго міра все рѣшительнѣе настраиваются противъ юнкерскаго режима; по самымъ различнымъ, часто взаимно противорѣчивымъ причинамъ, всѣ все болѣе сходятся въ убѣжденіи, что этотъ режимъ готовитъ Германіи гибель». И лучшимъ средствомъ использовать это благопріятное политическое положеніе является для с.-д. усиленіе своей пропагандистской и организаціонной дѣятельности, въ каковой первое мѣсто зани-

маетъ организація политическихъ демонстрацій. Результатъ этой дѣятельности и все ростущаго недовольства страны, долженъ сказаться на предстоящихъ политич. выборахъ 1911 года; къ нимъ Каутскій и предлагаетъ пріурочить всю дѣятельность и агитацію партіи. Если, на что разсчитываетъ Каутскій, с.-д. одержитъ побѣду и увеличитъ значительное число своихъ мандатовъ и полученныхъ голосовъ, то «при современномъ положеніи, въ виду колоссальнаго возбужденія народныхъ массъ, напряженнаго внутренняго и внѣшняго положенія, такая побѣда означаетъ не что иное, какъ крушеніе всей существующей господствующей правительственной системы».

Тогда правящіе элементы должны будутъ или уступить народнымъ требованіямъ, или рѣшиться нарушить законъ и подавить насильственно массовое движеніе, и тогда соц.-демократія, въ качествѣ обороняющейся стороны, будутъ имѣть сочувствіе всего народа, или же правительство, (что самое вѣроятное), потеряетъ голову, будетъ кидаться отъ уступокъ къ насиліямъ и т. д., что только вызоветъ раздраженіе народа и подорветъ послѣдніе остатки довѣрія къ правительству. Во всѣхъ трехъ случаяхъ с.-д. можетъ только выиграть, ибо положеніе будетъ благопріятно для нея. Единственное, что, по мнѣнію К., можетъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ партіи, это «глупость съ ея стороны», т. е. преждевременное выступленіе, которое можетъ дать правительству возможность подавить движеніе въ крови и, вызвавъ къ себѣ сочувствіе народа, укрѣпить свой падающій престижъ. Такимъ шагомъ и является проповѣдуемая Р. Люксембургъ всеобщая стачка.

«Именно потому—говоритъ Каутскій,—что мы убѣждены, что мы идемъ навстрѣчу серьезнымъ и тяжелымъ битвамъ, что мы близки къ тому времени, когда тактика измора должна перейти въ тактику низверженія, именно потому, тѣмъ необходимѣе не пускаться отъ нетерпѣнія въ преждевременныя дѣйствія и не разстрѣливать своихъ патроновъ въ аванпостныхъ стычкахъ». Вотъ почему колоссальную ошибку совершаетъ Р. Люксембургъ, ставя дилемму: либо немедленная всеобщая стачка, либо крушеніе, ибо этимъ она искусственно взвинчиваетъ рабочія массы и въ то же время подрываетъ ихъ вѣру въ средство, которое должно явиться, по мнѣнію Каутскаго, заключительнымъ аккордомъ пролетарской борьбы, а не первымъ ея «словомъ», какъ думаетъ Люксембургъ. Пропаганда идеи всеобщей стачки, какъ рѣшительнаго средства борьбы — нужна уже и сейчасъ, говоритъ Каутскій, чтобы подготовить и освоить массы съ этой идеей, но отсюда еще далеко до всеобщ. стачки, какъ «единственнаго» и ближайшаго средства.

Въ отвѣтъ на обвиненія въ «чистомъ парламентаризмѣ» Каутскій, отвѣчаетъ Р. Люксембургъ ссылкой на то, что привѣтствуемыя имъ мартовскія демонстраціи и экономическія стачки, являясь проявленіемъ тактики «измора», не имѣютъ ничего общаго съ «чистымъ парламентаризмомъ». Но не быть чистымъ парламентаристомъ—не значитъ еще недооцѣнивать значеніе парламентаризма, ибо «при данныхъ политическихъ условіяхъ

едва-ли существуютъ средство, кромѣ побѣдоносной массовой стачки, которое имѣло бы столь большое моральное дѣйствіе, какъ крупная избирательная побѣда».

Полемика Каутскаго съ Люксембургъ прекратилась, какъ прекратился и поводъ, ее вызвавшій. Движеніе массъ временно улеглось и въ послѣднихъ статьяхъ даже Р. Люксембургъ говоритъ лишь о необходимости пропаганды самой идеи массовой стачки (т. е., то, противъ чего Каутскій не спорилъ съ самаго начала), а не о ея примѣненіи въ ближайшіе дни. Факты показали, что Каутскій въ спорѣ былъ правъ. Какъ ни возбуждены были массы, но до перехода демонстрацій въ массовую стачку оказалось далеко. Попытки послѣдней въ 2—3-хъ городахъ (Килѣ, Брауншвейгѣ и др.) окончились неудачей. И угрозы Р. Люксембургъ, что движеніе перерастетъ и сброситъ вождей, играющихъ роль «тормаза» оказались неосновательными. Въ послѣдней своей статьѣ Каутскій ядовито замѣчаетъ: «Мнѣ неизвѣстна ни одна успѣшная массовая стачка, которая начиналась бы съ дискуссіи въ печати о томъ, есть ли для нея почва», потому что «элементъ неожиданности, внезапности, является однимъ изъ условій успѣшности массовой стачки». Такого настроенія, которое стихійно вызывало бы въ массахъ стремленіе къ стачкѣ, пока еще нѣтъ въ герм. пролетаріатѣ. И лучшимъ доказательствомъ этому служитъ сама Р. Люксембургъ, которая думаетъ, что движеніе можетъ пойти подъ гору, если «вожди» не дадутъ во время лозунга. Такая массовая стачка неизбѣжно обречена на пораженіе. Очевидно, время для массовой политич. стачки въ Германіи еще не пришло, разъ въ защиту ея можно приводить только тотъ аргументъ, что, безъ ея примѣненія, массы легко остынутъ.

* * *

Въ полемикѣ Каутскаго и Люксембургъ еще разъ рѣзко столкнулись два пониманія массовой акціи пролетаріата. Тогда какъ одно, представителемъ котораго является Р. Люксембургъ, и которое сходится въ этомъ отношеніи съ русскимъ «большевизмомъ», приписываетъ свое собственное революціонное нетерпѣніе рабочимъ массамъ и догматически представляетъ себѣ возможнымъ для пролетаріата только то, или другое «единственное» средство, не считаясь съ объективными общественными условіями, и совершенно произвольно строя концепцію пролетаріата, при всѣхъ условіяхъ противостоящаго всему буржуазному обществу; второе пониманіе, выразителемъ котораго въ данной полемикѣ былъ Каутскій, опираясь на марксистскій анализъ политич. и обществ. исторической обстановки, на изслѣдованіе условій борьбы пролетаріата и другихъ соціальныхъ силъ, освѣщаетъ путь его борьбы, критически разсматривая и взвѣшивая всѣ шансы побѣды и пораженія, не преувеличивая первые и не затушевывая послѣдніе, не изображаетъ его борьбы въ видѣ торже-

ственнаго и побѣдоноснаго церемоніальнаго марша впередъ, но зоветъ его къ самокритикѣ и самоорганизаціи. Такой линіи въ Россіи всегда держалось меньшевистское теченіе въ с.-д., и теперь оно можетъ привѣтствовать Каутскаго, который послѣ нѣсколькихъ колебаній, навѣянныхъ русскими событіями 1905 г., снова занялъ «меньшевистскую» позицію.

В. Левицкій.

Реформа государственнаго страхованія рабочихъ въ Австріи.

I.

Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ австрійское правительство внесло въ парламентъ новый проектъ государственнаго страхованія рабочихъ. Законопроектъ, какъ водится, былъ сданъ въ комиссію, и тамъ его обсужденіе медленно тащится теперь отъ параграфа къ параграфу. Буржуазное большинство парламента отнюдь не намѣрено спѣшить съ законопроектомъ, и только благодаря настойчивости соціалдемократической фракціи, это крупнѣйшее изъ всѣхъ текущихъ законодательныхъ работъ дѣло не положено совсѣмъ подъ сукно и, хотя медленно, но все же подвигается впередъ.

Не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ, судьба австрійскаго законопроекта во многомъ напоминаетъ судьбу своего русскаго собрата. Такъ же, какъ и наши проекты, австрійскій законопроектъ вынесенъ на поверхность политической жизни волной рабочаго движенія 1896—1905 г. Государственное страхованіе рабочихъ существуетъ въ Австріи съ 1888 г., когда парламентомъ были приняты первые законы о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни. Созданное непосредственно подъ вліяніемъ политики Бисмарка и по образцу германскихъ законовъ, австрійское «соціальное страхованіе», какъ здѣсь принято выражаться, натолкнулось на практикѣ на возникшія ранѣе по иниціативѣ самихъ рабочихъ кассы взаимнаго страхованія и учреждавшіяся на общемъ основаніи закона о союзахъ 1852 г. или промышленнаго устава 1859 г. Когда правительство преподнесло рабочимъ свой подарокъ, чтобы, по примѣру Бисмарка, «укрѣпить въ неимущихъ классахъ населенія убѣжденіе въ томъ, что государство есть не только необходимое, но и благотворное учрежденіе», *)—рабочіе имѣли уже опытъ въ этой

*) Слова тронной рѣчи, обращ. къ герм. рейхстагу 17 ноября 1881 г.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 7.

(І Ю Л Ь).

1910 годъ.

Содержаніе № 7.

Начало конца. Velox 5
Наши національнсты. Д. Кольцовъ 15
Нѣсколько основныхъ вопросовъ марксизма. Н. Череванинъ . 22
Пѣвецъ нѣмецкой демократіи. Евг. Чарскій 34
Предпринимательскія биржи труда въ Германіи. В. Майскій . 52
Латыши и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. М. Золовъ 65
Иностранное обозрѣніе (конфликты въ Германской рабочей партіи).
Л. Мартовъ 76
На темы дня—ликвидація или возрожденіе? В. Левицкій . . . 91
Политическое обозрѣніе—въ полосѣ ревизій. М. Б—овъ 103
Библіографія 118

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 8—9.

(АВГУСТЪ—СЕНТЯБРЬ).

1910 годъ.

Содержаніе № 8-9.

Стр.

1. Velox. Начало конца (окончаніе) 5
2. Н. Череванинъ. Нѣсколько основныхъ вопросовъ марксизма 22
3. И. Кругловъ. Биржа труда 37
4. В. Косовскій. Къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ 47
5. М. Хейсинъ. Стачечное движеніе 1909 года 58
6. А. Потресовъ. Критическіе наброски (объ одномъ выступленіи одного юркаго человѣка) 66
7. Иностранное обозрѣніе:
   а) Л. Мартовъ. Копенгагенскій конгрессъ 78
   б) А. Коллантай. Итоги второй женской соціалистической конференціи 89
   в) М. Н. Магдебургскій партейтагъ 95
   г) А. Бебель. Докладъ на Магдебургскомъ партейтагѣ. 99
8. На темы дня. Юр. Чацкій. Къ ремесленному съѣзду . . 114
9. Политическое обозрѣніе. Е. Смирновъ. Политическія партіи и установившійся строй 122

стачекъ». Подъ этимъ «Сводъ» подразумѣваетъ обстоятельства, сопровождавшія стачки. Вотъ они:

	Въ случаяхъ.	За 10 лѣтъ 1895—1904 гг.
Частичный разсчетъ . . .	19	190 разъ
Общій разсчетъ.	18	137 »
Аресты и высылки. . . .	13	269 »
Призывъ войска и полиціи .	10	340 »
Привлеченіе къ суду . . .	—	39 »

За десятилѣтіе 95—904 гг. призывъ войскъ, аресты и высылки имѣли мѣсто 609 разъ, т. е. изъ 3 стачекъ двѣ сопрождались «нѣкоторыми особенностями». Теперь, послѣдніе уменьшились, но къ сожалѣнію, данныя «Свода» едва ли вполнѣ правильно освѣщаютъ на этотъ вопросъ, потому что аресты и высылки довольно деликатный матеріалъ для статистики. Онъ бы выяснилъ истинный смыслъ «не наказуемости» нашихъ стачекъ.

«Сводъ» на послѣдней страницѣ касается и л о к а у т о в ъ, но имъ посвящается всего лишь $^1/_2$ страницы!

М. Хейсинъ.

Критичеекіе наброеки.

По поводу одного выступленія одного юркаго человѣка.

Когда Щедринская маменька писала своему сыну, что хочетъ его «обнять по этапу», то это было, конечно, съ ея стороны непохвально, но все же до нѣкоторой степени понятно: вѣдь, то была маменька и маменька въ волненіи чувствъ. Но что сказать про того публициста, который возводитъ въ литературный пріемъ это маменькино неблаговидное дѣйствіе, который лѣзетъ «обнять по этапу», который тянется съ своимъ изгоевымъ лобзаніемъ не отъ избытка его обуревающихъ чувствъ, а съ тонкимъ разсчетомъ, что читатель простецъ, не замѣтя игры, повѣритъ и впрямь его родственнымъ жестамъ?!

Помните, въ Горбуновскомъ разсказѣ—«отъ хорошей жизни не полетишь». Такъ и тутъ: отъ хорошаго писательства, разумѣется, не пойдешь на такія художества, но отъ изгоевскаго...—отчего бы нѣтъ? Я, по крайней мѣрѣ, нисколько не удивился, когда узналъ, что г. Изгоевъ счелъ удобнымъ воспользоваться конъюнктурой момента, показавшейся ему подходящей.

Въ самомъ дѣлѣ, большевики заграницей уже обругали меня «вѣхистомъ» и Плехановъ уже провозгласилъ священную войну противъ такъ называемыхъ «ликвидаторовъ», т. е. марксистовъ-меньшевиковъ вообще, и противъ меня въ особенности. Ну какъ же г. Изгоеву упустить такой случай, какъ не попытаться пролѣзть въ пріоткрывшуюся щель

разгорѣвшейся распри? Вѣдь, распря внутри соціалдемократіи всегдашняя пожива врагамъ ея, изъ которыхъ нѣкоторые предпочитаютъ называть себя ея «критиками со стороны», «со стороны» поучающими ее, бѣдную, уму-разуму, въ чаяніи, что наступитъ въ недалекомъ будущемъ день «и погибнетъ священная Троя», и соціалдемократія превратится въ свою собственную противоположность.

Г. Изгоевъ одобряетъ. Онъ покровительственно треплетъ по плечу «ликвидаторовъ». Подаютъ, молъ, надежду! Плохо только, что неблагодарны. Судите сами.

«Еще съ 1905 г., сначала въ «Полярной Звѣздѣ», затѣмъ въ «Русской Мысли» и «Рѣчи»—сообщаетъ г. Изгоевъ—я высказывалъ всѣ тѣ мысли и почти тѣми же словами, къ которымъ теперь, послѣ тяжкаго опыта, пришли гг. Потресовъ, Левицкій и др.» (см. «Рѣчь» отъ 29 авг. с. г., ст. «На пути къ возрожденію»). Статья Потресова, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (см. «Русск. Мысль», августъ 1910 г. ст. «Вѣхистъ среди русскихъ марксистовъ»), «плодъ того же настроенія и того же склада мыслей, что и «Вѣхи» (стр. 6). Потресовъ «даетъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о причинахъ идейно-партійнаго разложенія и отвѣтъ этотъ совершенно согласуется съ тѣмъ, что писалось въ поносимыхъ имъ «Вѣхахъ», что говорятъ публицисты «Русской Мысли» (стр. 66—67). Точно такъ же и «выходъ», на который онъ указываетъ, есть выходъ «совершенно въ духѣ «Вѣхъ», въ томъ направленіи, въ которомъ «Русская Мысль» указывала его всей интеллигенціи, не только партійно-марксистской».

И что же? Вмѣсто того, чтобы кланяться и благодарить этотъ самый Потресовъ нападаетъ на «Вѣхи», «нападками» на нихъ онъ думаетъ «страховать свою прогрессивную благонадежность» и въ этихъ видахъ «полемически искажаетъ чужую мысль», и въ этихъ видахъ возводитъ на «Вѣхи» облыжное обвиненіе въ томъ, будто «Вѣхи» «ведутъ борьбу съ соціализмомъ» (стр. 64)...

Въ другое время я просто брезгливо прошелъ бы мимо всѣхъ этихъ заявленій г. Изгоева. Какое мнѣ дѣло до наглости или шутовства человѣка, физіономія котораго въ литературно-политическомъ мірѣ уже достаточно «выявлена»? Меня такъ же мало можетъ задѣть похвала его, какъ и радовать хула. Schwamm drüber! Но въ томъ то дѣло, что мы живемъ въ полосу, когда благодаря ея многимъ особенностямъ безпамятство русскаго читателя, искони жившаго сегодняшнимъ днемъ и плохо знавшаго вчерашній, обострено до чрезвычайности и когда, слѣдовательно, особенно привольно тѣмъ мародерамъ публицистики, которые живутъ этимъ безпамятствомъ и на него спекулируютъ. И поневолѣ приходится черезъ ихъ головы аппелировать къ читателю, будить его уснувшую память, разсказывать ему о томъ, что—казалось бы—должно быть извѣстно ему, ибо—общеизвѣстно.

Въ другое время никакой Изгоевъ не могъ бы такъ непринужденно юркнуть въ подворотню, какъ это онъ сдѣлалъ въ своей репликѣ

мнѣ въ «Русской Мысли», убѣгая отъ моего утвержденія, что для «вѣховцевъ» дѣло не въ интеллигенціи и борьбѣ съ нею, а «въ борьбѣ съ соціализмомъ и революціей подъ видомъ борьбы съ интеллигенціей». Юркнуть такъ можно только въ разсчетѣ на то, что тебя покроютъ политическіе сумерки, когда всѣ кошки представляются сѣрыми, когда спутаны понятія и въ атмосферѣ депрессіи царитъ смѣшеніе языковъ.

Впрочемъ, думается мнѣ, даже и въ полусвѣтѣ нашей общественности, юркость въ поступкахъ надо проявлять съ разумѣніемъ. Ибо въ противномъ случаѣ юркій человѣкъ рискуетъ тѣмъ, что его, не взирая на сумерки, возьмутъ и уткнутъ въ то содѣянное имъ или его присными, отъ котораго онъ вздумалъ открещиваться.

Г. Изгоевъ хочетъ завѣрить читателя, что въ настоящее время «борьбой съ соціализмомъ» занимаются «пожалуй» «гг. Восторговы и Айвазовы», но «людямъ умѣющимъ разбираться въ историческомъ ходѣ вещей смѣшно и нелѣпо бросать такого рода обвиненія» (стр. 71). Другими словами, г. Изгоевъ напрашивается, чтобы его всенародно уткнули въ соотвѣтственныя мѣста «вѣхистской» литературы. Ну, что жъ! Вольному воля!

Раскрываемъ «Вѣхи» и беремъ въ нихъ прежде всего статью г. П. Струве «Интеллигенція и революція» [1]). Въ этой статьѣ мы читаемъ, что есть вопросъ, отъ рѣшенія котораго «зависятъ въ значительной мѣрѣ судьбы Россіи и ея культуры» (стр. 144). Это вопросъ о томъ, останется ли русская интеллигенція въ своемъ старомъ обличіи, въ тѣми свойствами, которыя, по мнѣнію Струве, сыграли такую губительную роль въ исторіи Россіи, или же «отрѣшившись отъ безрелигіознаго государственнаго отщепенства», т. е. совершивъ «огромный подвигъ такого преодолѣнія своей нездоровой сущности», она «перестанетъ существовать, какъ нѣкая особая культурная категорія» (тамъ же).

Г. Струве надѣется, что это желанное превращеніе въ небытіе интеллигенціи наступитъ при содѣйствіи двоякаго рода факторовъ: «во-первыхъ, въ процессѣ экономическаго развитія интеллигенція «обуржуазится», т. е. въ силу процесса соціальнаго приспособленія примирится съ государствомъ и органически стихійно втянется въ существующій общественный укладъ, распредѣлившись по разнымъ классамъ общества»; и во-вторыхъ, въ интеллигенціи «можетъ наступить» «настоящій духовный переворотъ, который явится результатомъ борьбы идей», слѣдствіемъ того, что будутъ «поколеблены и скомпрометированы» «старыя идейныя основы» русской интеллигенціи, которымъ интеллигенція обязана своимъ существованіемъ въ качествѣ особой культурной категоріи,—ея соціализмъ.

«Русская интеллигенція—пишетъ г. П. Струве—какъ особая культурная категорія, есть порожденіе взаимодѣйствія западнаго соціализма съ особенными условіями нашего культурнаго, экономическаго и политическаго развитія. До рецепціи соціализма въ Россіи русской ин-

1) Всѣ цитаты сдѣланы по 1-му изд. „Вѣхъ".

теллигенціи не существовало, былъ только «образованный классъ» и разныя въ немъ направленія» (стр 144—145).

Понятно, поэтому, что вопросъ о будущемъ русской интеллигенціи тѣсно сплетенъ съ вопросомъ о судьбахъ соціализма на Западѣ. Разложеніе соціализма тамъ должно рикошетомъ дать разложеніе интеллигенціи здѣсь. И ясно также, почему г. Струве, который отъ разложенія интеллигенціи ожидаетъ спасительнаго дѣйствія на грядущее развитіе Россіи и ея культуры, жадно слѣдитъ за тѣми явленіями въ движеніи Запада, которыя представляются ему симптомами умиранія соціализма, его «facies hippocratica», какъ онъ выразился въ свей извѣстной статьѣ въ «Русской Мысли».

«Для духовнаго развитія Запада—говоритъ г. Струве—нѣтъ въ настоящую эпоху процесса болѣе знаменательнаго и чреватаго послѣдствіями, чѣмъ кризисъ и разложеніе соціализма. Соціализмъ, разлагаясь, поглощается соціальной политикой. Бентамъ побѣдилъ Сенъ-Симона и Маркса». «Послѣднее усиліе спасти соціализмъ»—синдикализмъ—«безсильно и безплодно». «При такихъ условіяхъ соціализмъ врядъ ли можетъ оставаться для тѣхъ элементовъ русскаго общества, которые составляютъ интеллигенцію, живой водой ихъ общественнаго бытія». И именно потому, что въ Россіи есть «интеллигенція», которой не существуетъ на Западѣ, «кризисъ соціализма въ идейномъ смыслѣ долженъ ударить (по Россіи А. П.) съ большей силой, чѣмъ по другимъ странамъ». Конечный выводъ: «такой идейный кризисъ нельзя лечить ни ромашкой тактическихъ директивъ, ни успокоительнымъ режимомъ безъидейной культурной работы»; «нужны идеи, творческая борьба идей» (тамъ же).

Борьба идей—иначе говоря, борьба съ соціализмомъ за освобожденіе отъ него интеллигенціи, за скорѣйшее наступленіе въ ней «духовнаго переворота»—вотъ очередная задача, вотъ лозунгъ-программа, даваемая г. Струве въ статьѣ. И ничѣмъ инымъ, какъ комментаріемъ къ этой программѣ или ея дальнѣйшимъ развитіемъ являются и остальныя статьи тѣхъ же «Вѣхъ», какъ и вся публицистическая дѣятельность г. Струве въ редактируемой имъ «Русской Мысли». Разные писатели разно подходятъ къ этой темѣ, но эта тема ими всѣми неизмѣнно владѣетъ, неожиданно всплывая въ ихъ статьяхъ, то здѣсь, то тамъ, изъ тумана какъ будто бы сторонникъ предмету вопросовъ.

Вотъ, напр., г. Бердяевъ говоритъ о «философской истинѣ и интеллигентской правдѣ»,[1]) на свой пай составляя обвинительный актъ противъ интеллигенціи. Интеллигенція «всегда охотно принимала идеологію, въ которой центральное мѣсто отводилось проблемѣ распредѣленія и равенства» (стр. 3)..., интеллигенція не хотѣла признать, что «буржуазная» наука «и есть именно настоящая объективная наука» (стр. 12); у интеллигенціи и въ экономическомъ матеріализмѣ «на первый планъ выступила

[1]) См. „Вѣхи", ст. Бердяева „Философская истина и интеллигентская правда".

субъективно-классовая сторона соціалдемократизма» (стр. 14). Т. е., по г. Бердяеву, въ качествѣ смертнаго грѣха интеллигенціи фигурируютъ тѣ черты ея умственнаго склада, которыя являются въ то же время и чертами—я бы сказалъ психологической основой—всего международнаго движенія пролетаріата. Эту то основу, на которой расцвѣтаетъ соціализмъ, и надо разрушить, какъ надо разрушить и самый соціализмъ. Хорошо понимаетъ это г. Бердяевъ, понимаетъ это не меньше его и г. Франкъ.

Г. Франкъ [1]) ламентируетъ противъ «этики нигилизма» русской интеллигенціи, противъ «отрицанія или непризнанія» ею «абсолютныхъ (объективныхъ) цѣнностей». Нетрудно, однако, убѣдиться, что и ламентація г. Франка направлена, собственно говоря, не по адресу интеллигенціи, что и для него «интеллигенція» есть только псевдонимъ, а что врагъ, въ котораго онъ мѣтитъ, есть соціалистическое міросозерцаніе.

«Нигилистическій моралізмъ—пишетъ г. Франкъ—есть основная и глубочайшая черта духовной физіономіи русскаго интеллигента: изъ отрицанія объективныхъ цѣнностей вытекаетъ обожествленіе субъективныхъ интересовъ ближняго («народа»), отсюда слѣдуетъ признаніе, что высшая и единственная задача человѣка есть служеніе народу, а отсюда въ свою очередь слѣдуетъ аскетическая ненависть ко всему, что препятствуетъ или даже только не содѣйствуетъ осуществленію этой задачи» (стр. 156). По мнѣнію же г. Франка «самая могущественная» и «можно сказать роковая для современной русской культуры» форма этого нигилистическаго моралізма есть «религія абсолютнаго осуществленія народнаго счастья», т. е. какъ г. Франкъ намъ далѣе поясняетъ, то направленіе умовъ въ интеллигенціи, которое «сыграло такую неизмѣримо важную роль въ общественной жизни послѣднихъ десятилѣтій въ формѣ революціоннаго соціализма» (стр. 161).

Какъ видитъ читатель, всѣ дороги ведутъ въ Римъ, всѣ нити протянуты къ одной единственной точкѣ: надо выбить изъ интеллигенціи ея соціализмъ, надо, какъ говоритъ г. Гершензонъ [2]), привить интеллигенціи «эгоизмъ, самоутвержденіе», чтобы исправить «односторонность» «укоренившагося идеализма сознанія». Потому что—«эгоизмъ, самоутвержденіе—великая сила; именно она дѣлаетъ западную буржуазію могучимъ безсознательнымъ орудіемъ Божьяго дѣла на землѣ» (стр. 95).

Надо въ этомъ смыслѣ «перевоспитать» интеллигенцію—заявляетъ съ своей стороны г. Булгаковъ [3]). Это тѣмъ болѣе необходимо, что «Россія нуждается въ новыхъ дѣятеляхъ на всѣхъ поприщахъ жизни: государственной—для осуществленія «реформъ», экономической—для поднятія народнаго хозяйства, культурной для работы на пользу русскаго просвѣщенія, церковной—для поднятія силъ учащей церкви, ея клира и іерархіи» (стр. 59).

---

[1]) Тамъ же, ст. „Этика нигилизма".
[2]) Тамъ же, ст. „Творческое самосознаніе".
[3]) Тамъ же, ст. „Героизмъ и подвижничество".

А для того, чтобы облегчить интеллигенціи ея «новые практическіе пути», о которыхъ говоритъ г. Булгаковъ, г. Струве подготовляетъ элементы соотвѣтственнаго этимъ «путямъ» міросозерцанія.

На мѣстѣ, долженствующемъ остаться вакантнымъ отъ идей «безотвѣтственнаго равенства» и «классовой борьбы» предполагается водворить «идею и идеалъ наивысшей производительности и ея основы—наивысшей личной годности» и, такимъ образомъ, произвести, по собственному же выраженію г. Струве, «окрыленіе» «національнаго производства» «широкими идеями и перспективами», утвердивъ въ умахъ «религіозное отношеніе къ производственному процессу» [1]). И тутъ же рядомъ—идея «Великой Россіи», либеральный націонализмъ.

Словомъ—«націонал-либерализмъ», воинствующій и откровенный, для котораго борьба съ соціализмомъ и психологія контр-революціоннаго времени являются такими же неизбѣжными предпосылками, какими для идеологій дореволюціонной демократіи являлись политическое освобожденіе Россіи и та необходимость опереться на массы, которая и порождала разныхъ степеней и видовъ соціалистическую окраску.

Я сказалъ: «націонал-либерализмъ» воинствующій и откровенный. И я, дѣйствительно, думалъ до сихъ поръ, что у направленіи «Русской Мысли» и «Вѣхъ» есть во всякомъ случаѣ одна неоспоримая добродѣтель—его откровенность. Оно откровенно враждебно соціализму. Оно съ приподнятымъ забраломъ идетъ войной—какъ вѣрно замѣчалъ г. П. Струве въ своемъ спорѣ съ «Товарищемъ» [2])—не на тѣ или другіе «тактическіе» пріемы соціалистической интеллигенціи, или не только на нихъ, а на самое существо «идей», воспринятыхъ интеллигеніцей.

Оказывается, однако, что я ошибался, что и эта добродѣтель по нуждѣ уступаетъ пороку и полоса откровенности смѣняется припадкомъ лицемѣрія.

По крайней мѣрѣ, юркій человѣкъ имѣетъ свободу на страницахъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе редакторомъ «Русской Мысли», г. П. Струве, безъ дальнѣйшихъ церемоній аннуллировать прошлое, утверждая, будто «заявленіе г. Потресова, что главная цѣль «Вѣхъ»—«борьба съ соціализмомъ», если это не простой полемическій пріемъ, представляетъ хорошій примѣръ шаблонной фразы, которая давно уже утратила всякое содержаніе» («Р. М.», авг. с. г. стр. 71)...

Съ г. Изгоева, конечно, всѣ взятки гладки. Но гдѣ, спрашивается, былъ г. Струве и какъ не доглядѣлъ онъ за своимъ «способнымъ» сотрудникомъ. У этого сотрудника, что и говорить, проворныя руки, но не является ли, все таки, излишнимъ проворствомъ, неосторожностью, способной задѣть и самого господина редактора, эта попытка въ органѣ

---

[1]) См. „Русская Мысль“, январь 1909 г., ст. „На разныя темы“, стр 206—207.

[2]) См. „Русск. Мысль“, авг. 1907 г., ст. „Тактика или идеи“.

г. П. Струве спекулировать на то, что читатель позабылъ... даже и произведенія г. П. Струве?

А что самому то г. Изгоеву необходимо сейчасъ во что бы то ни стало заставить изгладиться изъ памяти читателя эту анти-соціалистическую сторону «вѣховской» литературы, такъ это какъ нельзя болѣе естественно. Вѣдь, ему надо привести къ одному знаменателю «Вѣхи» и Потресова; вѣдь, ему надо показать, что написанное Потресовымъ въ «Нашей Зарѣ» есть «плодъ того же настроенія и того же склада мыслей, что и «Вѣхи». Ну вотъ онъ и старается, вотъ и онъ и подрумяниваетъ «Вѣхи»; вотъ онъ и пробуетъ злобнаго Sozialistenfresser'a (соціалистоѣда) выдать за старую—«безпартійную»—гувернантку, которая съ своей педагогической указкой толкается ко всей интеллигенціи «независимо отъ партій и группъ» (стр. 68). «Вѣхи» разсчитаны—изволите ли видѣть—«на идейное перевоспитаніе интеллигенціи, на что потребны годы мелкой, упорной повседневной работы. Перевоспитаніе это необходимо для интеллигенціи, безразлично къ какой бы она партіи не принадлежала, кадетской или соціалдемократической» (стр. 65).

Вся же мудрость гувернантки, вся соль «идейнаго перевоспитанія» сводится къ тому, что «отъ интеллигентскаго періода жизни» рекомендуется «переходить къ національному, народному» (стр. 66). Только и всего. Къ этому стремятся, де, «Вѣхи», къ тому же стремится «въ сущности» и Потресовъ.

Такъ полагаетъ г. Изгоевъ, но такъ совсѣмъ не полагаетъ имъ всуе поминаемый Потресовъ. И не полагаетъ уже просто потому, что этотъ двусмысленный тезисъ г. Изгоева если и имѣетъ вообще какой-либо смыслъ примѣнительно къ «Вѣхамъ», то развѣ только—на томъ волапюкѣ, на которомъ «интеллигентскій періодъ жизни» означаетъ періодъ тяготѣнія къ соціализму нѣкоторой части интеллигенціи, а періодъ «національный, народный» есть не болѣе, какъ перифразъ для «окрыленнаго» производства московскихъ и иныхъ промышленниковъ, которое провидится г-ну Струве въ результатѣ хожденія въ этотъ съ позволенія сказать «народъ» современныхъ «народниковъ» на выворотъ...

Но оставимъ г. Изгоева и его бутафорскую гувернантку и обратимся къ неподкрашеннымъ, подлиннымъ «Вѣхамъ», чтобы отчетливо представить себѣ всѣ размѣры той наглости, которая продиктовала г. Изгоеву его отождествленіе «настроенія» и «склады мыслей» «Вѣхъ» съ «настроеніемъ» и «складомъ мыслей» въ статьяхъ Потресова въ «Нашей Зарѣ»...

Если припомнитъ читатель, г-нъ Струве въ «Вѣхахъ» говоритъ, что отъ того, сможетъ ли интеллигенція «совершить огромный подвигъ» „преодолѣнія своей нездоровой сущности» зависятъ судьбы Россіи и ея культуры, и что эта нездоровая сущность заключается въ усвоенномъ ею соціализмѣ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія г. Струве, моментомъ, опредѣляющимъ судьбы не только самой интеллигенціи, но и всей Рос-

сіи, является процессъ, происходящій внутри интеллигенціи. Интеллигенція плоха, но интеллигенція можетъ стать и хорошей; потому что, собственно говоря, плоха не интеллигенція, а плохъ соціализмъ, который портитъ потенціально-хорошую интеллигенцію, мѣшая осуществленію лежащихъ на ней задачъ въ всероссійскомъ масштабѣ.

«Въ русской революціи—пишетъ г. Струве въ «Русской Мысли»—съ удивительной мощью обнаружилась—вопреки метафизикамъ «реальныхъ силъ»—сила идей и ихъ носительницы—интеллигенціи. Но съ другой стороны, въ крушеніи этихъ идей столь же ярко обнаружилась ихъ внутренняя несостоятельность» [1]).

Это именно антитеза «сильной» и въ возможности хорошей интеллигенціи и приведшей къ безсилію плохой идеологіи, антитеза, исходя изъ которой только и возможно было написать, что «русскую революцію погубилъ консерватизмъ ея (интеллигенціи) психологіи» и одновременно обращаться къ интеллигенціи съ морализирующей проповѣдью, которой пропитана сплошь вся публицистика «Вѣхъ».

«Вѣховцы» клеймятъ интеллигенцію за ея соціализмъ, но отнюдь не теряютъ надеждъ на ея исправленіе. Каждый изъ нихъ стоитъ передъ интеллигенціей съ своей собственной микстурой и вѣритъ въ ея выздоровленіе.

«Теперь интеллигенція должна уйти въ свой внутренній міръ, вникнуть въ него для того, чтобы освѣжить и оздоровить его. Въ процессѣ этой внутренней работы должно, наконецъ, пробудиться и истинное правосознаніе русской интеллигенціи». «Съ вѣрой, что близко то время, когда правосознаніе нашей интеллигенціи сдѣлается созидателемъ и творцомъ нашей общественной жизни, съ горячимъ желаніемъ этого были написаны и эти строки». Такъ пишетъ г. Кистяковскій [2]). Но не меньшей «вѣрой» преисполненъ и г. Франкъ. «На смѣну старой интеллигенціи—говоритъ онъ—быть можетъ грядетъ «интеллигенція» новая, которая очиститъ это имя отъ накопившихся на немъ историческихъ грѣховъ, сохранивъ неприкосновеннымъ благородный оттѣнокъ его значенія» [3]). А г. Струве «вѣру» своихъ коллегъ подкрѣпляетъ еще и тѣмъ реалистическимъ соображеніемъ, что помимо всего прочаго самый ходъ историческаго развитія оздоровитъ интеллигенцію тѣмъ, что онъ ее «обуржуазитъ» [4]).

Итакъ, интеллигенція была бы хороша, да плохи идеи, воспринятыя ею; или короче—хорошая интеллигенція, но плохія идеи—вотъ формула «вѣховской» литературы.

Хорошія идеи, но плохая интеллигенція. Или точнѣе сказать: идеи хороши, но плохо то, что онѣ были восприняты и использованы по пре-

---

[1]) См. „Русск. Мысль", авг. 1907 г., ст. „Тактика или идеи?", стр. 235.
[2]) См. „Вѣхи", ст. „Въ защиту права", стр. 126.
[3]) Цит. ст. стр. 181.
[4]) См. „Вѣхи", стр. 145.

имуществу одной интеллигенціей—такова моя обратная формула. Плохо то, что идейное міросозерцаніе международнаго пролетаріата стало въ Россіи достояніемъ не столько формирующихся массъ рабочаго класса, сколько движенія въ такъ называемой интеллигенціи. Благодаря этому, «въ русскомъ марксизмѣ всегда прихотливо сплетались его общемарксистскія цѣнности съ продуктами тѣхъ специфическихъ условій, въ которыхъ марксизму приходилось развиваться въ Россіи». И благодаря этому же получилась трагедія соціалъ-демократическаго партійнаго строительства. Слагавшійся коллективъ вмѣсто того, чтобы быть выраженіемъ консолидаціи пролетаріата былъ прежде всего выраженіемъ консолидаціи интеллигенціи и благодаря этому обнаруживалъ тенденцію вырабатываться «не въ органъ для проявленія» «самодѣятельности» рабочаго класса, а въ аппаратъ для внѣшняго руководства этимъ классомъ, для управленія имъ». Вотъ мысли, отъ которыхъ я отправлялся въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Нашей Зарѣ» [1]).

Не отъ соціализма къ исправленной и «поумнѣвшей» интеллигенціи шелъ ея, а отъ интеллигенціи, которая «умнѣетъ» или таетъ, къ пролетаріату, не желающему «умнѣть» и съ каждымъ днемъ растущему, къ международному соціализму, знамя котораго по-прежнему гордо вѣетъ надъ міровымъ движеніемъ рабочаго класса, и у этихъ обоихъ источниковъ живой воды, у этого объединеннаго источника искалъ я «выхода», о которомъ беззастѣнчивый фальсификаторъ смѣетъ говорить теперь, какъ о «выходѣ» «вѣховскомъ».

«Вѣховскую» убогую мысль подсовываетъ онъ соціалъ-демократу и затѣмъ, торжествуя, заявляетъ: «ну развѣ не вѣхистъ этотъ Потресовъ? Вѣдь и онъ, какъ и мы, полагаетъ свой «выходъ» въ томъ, что «интеллигенція должна отказаться отъ своей «гегемоніи» надъ соціальными силами страны», вѣдь, и онъ собирается своихъ «интеллигентовъ» «перевоспитывать» [2]).

Смѣю думать, читатель и безъ моего содѣйствія понимаетъ теперь—какъ это отлично понимаетъ и самъ фальсификаторъ, что «выходъ» Потресова, что мой «выходъ» не имѣетъ ничего общаго съ этой игрой ума г. Изгоева. Вопреки г. Изгоеву, я не возлагаю никакихъ надеждъ ни на какіе «отказы» интеллигенціи и считалъ бы безнадежнымъ все дѣло соціалъ-демократіи, если бы думалъ, что его будущее находится въ зависимости отъ того, съумѣетъ или захочетъ ли интеллигенція перевоспитываться. Я думаю, что дѣло соціалъ-демократіи, наоборотъ, наладится только тогда, когда никакіе—ни воспитанные, ни невоспитанные интеллигенты уже не будутъ въ состояніи накладывать печать своей групповой физіономіи на развитіе соціалъ-демократіи; когда желающіе изъ интеллигентовъ, разумѣется, будутъ «обслуживать» эту соціалъ-демократію, но

---

[1]) См. ст. „О томъ, почему пустяки одолѣли“ (№ 2 „Н. З.“) и ст. „Еще о ликвидаторскомъ и философскомъ эпизодахъ“ (№ 4 „Н. З.“).

[2]) Стр. 67 и 68 („Р. М.“ авг. 1910 г.).

коллективная воля сознательнаго пролетаріата явится единственнымъ кормчимъ, направляющимъ курсъ корабля. А что касается до направленія этого курса, то г.г. критики со стороны» могутъ не трудиться понапрасну, баюкая себя «безсмысленными мечтаніями». Это будетъ не тотъ курсъ тепловатой соціальной политики, которой грезится имъ въ видѣ своего рода филіальнаго отдѣленія либерализма, а старый испытанный курсъ непримиримаго интернаціонала.

* *
*

Есть еще одинъ пунктъ въ заявленіяхъ г. Изгоева, который въ другое время можно было бы «оставить безъ послѣдствій», но на который приходится реагировать—по настоящему безвременью. Я имѣю въ виду уже цитированное мною утвержденіе г. Изгоева, что онъ, де, въ теченіе уже пяти лѣтъ высказываетъ «всѣ тѣ мысли и почти тѣми же словами, къ которымъ теперь, послѣ тяжкаго опыта, пришли г.г. Потресовъ, Левицкій и др.».

Когда я прочелъ эти строки, то невольно сказалъ себѣ вслѣдъ за Гамлетомъ: есть многое на свѣтѣ другъ Гораціо, что и во снѣ не снилось мудрецамъ... Какому, въ самомъ дѣлѣ, мудрецу могло бы присниться, что наступитъ пора и выскочитъ не какой-нибудь новый Поприщинъ, объявившій себя испанскимъ королемъ, а присяжный публицистъ кадетской печати, спеціально тренированный на соціалъ-демократію, и заявитъ, что тѣ мысли, которыя въ средѣ соціалъ-демократіи курсируютъ съ давнихъ уже лѣтъ, которыя имѣютъ за собой уже цѣлую исторію и цѣлую литературу, что эти мысли принадлежатъ не кому-либо другому, какъ ему—г-ну Изгоеву изъ «Рѣчи».

Конечно, и Хлестаковъ въ «Ревизорѣ» заявлялъ себя авторомъ «Юрія Милославскаго», такъ вѣдь то было, во-первыхъ—въ подпитіи; а во-вторыхъ—неужели для г. Изгоева его читатель не большаго стоитъ, чѣмъ всѣ тѣ «моветоны», о которыхъ Хлестаковъ сообщалъ своему другу Тряпичкину?

Впрочемъ, г. Изгоевъ, при всей кажущейся безшабашности своего выступленія—себѣ на умѣ. Онъ оставляетъ для себя лазейку. Употребляя его же выраженіе, можно сказать: онъ «страхуетъ» себя передъ читателемъ, стараясь представить «г.г. Потресова, Левицкаго и др.», говорящими вещи для соціалъ-демократовъ небывалыя. Онъ стремится внушить читателю убѣжденіе, что эти писатели раньше блуждали въ потьмахъ и только теперь, наконецъ, «послѣ тяжкаго опыта» получили просіяніе ума.

«Г.г. Потресовъ, Левицкій и др.» не могутъ, однако, доставить удовольствія г. Изгоеву и уклоняются отъ чести открывать для соціалъ-демократіи Америки, которыя давно уже открыты. Но открыты, конечно, не г. Изгоевымъ и ему подобными, а тѣмъ направленіемъ въ русскомъ марксизмѣ, которое носитъ небезъизвѣстное, кажется, и г. Изгоеву названіе направленія меньшевистскаго.

Вотъ къ этому то направленію въ русскомъ марксизмѣ и принадлежатъ «г.г. Потресовъ, Левицкій и др.», и мысли, ими высказываемыя,— лишь продолженная нить разсужденій, которая тянется съ того самого времени, какъ началъ складываться «меньшевизмъ» а нѣкоторыя изъ нихъ—и еще болѣе давняго происхожденія.

Взять хотя бы тезисъ о преимущественно-интеллигентскомъ характерѣ русской соціалдемократіи и о роковомъ для соціалдемократіи значеніи этой ея истинно-русской особенности. Вѣдь, этотъ тезисъ можетъ скоро справлять свой десятилѣтній юбилей, и пишущій, напр., эти строки въ своей статьѣ «Современная Весталка», появившейся въ 1901 году въ заграничной «Зарѣ», уже исходилъ изъ непріятнаго сознанія этого внутренне-противорѣчиваго положенія русской соціалдемократіи.

Я писалъ, что «русская соціалдемократія, конечно, не можетъ годить, пока сложится» надлежащая «структура» движенія, т. е. пока «пролетаріатъ станетъ въ центрѣ движенія. его позвоночнымъ столбомъ». «Но—прибавлялъ я—горе соціалдемократіи, забывшей объ особенностяхъ наличнаго состава движенія! Чтобы успѣшно бороться съ опасностью, надо прямо смотрѣть ей въ глаза. Чтобы лечить болѣзни движенія, надо прежде всего и больше всего—спѣшить съ построеніемъ «позвоночника» и немилосердно чистить авгіевы конюшни идейной растерянности».

И меньшевизмъ въ русской соціалдемократіи только и дѣлалъ, что бился надъ проклятымъ вопросомъ о томъ, какъ построить этотъ «позвоночникъ» или лучше сказать — какъ помочь самому пролетаріату построиться — вопреки неблагопріятнымъ условіямъ политической жизни Россіи, несмотря на подполье. Этотъ вопросъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ поставленъ въ 1903 г. Аксельродомъ, не сходилъ со столбцовъ соціалдемократической печати; въ 1905 г. онъ былъ главнымъ предметомъ обсужденія на меньшевистской женевской конференціи; и онъ же стоялъ за всѣми политическими «кампаніями», предпринимавшимися меньшевиками, между прочимъ въ надеждѣ, что въ процессѣ этихъ «кампаній» сложится, наконецъ, настоящая политическая партія пролетаріата, рабочая соціалдемократія, и что развернувъ въ нихъ классовую соціалъдемократическую политику,удастся преодолѣть стихію буржуазнаго революціонизма, якобинскій уклонъ движенія. И еще до октябрьскихъ событій Аксельродомъ была брошена мысль о созывѣ рабочаго съѣзда.

Можно сказать вообще, что уже въ то время мысль о непригодности интеллигентскаго аппарата, о необходимости его радикальнаго преобразованія силами пробуждающагося къ самодѣятельности пролетаріата вошла необходимымъ элементомъ въ составъ меньшевистскаго сознанія. И въ этомъ направленіи двигалась мысль не однихъ только—я бы сказалъ—коренныхъ меньшевиковъ, но и такихъ во многомъ съ меньшевиками расходившихся писателей, какъ Плехановъ и Парвусъ. Я напомню, хотя бы, совершенно, конечно, забытыя замѣчанія Парвуса объ отсутствіи въ русской соціалдемократіи «организаціоннаго регулятива пролетаріата» и о томъ, что «рабочая агитація и организація слѣдуютъ зако-

намъ массовой классовой борьбы, а интеллигенція, какъ общественный слой, развиваетъ свои собственные агитаціонные и организаціонные пріемы и свою собственную политическую логику»...

А далѣе, стоило только наступить перелому въ русской общественной жизни, «днямъ свободы» вначалѣ, пестрому времени убывающихъ полусвободъ и растущихъ репрессій затѣмъ, чтобы тотчасъ же меньшевистская мысль направилась на усвоеніе новыхъ возможностей. Эти новыя возможности должны были служить орудіемъ для разрѣшенія все той же старой задачи, которая, пройдя неразрѣшенной черезъ краткій періодъ революціи, досталась въ наслѣдство новой эпохѣ: надо старый интеллигентскій коллективъ превратить въ массовую рабочую соціалдемократическую партію. И съ этою цѣлью—говорилось тогда, въ первые же мѣсяцы реформированнаго строя –«надо пробить стѣны подполья, чего бы это ни стоило, захватнымъ ли порядкомъ или путемъ легализаціи», надо пользоваться избирательными кампаніями и функціонирующей думой, надо вниманіе и энергію рабочихъ массъ фиксировать на созывѣ рабочаго съѣзда, надо «попытаться пробудить въ самомъ рабочемъ классѣ массовое движеніе строительства, заразить его, такъ сказать, эпидеміей организаціоннаго грюндерства» [1]).

Вотъ мысли, которыя въ различныхъ варіантахъ курсировали уже болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ въ меньшевистской литературѣ, въ меньшевистскихъ кругахъ. И эти мысли во всѣхъ ихъ варіантахъ исходили изъ сознанія, что старая организація стоитъ на распутьѣ: или она впитаетъ въ себя вмѣстѣ съ новыми возможностями и самодѣятельность массъ, или она сойдетъ со сцены, неприспособившись, и тогда строительная энергія пролетаріата, разъ пробужденная, проложитъ себѣ собственное русло.

Разумѣется, можно какъ угодно относиться къ этимъ старымъ идеямъ меньшевистской литературы, но во всякомъ случаѣ ясно одно: въ этихъ идеяхъ заключена уже вся та позиція, которая получила въ новѣйшее время кличку борьбы за открытое существованіе партіи. Поистинѣ: das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu..., старая исторія, къ сожалѣнію, не теряющая своей новизны вмѣстѣ съ временемъ.

А теперь, я предлагаю читателямъ, имѣя въ своей памяти эту исторію, обратить свое вниманіе на заявленіе г. Изгоева, что молъ «русскіе марксисты-практики» «наконецъ» «рѣшились» «приступить» къ «неизбѣжной самокритикѣ». Нечего сказать! Нашелъ г. Изгоевъ съ чѣмъ подходить къ «марксистамъ-практикамъ», т. е. къ соціалдемократіи! Съ самокритикой! Да, вѣдь, можно сказать, что изъ всѣхъ направленій русской общественно-политической мысли одна только соціалдемократія и выносила до сихъ поръ въ своихъ нѣдрахъ самую безпощадную идейную

---

[1]) Ср. напр. мою статью „Неотложная задача“, въ № 2 „Откликовъ Современности“ (апрѣль, 1906 г.).

борьбу, даже эксцессы борьбы, только она одна—въ самыхъ основныхъ вопросахъ своего партійнаго строительства и своей практической политики—жила всегда самокритикой. Худо ли, хорошо ли, но это такъ и этого безспорнѣйшаго историческаго факта не удастся эскамотировать никакому г. Изгоеву!

Но будетъ! По поводу выступленія г. Изгоева я считаю излишнимъ распространяться болѣе подробно о нашей меньшевистской исторіи, достаточно извѣстной всѣмъ, не совсѣмъ беззаботнымъ по части судебъ русской соціалдемократіи. Правда, вмѣстѣ съ этой исторіей, при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи, встаетъ рядъ больныхъ и жгучихъ вопросовъ. Но о нихъ слѣдуетъ говорить въ другомъ контекстѣ, а не тогда, когда, исполняя непріятную обязанность, выводишь изъ своего духовнаго жилища посторонняго субъекта, въ него залѣзшаго и въ немъ желающаго располагаться, какъ у себя дома. Выводя же, раскроемъ пошире наши двери и скажемъ еще только въ напутствіе пожалуйте вонъ!

А. Потресовъ.

Иностранное обозрѣніе.

Международный соціалистическій конгрессъ въ Копенгагенѣ.

Происходившій съ 29 августа по 4-ое сентября въ Копенгагенѣ VIII-й международный соціалистическій конгрессъ не составитъ выдающейся даты въ развитіи рабочаго движенія: на очереди послѣдняго не стояло ни одного изъ такихъ основныхъ вопросовъ программы и практики, которые занимали собою нѣкоторые изъ предыдущихъ конгрессовъ. Тѣмъ не менѣе, работа, имъ выполненная въ нѣкоторыхъ областяхъ будетъ имѣть немалое значеніе для отдѣльныхъ національныхъ соціалистическихъ партій, внося въ ихъ дѣятельность извѣстные общіе принципы и тактическіе пріемы. Особенно велико въ этомъ смыслѣ значеніе рѣшеній конгресса для странъ съ менѣе старымъ и менѣе развитымъ рабочимъ движеніемъ: здѣсь рабочія партіи въ резолюціяхъ и дебатахъ конгресса получаютъ богатыя указанія, позволяющія имъ избѣгать или, по крайней мѣрѣ, сокращать продолжительность обычныхъ «болѣзней роста».

Съ внѣшней стороны конгрессъ былъ очень внушителенъ: всего на немъ присутствовало 887 делегатовъ отъ партійныхъ и профессіональныхъ организацій. Впереди шла Германія съ 179 делегатами, за ней—Данія съ 146. Далѣе шли:

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 10.

1910 годъ.

Оглавленіе.

М. Невѣдомскій. Смерть Льва Толстого 5
П. Масловъ. Экономическія замѣтки 13
Д. Кольцовъ. Наши націоналисты: 2. Націонализмъ и либералы . 28
В. Львовъ-Рогачевскій. Одержимый 33
В. Базаровъ. Л. Н. Толстой и русская интеллигенція 43
М. Б—въ. Право союзовъ и право коалицій 53
Евг. Маевскій. Политическое обозрѣніе: (Смерть Толстого, «Дума народного просвѣщенія») 61
Иностранное обозрѣніе: 1) Л. П. Дѣло Озборна и рабочее движеніе (письмо изъ Англіи). 75
2) Вл. Розановъ. Съѣздъ професс. союзовъ въ Австріи . 82
А. Потресовъ. Критическіе наброски 87

ціи рейхсрата и размотрѣлъ еще рядъ вопросовъ, останавливаться на которыхъ мы не будемъ: для русскаго читателя они особаго интереса не представляютъ.

Влад. Розановъ.

Критическіе наброски.

О Плехановѣ.

Нѣсколько времени тому назадъ, на столбцахъ кадетской «Рѣчи» промелькнуло извѣстіе, что Плехановъ на одномъ собраніи въ Женевѣ выступилъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, заявилъ,—что «кричащіе теперь на всѣхъ перекресткахъ о несуществованіи партіи гг. Потресовъ, Ежовъ и прочіе «ликвидаторы» заслуживаютъ названія измѣнниковъ». «Кто читалъ военную исторію,—реферируетъ далѣе газета,—тотъ знаетъ, что бываютъ случаи, когда отъ цѣлой арміи, состоявшей изъ батальоновъ, полковъ, остаются одна, двѣ роты со знаменемъ. Все же измѣнникомъ считается тотъ генералъ, который пошелъ бы къ непріятелю и сказалъ: «наша армія не существуетъ, остались одни лишь обломки». Ликвидаторы поступаютъ именно такимъ образомъ» [1]).

Я не знаю, разумѣется, въ какой мѣрѣ здѣсь точно переданы слова Плеханова на собраніи. Думаю, однако, что они переданы въ общемъ правильно и думаю такъ потому, что заявленіе Плеханова въ передачѣ «Рѣчи» стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что за послѣдніе полтора года писалось Плехановымъ на эту злополучную тему.

Такъ, по поводу моего утвержденія, что въ настоящее время есть партія, какъ идейное движеніе, есть соціалдемократическое думское представительство, «есть разрозненные обломки былого, но нѣтъ партіи, какъ цѣльной и организованной іерархіи учрежденій», Плехановъ возвѣщалъ на страницахъ одного зарубежнаго изданія: «человѣкъ, для котораго не существуетъ наша партія, самъ не существуетъ для нашей партіи».

Какъ видитъ читатель, словесное и печатное заявленія Плеханова связаны другъ съ другомъ, какъ два близнеца, какъ двѣ послѣдовательныя ноты одной и той же мелодіи. Мелодія задорная, мелодія бравурная, изъ обычнаго репертуара заграничныхъ большевиковъ и ихъ запѣвалы—Н. Ленина. Но разумѣется: затянетъ эту пѣсню заграничный большевикъ, я ее просто не слушаю. Другое дѣло, однако, когда къ большевистскому хору примѣшивается голосъ Плеханова. Тогда невольно начинаешь при-

---

1) См. № 213 „Рѣчи". Сообщеніе перепечатано изъ „Парижскаго Листка"

слушиваться, тогда невольно беретъ раздумье. И раздумье не только потому, что Плехановъ—статья особая, и ему подобаетъ особое вниманіе, но и потому, что слишкомъ уже не соотвѣтствуетъ эта пѣсня всему недавнему прошлому Плеханова, какъ и вообще его марксистскому званію.

И въ смущеніи задаешься вопросомъ: а что, если къ этому прошлому приложить ту же мѣрку, которой Плехановъ измѣряетъ теперь дѣйствія и слова своихъ нынѣшнихъ противниковъ? Не можетъ ли тогда приключиться та непріятность, что Плехановъ сегодняшняго дня долженъ будетъ по военному расправиться съ Плехановымъ вчерашнимъ? И за в ч е р а ш н я г о Плеханова мнѣ становится страшно.

Я вспоминаю, напр., лѣто 1905 года: канунъ октябрьскихъ событій, воистину время—напряженныхъ дѣйствій и еще болѣе напряженныхъ ожиданій. И я вспоминаю, какъ Плехановъ тогда всенародно заявлялъ, что росс. соціалдем. рабочая партія есть пока что «росс. с.-д. рабочая... интеллигенція»; что «затѣя» «построить изъ интеллигентскаго песку росс. соц.-дем. раб. партію» привела, де, къ тому, что «со времени нашего второго съѣзда дезорганизаторская дѣятельность росс. соц. дем. интеллигенціи совершалась... подъ знаменемъ организаціи» [1]).

«Теперь у насъ есть—писалъ Плехановъ—двѣ организаціи». «Большевики подъ названіемъ партіи образовали организацію заговорщиковъ»... Организація же меньшевиковъ «дошла теперь до того же децентрализованнаго состоянія, какое свойственно туманнымъ массамъ». И такъ какъ эти обѣ организаціи никуда не годятся, то Плехановъ, призывая къ объединенію, разрывалъ съ обѣими и, въ предвидѣніи, что объединеніе можетъ не состояться, на вопросъ—что тогда?,—не колеблясь, отвѣчалъ: «тогда останется только одинъ выходъ: товарищи, нежелающіе поддерживать, упрочивать и умножать наши раздоры, должны будутъ стряхнуть «интеллигентскій» прахъ съ своихъ ногъ и, примкнувши къ наиболѣе сознательнымъ элементамъ рабочей массы, объединиться на почвѣ положительной работы, предоставивъ «большевикамъ» и «меньшевикамъ» терзать и грызть другъ друга до тѣхъ поръ, пока отъ тѣхъ и отъ другихъ не останутся одни хвосты, какъ отъ двухъ дравшихся кошекъ въ извѣстной легендѣ. Надобно же кому-нибудь спасти честь россійской соціалдемократіи» [2]).

И я спрашиваю себя: если въ наше сравнительно штатское время Плехановъ называетъ измѣнниками тѣхъ, кто позволяетъ себѣ только заявить, что партіи, какъ цѣльной и организованной іерархіи учрежденій, нѣтъ, то какъ же назвать, утвердившись на точкѣ зрѣнія новѣйшаго Плеханова, того человѣка, который въ самое горячее военное время дискредитируетъ

---

[1]) См. «Дневникъ Соціалдемократа», № 2 (августъ 1905 г.), ст. «Враждующіе между собой братья».

[2]) Ibid., стр. 50—51.

всѣ наличныя организаціи партіи, который такъ ярко живописуетъ всю несостоятельность «арміи»—передъ началомъ рѣшительныхъ битвъ?!

Я не сомнѣваюсь: теперешній Плехановъ во имя имъ глубоко прочувствованнаго начала дисциплины обязанъ издать—хотя и заднимъ числомъ—приказъ о преданіи суду Плеханова тогдашняго и мнѣ даже порою сдается, что современный Плехановъ и на самомъ дѣлѣ уже разстрѣлялъ и похоронилъ того стараго Плеханова, который былъ не только «генераломъ», но и соціалдемократомъ, полагавшимъ необходимымъ спасать—по мѣрѣ своего разумѣнія—честь соціалдемократіи *даже и противъ* существующей партіи.

А затѣмъ, я вспоминаю и позднѣйшее время—много позже состоявшагося въ Стокгольмѣ «объединенія» и уже послѣ лондонскаго съѣзда. Избирательная кампанія въ 3-ью Государственную Думу въ разгарѣ. Центръ партіи опубликовалъ свою избирательную платформу и въ ней указуетъ опредѣленныя дѣйствія. И опять: Плехановъ «идетъ къ непріятелю»; онъ въ этотъ отвѣтственный моментъ, въ полемикѣ съ Кизеветтеромъ, на столбцахъ... буржуазно-демократическаго (не правда-ли?) «Товарища» говоритъ, что «въ партіи не все обстоитъ благополучно», что «избирательная платформа» партіи плоха и что рабочіе, «не зараженные фракціоннымъ фанатизмомъ», «вопреки доктринерамъ», должны «спасти положеніе», т. е. въ содержаніе «партійнаго документа» внести «поправку дѣйствіемъ» [1]). Другими словами, Плехановъ, апеллируя отъ «буквы той или иной резолюціи» къ «духу нашего ученія», предлагаетъ не повиноваться велѣніямъ «партійнаго документа»—велѣніямъ высшаго исполнительнаго органа партіи.

Прошу замѣтить: я не касаюсь сейчасъ вопроса о томъ, былъ ли правъ Плехановъ въ этомъ случаѣ, какъ я не касался и существа Плехановской декларація, нами выше цитированной изъ 2-го № его «Дневника». Я не касаюсь также и отдѣльныхъ подробностей его выступленій. Дѣло идетъ не объ этомъ существѣ и не объ этихъ подробностяхъ,—а я бы сказалъ о нѣкоторыхъ общихъ нормахъ соціалдемократическаго поведенія. И тутъ то необходимо констатировать: съ точки зрѣнія Плеханова, поступавшаго такъ, какъ онъ поступилъ въ отмѣченныхъ нами двухъ случаяхъ, къ политическому поведенію соціалдемократа приложимы, очевидно, какіе—то другіе критеріи, чѣмъ почерпнутые изъ военной практики аргументы браваго генерала. Говорю—очевидно, потому, что не имѣю пока права дѣлать неудобнаго для Плеханова предположенія, что онъ слѣдуетъ правиламъ нѣкоей третьей морали, той пресловутой морали готтентота, согласно которой добро есть то, когда я украду чужую жену, и зло то, когда у меня украдутъ мою собственную.

Почему же Плехановъ могъ на столбцахъ «Товарища» такъ непринужденно бесѣдовать о неблагополучіи партіи, почему онъ въ своемъ

---

[1]) См. «Товарищъ» отъ 12 сентября 1907 г. ст. «Неосновательныя опасенія».

«Дневникѣ» могъ позволить себѣ вскрывать безсиліе на пескѣ построенной организаціи, организованной интеллигенціи вмѣсто организованной партіи, и, однако, не только не считать себя измѣнникомъ, предающимъ врагу интересы движенія, а наоборотъ—патріотомъ своего соціалдемократическаго отечества? Почему дозволенное прежде стало запретнымъ теперь?

Вотъ въ чемъ вопросъ! И отвѣтъ, мнѣ кажется, исчерпывающій—данъ самимъ же Плехановымъ въ нами отмѣченной рѣчи. Онъ данъ происшедшимъ въ немъ поворотомъ—милитаризаціей его представленій о партіи, милитаризаціей, съ точки зрѣнія которой сила или безсиліе партіи есть такой же военный секретъ, какъ въ осажденной крѣпости планъ крѣпостныхъ укрѣпленій.

Если партія, дѣйствительно, является скрытой и скрываемой силой, о размѣрахъ которой не долженъ знать непріятель, то, конечно, преступно разоблачать ея слабость; критика—зло, критикуетъ только свое же начальство и то въ секретныхъ засѣданіяхъ, а всѣ прочіе, не мудрствуя лукаво, имѣютъ исполнять приказанія.

Я знаю: Плехановъ и въ прежнее время проявлялъ иногда такія «военныя» повадки, которыя, вызывая протесты въ его единомышленникахъ, заставляли ихъ предполагать, что zwei Seelen wohnen, ach! in seiner Brust, что соціалдемократическая «душа» въ его груди единоборствуетъ съ какимъ-то другимъ, ей чуждымъ, началомъ. Не даромъ Плехановъ, при зарожденіи и первыхъ шагахъ большевистскаго теченія въ партіи, былъ его крестнымъ отцомъ. Не даромъ еще весной 1905 года онъ столкнулся съ меньшевиками, когда предлагалъ имъ, какъ спасительную мѣру для выхода изъ тогдашняго кризиса, декретомъ сверху, «приказомъ по арміи» тогдашняго «Совѣта», объявить центръ, находившійся въ рукахъ большевиковъ, распущеннымъ и ихъ съѣздъ незаконнымъ. И онъ не понималъ—не былъ въ силахъ понять—почему, въ самомъ дѣлѣ, эти имъ рекомендованные способы представлялись тогда меньшевикамъ принципіально для нихъ непріемлемыми.

И, однако, съ увѣренностью можно сказать, что его военная концепція партіи, которая въ настоящее время встала передъ нами во весь ростъ, въ этомъ ея развернутомъ, законченномъ видѣ, есть новость—тѣмъ большая новость въ Плехановѣ—соціалдемократѣ, чѣмъ меньшею новостью является она въ политическомъ мірѣ вообще. Въ этомъ мірѣ она старая знакомая, узаконенная временемъ традиція нѣкоторыхъ его круговъ, на отрицаніи которой выросла вся международная соціалдемократія и въ частности русская соціалдемократія больше какой-либо другой.

Возьмите, напр., хотя бы за все революціонное и дореволюціонное время литературу соціалистовъ-революціонеровъ, и я ручаюсь чѣмъ угодно, что вы въ ней не найдете ни единой строки, говорящей о партійномъ самопознаніи: все, что дѣлается въ партіи, окружено ореоломъ офиціальнаго благополучія, и лезвіе критическаго анализа его не смѣетъ коснуться. И это не случайно. Съ точки зрѣнія соціалистовъ-революціонеровъ это, наоборотъ, послѣдовательно. Это такъ и быть должно въ той партіи,

гдѣ невидимая кучка борцовъ является центральнымъ героемъ и главной движущей силой развитія, гдѣ такъ называемая «боевая организація» есть лишь высшее, кульминаціонное выраженіе всего типа организаціи.

Я бы сказалъ: чѣмъ больше приближается данная партія къ заговорщицкому типу, тѣмъ меньше въ ней мѣста критикѣ и тѣмъ больше простора для «чарованья красныхъ вымысловъ»: эти «вымыслы» или—какъ мы ихъ когда-то называли въ полемикѣ съ соціалистами-революціонерами—эта «революціонная беллетристика» является для подобной партіи такимъ же орудіемъ борьбы, какъ на театрѣ войны любая стратегическая хитрость, сбивающая съ толку непріятеля.

Попробуйте, однако, эту хитрость примѣнить не къ маневрированію заговорщицкихъ группъ, а къ дѣйствіямъ соціалдемократіи и тотчасъ же возможное станетъ невозможнымъ и условная военная добродѣтель превратится въ безусловный порокъ—въ преступленіе противъ самыхъ основъ соціалдемократической партіи. Хитрость только сбивала бы съ толку, вводила бы въ обманъ—не врага, а прежде и больше всего ту рабочую массу, чьей партіей является соціалдемократія, или, по крайней мѣрѣ, чьей партіей она стремится сдѣлаться.

Въ противоположность заговорщицкимъ группамъ—организаціямъ иниціативнаго меньшинства,—въ партіи массового дѣйствія, а такой партіей массового дѣйствія по преимуществу является соціалдемократія—нѣтъ и не можетъ быть того противоположенія всезнающаго генеральнаго штаба и незнающей исполнительской массы, которое одинаково близко уму и сердцу какъ всякаго фронтовика, такъ и заговорщика, въ какой бы современный костюмъ не рядился этотъ заговорщикъ. Въ партіи массового дѣйствія заботами о партіи живетъ вся масса ея членовъ. Она хозяинъ и верховный распорядитель этой партіи, и она за всѣмъ, что творится въ партіи, имѣетъ свой хозяйскій глазъ. Она вѣдаетъ нужды, предпринимаетъ рѣшенія. Но для того, чтобы вѣдать эти нужды, надо ихъ по настоящему знать; чтобы предпринимать рѣшенія, надо имѣть точное представленіе о томъ, что есть,—о состояніи собственныхъ силъ

Какъ же получить это знаніе партійной массѣ, другими словами—какъ партіи осуществить это самопознаніе?

Существуетъ одинъ только путь: путь гласнаго обсужденія всего происходящаго въ партіи. Гласно производится критика, гласно подводится балансъ наличному состоянію силъ; гласно вырабатывается общественное мнѣніе партіи, подготовляются ея дальнѣйшія дѣйствія. Гласно—ибо только гласно можетъ информироваться масса, и тѣмъ болѣе только гласно, какъ активное лицо, можетъ творить свою волю.

Постоянная самокритика, неустанный самоконтроль.

Когда то Плехановъ напоминалъ, кому слѣдуетъ, слова Маркса изъ «Восемнадцатаго Брюмэра Луи Бонапарта», что «революціи пролетаріата постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ, повидимому, уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала; жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и не-

годность своихъ первыхъ попытокъ». И Плехановъ находилъ тѣмъ болѣе полезной «безпощадную» «самокритику» для русскаго пролетаріата, что русскій пролетаріатъ проходитъ «первыя ступени своего развитія», когда «тактика пролетаріата» «всегда оказывается, въ сущности, тактикой интеллигенціи». «Главной» же, «отличительной чертой тактики нашихъ «интеллигентныхъ» руководителей пролетаріата»—какъ и французскихъ буржуазныхъ демократовъ, охарактеризованныхъ Марксомъ въ его только что цитированной работѣ, было—по словамъ Плеханова—«страшное невѣроятное преувеличеніе» «силъ», «находившихся въ ихъ распоряженіи» [1]).

Но это «преувеличеніе», эта, какъ выражался Плехановъ, «потеря глазомѣра», и вообще-то всегда угрожающая начальному фазису въ развитіи пролетаріата, стала бы положительно непредотвратимымъ и неизбывнымъ зломъ для соціалдемократіи, если бы соціалдемократія и на самомъ дѣлѣ вздумала отъ рабочей массы секретничать и преподносить ей, на манеръ Потемкина Екатеринѣ, партійныя декораціи подъ видомъ партійныхъ учрежденій.

Болѣе того: это былъ бы вѣрнѣйшій способъ закрѣпить современную слабость соціалдемократіи, давъ развиться тому ея уклону къ типу заговорщицкихъ организацій, который и безъ того въ лицѣ большевизма принесъ ей столько вреда, и въ то же время это былъ бы способъ захлопнуть ту единственную дверь, черезъ которую соціалдемократія могла бы найти выходъ изъ своего настоящаго положенія. Это—дверь къ сознанію и къ самодѣятельности рабочей массы—единственнаго хозяина партіи.

И чѣмъ болѣе сейчасъ положеніе соціалъ-демократіи критическое, чѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ утвержденіе тѣхъ, которые говорятъ, что отъ организацій партіи остались одни лишь обломки, тѣмъ настоятельнѣе необходимо не затушевывать непріятныхъ сторонъ современнаго упадка или умалять причиненныхъ имъ опустошеній, а сдѣлать, наоборотъ, все возможное, чтобы рабочая масса сознала остроту этого упадка, чтобы она ощутила его, какъ собственную боль, какъ ту смертельную опасность, съ которой надо бороться величайшимъ напряженіемъ силъ. Чтобы рабочая масса, наконецъ, заговорила. Заговорила властнымъ языкомъ хозяина, который знаетъ, что строитъ, который намѣчаетъ и общій планъ, и всѣ детали постройки, и не позволитъ кому бы то ни было себя мистифицировать.

Ну, а какъ же непріятель? Онъ и въ самомъ дѣлѣ узнаетъ, чего не долженъ бы знать, что отъ него должно бы быть скрыто? — Ну, а какъ же дѣло обстояло до сихъ поръ? Вѣдь, русская соціалъ-демократія даже и въ тѣ времена, когда на самое имя ея было наложено цензурное табу въ такъ называемой легальной литературѣ, вѣдь, даже тогда соціалъ-демократія полагала возможнымъ, не опасаясь недреманнаго ока непріятеля, говорить безъ прикрасъ о наличномъ состояніи партіи, разоблачать свои слабыя стороны.

---

1) См. «Современная Жизнь», ноябрь 1906 г. ст. «Замѣтки публициста» стр. 181 и др.

Мнѣ думается: русская соціалъ-демократія поступала такъ, повинуясь вѣрному инстинкту, который подсказывалъ ей, что партія, стремящаяся стать организаціей массового дѣйствія, можетъ меньше всего опасаться собственной нескромности, что отъ взоровъ непріятеля ей, конечно, приходится беречь свой личный персоналъ, детали своей техники, но что не это является нервомъ ея существованія. Ея нервъ въ работѣ ея организаціи, а эта работа оперируетъ съ массой, она находится вся на виду, и, слѣдовательно, видима также и непріятелемъ и, слѣдовательно, подлежитъ тѣмъ учету и критикѣ, которымъ никогда не поддаются жизнь и работа въ организаціяхъ заговорщицкихъ группъ.

Для соціалъ-демократіи можно бы установить, какъ правило: если данной организаціи нѣтъ на поверхности жизни, ея нѣтъ и въ глубинѣ, ибо таково уже свойство соціалъ-демократической дѣятельности, что was ist drinnen, das ist draussen, что она постоянно стремится наружу! И потому ничто, напр., не заставитъ меня повѣрить въ реальное существованіе центра, уже долгое время рѣшительно ничѣмъ себя не заявившаго. И по-этому же самому и непріятель, имѣющій достаточно рекогносцировочныхъ средствъ можетъ съ необходимою точностью всегда опредѣлить состояніе силъ соціалъ-демократической организаціи.

И однако, это обстоятельство не мѣшаетъ соціалъ-демократіи — при извѣстныхъ общественно-политическихъ предпосылкахъ — расти, а непріятелю—громоздить ошибку на ошибкѣ. Почему? Да потому, что дѣло не столько въ этихъ организаціонныхъ единицахъ, которыхъ непріятель отлично знаетъ, сколько въ потенціальныхъ силахъ того массового движенія, которое не поддается никакому учету непріятеля и развитіе котораго остается для него китайскою грамотою...

* * *

Но, разумѣется, эти всѣ соображенія умѣстны только для тѣхъ, надъ кѣмъ не властна военно-заговорщицкая концепція. Плехановъ оказался въ ея власти. И уже это одно обстоятельство—даже и въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли другихъ показаній,—говорило бы намъ за то, что во взглядахъ Плеханова произошелъ нѣкій сдвигъ, что Плехановъ долженъ теперь по-иному, чѣмъ прежде, смотрѣть на многіе вопросы, имѣющіе самое насущное, самое глубокое значеніе въ жизни русской соціалдемократіи. И на самомъ дѣлѣ, этотъ Плехановскій сдвигъ въ первую голову принесъ вмѣстѣ съ военно-заговорщицкой концепціей партіи и самоновѣйшую позицію Плеханова въ организаціонномъ вопросѣ, и его современное отношеніе къ переживаемому партіей кризису.

Что кризисъ на-лицо—это ясно. Что организаціи таютъ или уже успѣли растаять—въ этомъ, конечно, не сомнѣвается даже и Плехановъ. Но въ чемъ существо этого кризиса? Гдѣ причина этого таянія организаціи? Плехановъ, не колеблясь, отвѣчаетъ: въ реакціи. Реакція произвела разгромъ этихъ организацій, реакція напитала воздухъ малодушіемъ и измѣной; реакція въ числѣ своихъ прочихъ продуктовъ родила

и «ликвидаторство», которое, съ точки зрѣнія Плеханова, какъ красный цвѣтокъ для Гаршинскаго сумасшедшаго, концентрируетъ въ себѣ все зло—все разлагающее вліяніе времени.

Реакція отвѣчаетъ за все. Но если за все отвѣчаетъ реакція, то значитъ—ни за что, или точнѣе, ни за что существенное не отвѣчаютъ сами имѣющіяся организаціи; значитъ—въ этихъ организаціяхъ въ общемъ и цѣломъ все обстояло бы благополучно,—не подверниись реакція. Ибо въ противномъ случаѣ, развѣ бы могъ Плехановъ сосредоточить все свое вниманіе на «ликвидаторствѣ» и прочихъ скверныхъ, и ни однимъ словомъ не обмолвиться о причинахъ организаціоннаго неблагополучія, *лежащихъ въ самихъ организаціяхъ*. Вѣдь если такія причины достаточно существенны, то вниманіе, обращенное на ихъ устраненіе, было бы искуснѣйшимъ ходомъ въ борьбѣ съ противникомъ, лучшимъ способомъ выбить почву у него изъ-подъ ногъ. И если Плехановъ, такъ много говорящій теперь на злободневную тему, какъ разъ объ *этомъ* молчитъ, то очевидно потому, что сторонникъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ относительно представителей ненавистнаго ему теченія, Плехановъ сейчасъ «*консерваторъ*» по отношенію къ существующимъ организаціямъ; консерваторъ, не только враждебный всякимъ организаціоннымъ «революціямъ», но и консерваторъ, не имѣющій никакой программы «реформъ».

И эта современная «безпрограммность» Плеханова пріобрѣтаетъ для насъ тѣмъ большій рельефъ, чѣмъ рѣзче встаютъ въ нашей памяти воспоминанія недавняго прошлаго. Лѣтомъ 1905 года, конечно, ни на какую реакцію не было даже и намека. Наоборотъ, движеніе, наростая, приближалось къ своему апогею, когда Плехановъ, разрывая съ существовавшими тогда организаціями партіи—о чемъ мнѣ приходилось уже говорить—далъ свою критику партійнаго строительства.

Онъ, какъ уже отчасти знаетъ читатель, находилъ, что существующая организація, составленная изъ «профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигентной среды», является «столь же утопичной попыткой» «построить» партію, «какъ была бы утопична мысль построить изъ сыпучаго песку» нѣчто подобное Эйфелевой башнѣ». Интеллигенція не можетъ образовать «сколько-нибудь значительнаго сплоченія» силъ; она способна создать только кружковую среду съ ея раздорами, которые съ одной стороны «служатъ навозомъ, повышающимъ урожай вліятельныхъ и самодовольныхъ посредственностей», съ другой—«даютъ широкій просторъ маленькимъ кружковымъ Макіавели, практикующимъ правило «цѣль оправдываетъ средства», и крошечнымъ честолюбцамъ, ставящимъ возвышеніе своего драгоцѣннаго «я» главной цѣлью своей революціонной работы». [1])

Рабочіе же во «внутренней жизни» партіи не «играютъ» «почти никакой» «роли». Однако, прибавлялъ Плехановъ, «движеніе рабочей массы уже не укладывается въ узкія рамки созданной интеллигенціей партійной организаціи; эти узкія рамки трещатъ и ломаются со всѣхъ сторонъ, и «интеллигентные» руководители, еще не далѣе, какъ вчера

[1]) См. № 2 „Дневникъ", ст. „Враждующіе между собою братья", стр. 44.

считавшіе рабочихъ недостаточно зрѣлыми для вступленія въ святилище «комитетовъ», начинаютъ сознавать, что старые типы революціонныхъ организацій такъ же мало соотвѣтствуютъ революціоннымъ потребностямъ нынѣшняго времени, какъ мало соотвѣтствовали бы игрушечныя лопаты, грабли и вилы земледѣльческимъ нуждамъ взрослаго крестьянина. Теперь самъ пролетаріатъ, правда, пока еще только какъ бы ощупью, старается найти подходящія для него организаціонныя формы, ломая сдерживающія его полицейскія рогатки и создавая открытые союзы. Въ этой сторонѣ и лежитъ широкая область нашего будущаго; «интеллигентныя» организаціи съ ихъ «центрами» и «периферіями», съ ихъ маленькими «героями», съ ихъ игрушечными «толпами» отходятъ въ область отживающаго прошлаго, и какъ ни плохо идутъ подчасъ дѣла въ этихъ организаціяхъ... но унывать намъ все-таки нѣтъ основанія». И нѣтъ основанія потому, что «теперь уже не долго хозяйничать «интеллигентнымъ» сверхчеловѣкамъ, теперь пролетаріатъ идетъ» [1]).

Такъ писалъ Плехановъ пять лѣтъ тому назадъ—на исходѣ до-октябрьской эпохи. Затѣмъ прошелъ годъ, даже больше—почти полтора года событій. И однако,—несмотря на кратковременный періодъ свободъ на начинавшую развертываться въ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ и другихъ организаціяхъ бурнаго времени самодѣятельность рабочихъ массъ, несмотря на ростъ профессіональнаго движенія, несмотря на «объединительный» съѣздъ и провозглашенный имъ принципъ «демократическаго централизма» въ измѣненномъ партійномъ уставѣ, въ партіи, по свидѣтельству Плеханова продолжаетъ царить все та же «интеллигентская кружковщина». Обозрѣвая годъ, истекшій со времени «пріобрѣтенія россійскими гражданами ихъ своеобразной конституціи», Плехановъ принужденъ констатировать, что по-прежнему въ партіи «задавала тонъ интеллигенція». Въ интеллигенціи же господствовала «кружковщина»—«безплодная старая дѣва», «воображающая» себя до сихъ поръ въ роли «гувернантки пролетаріата». Эта-то «интеллигентская кружковщина» и боится «рабочаго съѣзда». Она-то и не хочетъ его допустить. А между тѣмъ — «развитіе самодѣятельности пролетаріата — вотъ къ чему сводится, говоритъ Плехановъ, политическое завѣщаніе истекающаго года. Рабочій съѣздъ... составляетъ одно изъ самыхъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ условій такого развитія. Онъ необходимъ. И онъ состоится, какъ бы громко ни кричала противъ него интеллигентская кружковщина» [2]).

И еще въ февралѣ 1908 года, т. е. больше года спустя, въ «Замѣткахъ Публициста», напечатанныхъ въ одномъ заграничномъ изданіи, Плехановъ продолжаетъ воевать съ «кружковой психологіей, съ той интеллигенщиной», которая, по его мнѣнію, является—«нашимъ злѣйшимъ врагомъ».

Такимъ образомъ, можно сказать, что, по мнѣнію Плеханова, къ моменту наступившей депрессіи и разгула реакціи кружковая ореда пронесла изъ до-октябрьской эпохи нетронутымъ, черезъ всѣ перипетіи рево-

[1]) Ibid., стр. 45—46.

[2]) См. „Соврем. Жизнь", ноябрь 1906 г., „Замѣтка публициста", стр. 199—200.

люціи, несмотря на частичныя поправки, свой основной организаціонный типъ. И это было въ порядкѣ вещей. Ибо откуда же было взяться тѣмъ силамъ, которыя внесли бы въ «интеллигентскій» «типъ» организаціи необходимыя перемѣны или старый типъ замѣнили бы другимъ.

Вѣдь, съ точки зрѣнія прежняго Плеханова, одинъ только пролетаріатъ былъ способенъ на это. А между тѣмъ, по заявленію того же Плеханова, этотъ желанный и долго жданный обновитель-пролетаріатъ еще не приходилъ въ организацію и въ 1908 году,—не приходилъ, несмотря на бившія въ 1905—1906 гг. волны подъема, несмотря на тѣ легальныя возможности, которыя съ наибольшей полнотой могли осуществляться въ истекшее передъ этимъ трехлѣтье. А разъ онъ не приходилъ даже и въ это трехлѣтье, то, конечно, не пришелъ и въ послѣдніе два года,—въ этотъ періодъ наивысшей депрессіи рабочаго класса.

То есть, для прежняго Плеханова отсюда бы слѣдовало, какъ логически обязательный выводъ, признаніе, что въ настоящее время партійная организація, поскольку эта организація еще сохранилась, хотя и въ сильно уменьшенномъ масштабѣ, хотя бы и въ видѣ обломковъ, но являетъ собою ту же самую первобытную кружковую среду, отъ отрицанія которой когда-то отправлялась критическая мысль Плеханова.

На почвѣ же этой кружковой среды, если помнитъ читатель, выростаютъ «организаціонныя формы» въ такой же мѣрѣ пригодныя для пролетаріата, какъ «игрушечныя лопаты, грабли и вилы» для «взрослаго крестьянина».

Но эти «лопаты, грабли и вилы» представлялись «игрушечными» только—для прежняго Плеханова.

Плехановъ же новѣйшій беретъ эти «лопаты, грабли и вилы» въ серьезъ и настолько въ серьезъ, что даже до чрезвычайности сердится, когда кто-нибудь позволитъ себѣ усомниться въ ихъ примѣнимости, когда раздается протестъ противъ подобнаго обращенія въ «дѣтство».

Прежній Плехановъ отъ «игрушечныхъ» формъ организаціи направлялъ свой взоръ къ не-«игрушечнымъ» усиліямъ рабочаго класса, «ломавшаго» старыя организаціи, въ поискахъ за «организаціонными формами», болѣе для него «подходящими»; теперешній Плехановъ, наоборотъ, предаетъ анаѳемѣ ищущихъ и зоветъ всѣхъ назадъ—подъ давно уже данную, старую, организаціонную крышу.

Прежде «область» искомаго «будущаго», на которое возлагались надежды, какъ на выходъ изъ кружковой среды, лежала въ той «сторонѣ», гдѣ шло преодолѣніе «полицейскихъ рогатокъ» и созиданіе «открытыхъ союзовъ»,—теперь эта область оказалась перемѣщенной въ самое кружковую среду, и укрѣпленіе ею созданныхъ формъ организацій стало лозунгомъ дня.

Я понимаю, конечно: можно сказать, что сейчасъ политическая обстановка чрезвычайно мало благопріятствуетъ «открытымъ союзамъ»; я готовъ на время позабыть, что и въ до-октябрьскую эпоху она этимъ открытымъ союзамъ не слишкомъ была благопріятна, и во всякомъ слу-

чаѣ не позволяла имъ вставиться въ рамку законности, но вотъ чего я не понимаю и что тщетно хотѣлъ бы понять: какими неисповѣдимыми судьбами исконная кружковая среда потеряетъ способность производить тѣ горькіе плоды, о непріятномъ вкусѣ которыхъ намъ когда-то докладывалъ Плехановъ? Какой политическій смыслъ заключается въ томъ, чтобы дѣлать изъ нужды добродѣтель—aus der Noth eive Tugend machen, какъ говорятъ нѣмцы, и только потому, что—допустимъ—насъ сила вещей загоняетъ въ гиблое мѣсто, начать складывать гимны гиблымъ мѣстамъ.

Вѣдь, если, дѣйствительно, вѣрно, что для ближайшаго будущаго политическая дѣятельность соціалдемократіи окажется локализованной въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ, то отсюда первое, что съ неизбѣжностью слѣдуетъ, это отвѣтъ во чтобы то ни стало на вопросъ о томъ, какъ бороться съ гиблыми свойствами своего подневольнаго мѣстожительства, что можно и нужно предпринять, чтобы возможная локализованность не повторила въ исправленномъ и дополненномъ изданіи той старой «кружковщины», которая, по мнѣнію прежняго Плеханова, была органически неприспособлена для организаціоннаго творчества соціалдемократіи? Вѣдь, этотъ вопросъ, какъ и самая его постановка, простой, непререкаемый выводъ изъ тезисовъ прежняго Плеханова.

Какъ видно, однако, новѣйшій Плехановъ не имѣетъ никакой охоты платить по идейнымъ векселямъ, выданнымъ его предшественникомъ — прежнимъ Плехановымъ. Онъ какъ будто не чувствуетъ, что *прошлое обязываетъ*, и только этой свободой отъ прошлаго можно объяснить себѣ легкость, съ какою Плехановъ обходитъ всѣ трудности настоящаго положенія.

Конечно, заявляетъ современный Плехановъ, тайная партійная организація можетъ превратиться въ «общество заговорщиковъ», но это при условіи, что она дастъ развиться въ себѣ «сектантству». Поэтому, „мы приглашаемъ—говоритъ онъ—своихъ товарищей меньшевиковъ не покидать партіи, а бороться за вліяніе внутри ея для того, чтобы изгнать изъ нея всякій духъ сектантства».

Какъ будто въ «сектантскомъ духѣ» все дѣло и изгнаніе «духа»—занятіе, впрочемъ, почтенное, которое могу лишь привѣтствовать—хоть на шагъ подвигаетъ впередъ рѣшеніе *общаго* вопроса о возможности приспособленія кружковщины къ запросамъ пролетарскаго движенія! Вѣдь, кружковая среда, какъ и всякое «положеніе», имѣетъ свою «логику», и до тѣхъ поръ, пока сохраняется неприкосновеннымъ «положеніе», сохраняетъ свою силу и логика этого положенія, способная перемолоть по-своему какую угодно теорію. Я напомню только небезызвѣстный Плеханову примѣръ, какъ марксизмъ стараніями русской кружковой среды превращенъ былъ въ бланкизмъ.

Очевидно, недостаточно правильности общихъ идей, той «извѣстной широты взглядовъ», которая, напр., по мнѣнію Плеханова, «спасаетъ» «отъ сектантства», недостаточно величайшей готовности пропагандиро-

вать эти идеи, а надо въ самое «положеніе» внести надлежащія поправки и тогда съ перемѣной въ «положеніи» перемѣнится и «логика»; съ измѣненіемъ въ самомъ характерѣ функціонированія данной, хотя бы и внѣ нормъ стоящей организаціи, какъ и всего мѣста, занимаемаго ею въ общемъ движеніи пролетаріата, исчезнетъ традиціонный призракъ кружковщины. А безъ этихъ поправокъ, борьба за вліяніе въ партіи—я сильно опасаюсь—рискуетъ превратиться въ исторію подсиживанія другъ друга кружковыми Макіавели.

Но, конечно, этихъ поправокъ напрасно искалъ бы читатель у современнаго Плеханова. Идея неприспособленности кружковой среды для задачъ пролетарскаго движенія вывѣтрилась до конца изъ сознанія Плеханова, и съ нею вмѣстѣ вывѣтрилось и представленіе о томъ, что не старая кружковая организація, когда-то, по словамъ Плеханова, «ломавшаяся» и «трещавшая» подъ напоромъ движенія рабочаго класса, можетъ лечь въ основаніе политическаго строительства пролетаріата, а какія-то новыя формы, которыя—помните—въ свое время пролетаріатъ нащупывалъ, и нащупать которыя сейчасъ является очередной и самой важной задачей для русской соціалдемократіи.

Но вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого сознанія у Плеханова, исчезла для него и возможность понять, что отрицательное отношеніе къ «кружковщинѣ»—этой опредѣленной исторической категоріи нашей общественной жизни—не только не знаменуетъ собою отрицательнаго отношенія къ политикѣ или къ тѣмъ политическимъ формамъ, которыя не вмѣщаются въ границахъ нынѣ дѣйствующаго права, но является необходимой предпосылкой, отъ которой отправляясь, только и можетъ развернуться всякая настоящая и всякая будущая соціалдемократическая политика, только и могутъ окрѣпнуть необходимыя для этой политики внѣ нормъ стоящія формы.

Старый Плехановъ, разумѣется, могъ бы быть недоволенъ, скорбя или негодуя на то, что намѣчаніе этой линіи сплоченія идетъ слишкомъ слабо, что еще слабѣе намѣчаемое претворяется въ жизнь, что и на этой коллективной работѣ, какъ и на всемъ, даетъ себя чувствовать мертвящая атмосфера реакціи и что—и это важнѣе всего—продолжающаяся депрессія рабочаго класса подрѣзываетъ крылья. Онъ могъ бы призывать къ въ сто разъ большей энергіи, онъ могъ бы сердиться и спорить, но онъ не могъ бы уволить себя отъ участія въ этой общей, большой и трудной работѣ.

Но онъ не могъ бы дѣлать того, что дѣлаетъ сейчасъ современный милитаризованный, порвавшій съ своимъ прошлымъ, опустошенный Плехановъ. Очевидно, измѣна своему прошлому даромъ не дается, опустошенность мститъ за себя. Мститъ, заставляя Плеханова шумихой антиликвидаторской кампаніи прикрывать ту печальную истину, что ему, совершившему свое попятное развитіе, такъ же мало есть, что сказать по вопросу о критическомъ положеніи партіи, какъ и любому изъ нашихъ доморощенныхъ «бланкистовъ» большевистскаго толка.

Однако, всѣ эти походя бросаемыя обвиненія въ реставрированномъ экономизмѣ, въ отрицаніи политики, въ отказѣ отъ самостоятельной политической линіи, наконецъ, въ измѣнѣ соціалдемократіи, вся эта обвинительная истерика и истерическая фантастика, это не только мстящая за себя опустошенность, но и нѣчто другое, гораздо болѣе значительное.

Это выраженіе того же происшедшаго съ Плехановымъ сдвига, который заставилъ его отвернуться отъ собственнаго прошлаго, чтобы повернуться лицомъ къ «бланкистскимъ» тенденціямъ въ русской соціалдемократіи; другими словами, отчалить отъ меньшевиковъ, чтобы причалить—къ «грустнымъ берегамъ» большевизма. Ну, а съ отчалившимъ Плехановымъ происходитъ обыкновенная исторія: ему кажется, что не онъ это движется, а движутся всѣ тѣ предметы, которые не находятся на его кораблѣ, что, такимъ образомъ, меньшевизмъ уходитъ куда-то за предѣлы соціалдемократіи, а большевизмъ такъ быстро къ нему приближается и такъ ласково манитъ его—отдохнуть подъ защитой его «твердокаменности».

И посмотрите—меньшевики со сказочной быстротой превращаются въ «рыжихъ уродовъ», въ мелодраматическихъ злодѣевъ, между тѣмъ какъ большевики тѣмъ временемъ принимаютъ видъ почти благолѣпный. Они исправляются, они почти уже исправились.

Они въ 1910 году,—подумайте только—среди затишья реакціи рѣшили начать изъясняться нѣсколько иначе, чѣмъ въ моменты революціоннаго подъема, они уже перестали назначать ближайшіе сроки для наступленія великихъ событій, и они—какъ это особенно отмѣчаетъ Плехановъ—не препятствуютъ болѣе выступленіямъ легальныхъ рабочихъ организацій, а наоборотъ, стремятся ихъ «использовать». Они «начинаютъ осуждать сектантскій взглядъ на широкое рабочее движеніе»!

Ну, развѣ же не должны мы имъ быть благодарны? И что же удивительнаго, что Плехановъ, покоренный большевистскимъ «использованіемъ», хоронитъ теперь на радостяхъ всѣ тѣ старые принципы, которые шли когда-то въ разрѣзъ съ общимъ бланкистскимъ направленіемъ большевизма. И эти похороны старыхъ принциповъ являютъ собою величайшее торжество россійскаго бланкизма. Курилка живъ и въ противоположность старымъ принципамъ Плеханова умирать совсѣмъ не собирается, а въ лицѣ заграничнаго большевизма, наоборотъ, устами Ленина и его литературы, справедливо свидѣтельствуетъ о своей принципіальной неизмѣнности.

И далекими должны представляться сейчасъ Плеханову тѣ времена—это было три года тому назадъ — когда имъ давалось увѣреніе, что «разногласія» между нимъ (Плехановымъ) и большевиками «такъ велики, что всякая» его «дѣятельность непремѣнно должна казаться имъ вредной». «Въ свою очередь», прибавлялъ онъ, «я до такой степени смотрю отрицательно на дѣятельность большевиковъ—поскольку въ ней проявляются отличительныя черты «большевизма», что если бы они когда-

нибудь вздумали меня одобрить», то я, подобно Фокіону, спросилъ бы-ихъ: развѣ я сказалъ какой-нибудь вздоръ?» [1]).

Теперь Плехановъ—до чрезвычайности «одобренъ»!..

Какой съ божьей помощью поворотъ!—скажемъ мы въ заключеніе излюбленными словами Плеханова.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста мнѣ приходится отложить до другого раза бесѣду съ читателемъ о томъ, какъ Іорданскій изъ «Современнаго Міра» тоже собрался въ походъ на «ликвидаторовъ» [2]), и что изъ сего вышло.

Кое-кто—насколько мнѣ извѣстно—выражалъ свое неудовольствіе, даже болѣе того—негодованіе на то, что Іорданскій позволяетъ себѣ выступать съ тягчайшими обвиненіями противъ людей, не подкрѣпляя своихъ словъ ничѣмъ, кромѣ обращенныхъ въ пространство инсинуацій, да темныхъ намековъ на неизвѣстное «посланіе».

Я лично не раздѣлялъ этого негодованія. Я просто любовался мнѣ представившимся зрѣлищемъ Іорданскаго въ позѣ хранителя принциповъ и адвоката политическаго «героизма». Это было такъ великолѣпно, что я готовъ былъ позабыть о моральной квалификаціи его дѣйствія, чтобы только—зарисовать его позу.

Въ ближайшемъ будущемъ я надѣюсь это сдѣлать.

А. Потресовъ.

---

1) „Товарищъ“, отъ 2-го октября 1907 г., ст. „Что хорошо, то хорошо“.
2) См. «Совр. Міръ», октябрь 1910 г., статья «О ликвидаторствѣ».

Издатель М. Я. Лукомскій. Редакторъ О. В. Федорченко.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 11-12.

Ноябрь-Декабрь.

1910 годъ.

Оглавленіе.

П. Масловъ. Экономическія замѣтки 3
Ф. Данъ. Еще къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ 17
Н. Череванинъ. Отвѣтъ П. Маслову. 26
В. Мукосѣевъ. Оживленіе промышленности въ Россіи 35
Евг. Маевскій. Что такое ликвидаторство? 46
В. Левицкій. На темы дня. На поворотѣ? 59
Обзоръ рабочаго движенія на Западѣ: 1) В. Емельяненко. Итальянская соціалистическая партія, 2) А. Галльскій. Желѣзнодорожная забастовка во Франціи. 68
Иностранное обозрѣніе: Л. Мартовъ. Борьба съ рабочимъ движеніемъ во Франціи. 94
Обзоръ рабочаго движенія въ Россіи: 1) М. Хейсинъ. Промышленники и рабочій классъ. 2) К. Дмитріевъ. Петербургскіе профессіональные союзы въ первую половину 1910 года. 102
Е. Смирновъ. Политическое обозрѣніе 127

Новыя желѣзнодорожныя линіи, разумѣется, увеличатъ общее потребленіе металла, но чтобы онѣ могли замѣнить собой то, что сейчасъ наша желѣзодѣлательная промышленность не имѣетъ и отъ чего она хронически страдаетъ—рынка, это сомнительно. Желѣзныя дороги—средства передвиженія, а не орудія производства; расширенію этихъ средствъ положена объективная граница въ географическихъ и народно-хозяйственныхъ условіяхъ страны, тогда же какъ производство средствъ производства этого не знаетъ.

Итакъ, ни улучшеніе государственнаго хозяйства, ни оживленіе строительной и биржевой дѣятельности, ни желѣзнодорожное строительство еще далеко не знаменуютъ собой начало всеобщаго промышленнаго подъема, а расширеніе сбыта товаровъ металлургической отрасли, обусловленнное наличностью строительной горячки и постройки ж. д., не есть характерный симптомъ этого «подъема». Отъ послѣдняго ничего не остается, если отбросить строительство и повышеніе курсовъ биржевыхъ бумагъ.

Народное хозяйство врачуется не такъ-то быстро. Его нельзя поворачивать каждый день слѣва направо. А кромѣ того, экономическій прогрессъ въ теченіе мѣсяца—двухъ не можетъ быть отмѣченъ термометромъ сколько-нибудь быстраго показанія. Для этого нужно болѣе долгое время и иныя условія, иной уровень самой хозяйственной жизни. Вѣдь десятилѣтній застой трудно ликвидировать въ такой короткій срокъ, какъ одно полугодіе, и это тѣмъ болѣе, что причины, породившія застой, продолжаютъ существовать и до сей поры. Вѣдь задачи, выдвинутыя революціей, не получили надлежащаго разрѣшенія. «Не покончивъ съ политическими задачами, революція оставила открытой и основную экономическую проблему: уничтоженіе путъ, связывающихъ свободный ростъ капитала» [1]).

В. Мукосѣевъ.

Что такое „ликвидаторство"?

(Кое-что изъ исторіи возникновенія вопроса).

Этотъ самый вопросъ, быть можетъ, не разъ и не два ставился уже нами и ставился такъ-же прямо и рѣшительно, какъ онъ поставленъ и теперь въ заголовкѣ нашей статьи. Не разъ предлагали мы всѣмъ тѣмъ, кто надумалъ, выдвинулъ и поддержалъ это «новое слово», ясно, опредѣленно и безъ оговорокъ сказать: какое-же они вкладываютъ въ него содержаніе? Но толку

---

1) Балабановъ. Промышленность въ 1904—1907 г.г. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в.", т. IV, ч. I, стр. 120. СПБ. 1910.

отъ этого—или вовсе не получалось, или если получалось, то ужъ слишкомъ мало.

Съ этимъ послѣднимъ, впрочемъ, повидимому, не всѣ склонны будутъ согласиться. Такъ, напр., какъ-то еще совсѣмъ недавно Г. В. Плехановъ увѣренно заявлялъ публикѣ:

... «Люди, упорно вопрошающіе насъ: «а что такое ликвидаторъ?» достаточно освѣдомлены о чемъ идетъ рѣчь у враговъ ликвидаторства. (Курс. Плех. какъ здѣсь, такъ и въ др. цитатахъ). Но хотя это сказано и очень увѣренно, но мы съ такой же увѣренностью можемъ возразить: что если для девяти-десятыхъ изъ тѣхъ, кто интересовался разговорами о «ликвидаторствѣ», быть можетъ и понятно, о комъ идетъ здѣсь рѣчь, но понять, о чемъ идетъ рѣчь, до сихъ поръ оказывалось совершенно невозможнымъ. Остальныя же одна десятая изъ тѣхъ, кто такъ или иначе прислушивался къ этимъ рѣчамъ, если и воображаетъ, что для нея понятно, въ чемъ дѣло, то стоитъ только задать тотъ вопросъ, что стоитъ у насъ въ заголовкѣ, какъ на него оказывается столько-же противоположныхъ отвѣтовъ, сколько опрошено было людей. Причина такой «тугости» на пониманіе лежитъ, конечно, не въ какой-нибудь особенной непонятливости этихъ, право-же, искренно запутавшихся людей, а въ томъ, совершенно специфическомъ свойствѣ рѣчей тѣхъ, кому принадлежитъ «честь» изобрѣтенія и распространенія этой модной теперь басни о «ликвидаторствѣ». И ужъ этотъ фактъ говоритъ кое о чемъ.

Вѣдь, всегда, какъ и въ данномъ случаѣ, когда въ основѣ спора не имѣется никакой опредѣленной идеи, впередъ всего выступаетъ не что, а кто, личность и совершенно заслоняетъ и оттѣсняетъ собою это «что», на которое нечего отвѣтить.

Извѣстно, что,—какъ это всегда бываетъ въ эпохи реакцій,—ряды борющихся партій рѣдѣютъ не только и даже не столько потому, что непріятельская сила выхватываетъ изъ нихъ десятки и сотни людей, но,—и это особенно вѣрно для войны «внутренней»,—тысячи людей сами, по собственной волѣ, покидаютъ эти ряды и разбѣгаются въ разныя стороны. И исторія русской общественности въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Даже больше того. Она—эта исторія—какъ разъ въ этомъ отношеніи имѣетъ всѣ преимущества передъ такими-же исторіями другихъ странъ.

По преимуществу интеллигентскій составъ борющихся въ Россіи партій вообще и въ частности партіи соціалъ-демократической представлялъ и представляетъ собой особенно благодар-

ную почву въ эпоху реакцій для такихъ массовыхъ уходовъ. И въ періодъ 1906—1909 гг. такой уходъ или, вѣрнѣе, отходъ безостановочно совершался, захвативъ интеллигентскіе элементы въ самыхъ различныхъ организаціяхъ и группировкахъ, а вмѣстѣ съ интеллигенціей—и это признать необходимо—проникъ также—и проникъ съ большей силой,—и въ передовыя рабочія группы.

Не трудно было встрѣтить людей, еще недавно именовавшихся „членами", „представителями" и даже облеченныхъ болѣе высокими званіями, которые съ легкимъ сердцемъ и легкой усмѣшкой, не сознавая всего цинизма, заключавшагося въ ихъ словахъ, говорили вамъ: «Э, что теперь могутъ сказать хорошаго марксисты!?» Или по другому: „Самое лучшее теперь—говорили другіе—уйти и заняться своими (т. е. домашними) дѣдами". И это говорили вовсе не тѣ, которые вынуждены были перейти на такія дѣла! Иные же (и такихъ большинство)—болѣе осторожные и менѣе откровенные—ничего и никому не заявляли о себѣ, а просто отходили и потихоньку успокаивались на своихъ «домашнихъ» дѣлахъ, забросивъ совершенно всякую мысль и заботу о томъ, что, казалось, еще недавно составляло главный интересъ ихъ жизни. Въ рядахъ студенчества, гдѣ до послѣдняго времени преобладало вліяніе такъ наз. крайнихъ партій *), этотъ отходъ выражался въ самыхъ различныхъ и мелкихъ проявленіяхъ студенческой жизни и, между прочимъ, въ томъ, напр., что прежняя крайняя нетерпимость даже пренебреженіе къ буржуазной наукѣ въ передовой части студенчества смѣнилась нѣкоторымъ усердіемъ, но усердіемъ, лишеннымъ всякой критической мысли въ дѣлѣ воспріятія и усвоенія этой науки...

Въ этомъ процессѣ массового отхода, однако, до сихъ поръ, при всемъ желаніи, нельзя было замѣтить ни малѣйшаго присутствія идей, вокругъ и около которыхъ совершался-бы этотъ отходъ. На лицо было лишь простое настроеніе разочарованія и усталости, порождавшее скептицизмъ и выливавшеяся по временамъ въ глумливо-враждебномъ, но опять таки безъидейномъ отношеніи къ своему собственному прошлому. Эта безъидейность въ массовомъ отходѣ особенно ярко сказалась въ извѣстной анкеттѣ, произведенной среди студентовъ петербургскаго технологическаго института. Въ студенчествѣ оказался значительный процентъ студентовъ с.-д. и с.-р. (не говоря уже о к.-д.!), которые, оставаясь или все еще признавая себя соціалистами, высказывались, какъ противники

*) За послѣдніе годъ или года два, это какъ будто нѣсколько измѣнилось. И тѣмъ преобладать начали на столько опредѣленныя крайнія партіи, сколько по старому просто-радикальное молодое студенчество. Этому были особыя временныя причины, которыхъ здѣсь не мѣсто касаться...

еврейскаго и женскаго равноправія! Эти люди, нѣтъ сомнѣнія, уже совсѣмъ далеки отъ соціализма, но имъ не на чемъ закрѣпить свои настроенія, нѣтъ новой притягательной для нихъ идеалогіи, и вотъ они, по старому, вынуждены цѣпляться за неудовлетворяющую ихъ и чуждую имъ соціалистическую идеалогію. Говоря иначе—въ этомъ фактѣ выразительно сказалась мелкобуржуазная природа той массы интеллигенціи, которая до 1905—1906 г.г., въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, подавляя въ себѣ эту свою природу, примыкала или даже заполняла ряды русскаго с.-д. движенія. Но если-бъ русская буржуазія, пользуясь хорошимъ для нея временемъ, оказалась-бы способной проявить себя какъ вліятельная и организованныя политическая сила, тогда,—и въ томъ нельзя сомнѣваться,—этотъ по-революціонный отходъ непремѣнно отыскалъ-бы себѣ подходящую и боевую идеалогію, и изъ отхода превратился-бы уже въ полный уходъ, открывъ собой буржуазіи неисчерпаемый и богатѣйшій источникъ для притока къ ней свѣжихъ идейныхъ силъ. Но такъ какъ до сей поры русская буржуазія, не смотря на всѣ старанія «вѣховцевъ» и г. Струве во главѣ ихъ, не проявила еще такой силы, не сдѣлалась «годной», то этотъ массовый отходъ такъ и остался отходомъ не превратившись въ дѣйствительное дезертирство. Просто дезертировать оказалось некуда! По этой-же самой причинѣ и въ основѣ такого отхода, оказалась не какая-нибудь идея, а простое скептически-разочарованное настроеніе... И, разумѣется, если въ русской дѣйствительности въ недалекомъ будущемъ будетъ снова «сломанъ ледъ», то едва ли приходится сомнѣваться, что если не большинство, то, по крайней мѣрѣ, значительная часть изъ этихъ «отошедшихъ» снова вернется къ своимъ старымъ пенатамъ и быть можетъ, снова привнесетъ туда всѣ тѣ, знакомые намъ, элементы анархическаго большевизма или уже всамодѣлишнаго оппуртонизма — этихъ въ основѣ родныхъ братьевъ одной и той-же матери.

Явленіе этого массоваго отхода на почвѣ всеобщаго упадка, порожденнаго реакціей, въ общемъ и цѣломъ, повидимому, не безызвѣстно всѣмъ. О немъ знаетъ и говоритъ Плехановъ, знаетъ его Ленинъ, о немъ знаютъ и другіе... И если попробовать опредѣлить этотъ отходъ, его можно назвать, пожалуй, и ликвидаторствомъ, хотя такое названіе едва-ли выразитъ правильно сущность этого факта. Какъ мы уже объяснили, люди этого отхода, освободившіе себя отъ всякихъ «проклятыхъ вопросовъ», отъ всякихъ заботъ и идей, оказались въ то же время не въ состояніи такъ или иначе, но открыто формулировать или даже заявить о своемъ отходѣ. До сихъ поръ нигдѣ и никакъ не проявилось ни малѣйшаго, какого либо новаго антисоціалистическаго теченія, ни малѣйшей новой анти-соціальдемократической критики. И не смотря

на всѣ старанія г. Изгоева и его кадетско-бернштеніанской дружины (см. корреспондентовъ «Рѣчи» изъ Франціи, Германіи, Италіи...), вокругъ этой дружины попрежнему остается пустота! И ужъ если все таки примѣнить такое названіе къ людямъ этого «отхода» то скорѣй не потому что они пытаются **что-либо** ликвидировать, а лишь потому, что они пока—что «ликвидировали» самихъ себя отъ своего недавняго идейнаго прошлаго...

Понятно, что такое **ликвидаторство**, конечно не могло-бы сдѣлаться отправнымъ пунктомъ для фракціонной борьбы. Впрочемъ, если-бы всетаки поднять вопросъ о немъ, какъ о вопросѣ фракціонномъ и попробовать посчитаться по отдѣльнымъ фракціямъ, то это, ой, какъ невыгодно оказалось—бы прежде всего (и это знаютъ тѣ, кому знать это слѣдуетъ!) именно для тѣхъ, кто больше всего, воспользовавшись слѣпымъ задоромъ Плеханова, кричитъ теперь на всѣхъ перекресткахъ о «ликвидаторствѣ».

Поэтому, ясно, что—и большевики, и Плехановъ, а за нимъ теперь, хотя и не безъ намѣренія перепутывая вопросъ, и Іорданскій изъ «Современнаго Міра» имѣютъ въ виду «ликвидаторовъ», конечно, совсѣмъ иного рода. Это ужъ не какіе нибудь безвредные люди стихійнаго отхода, это—должны быть какіе-то въ высшей степени опасные новаторы, которые покушаются на самое идейное наслѣдство...—На старыя, на основныя цѣнности, которыя вообразѣ «недремлющей весталки», какъ оказывается, охранялъ и охраняетъ до сихъ поръ Ник. Іорданскій изъ «Соврем. Міра»!*)

Кто-же эти опасные и злостные «ликвидаторы»?

Вотъ какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ этомъ Плехановъ:

— «Между названными послѣдствіями (упадка)—пишетъ онъ—вынужденный констатировать, наконецъ, даже и передъ лицомъ врага, «неблагополучіе» въ с.-д. партіи,—самымъ вреднымъ является такъ наз. **ликвидаторство**. Противъ него и обязаны мы направить свои первыя и главныя усилія». Ясное дѣло, что обрисованный нами **отходъ**, хотя и является въ нѣкоторомъ родѣ **ликвидаторствомъ**, но что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ то другомъ «ликвидаторствѣ», противъ котораго можно и нужно бороться, или,—говоря словами Плеханова,—«направить свои первыя и главныя усилія».

Къ счастью для недоумѣвающихъ и вопрошающихъ, тамъ же, гдѣ находится это категорическое утвержденіе, имѣется, правда,—какъ увидитъ читатель—уже далеко не такой категорическій, но всетаки отвѣтъ.

«Я имѣю въ виду совершенно опредѣленный разрядъ ликвидаторовъ—говоритъ Плехановъ—**тѣхъ** и только тѣхъ, которые хотятъ ликвидировать партію».

---

*) См. «Совр. Міръ» окт. кн. 1910 г.

Само собой разумѣется, что такое опредѣленіе «ликвидаторства» еще очень далеко отъ опредѣленности. Но опредѣленіе это получаетъ еще большую неопредѣленность и запутанность, если вспомнить о томъ, какъ и что нѣкоторые-иные понимаютъ подъ понятіемъ «партія». Въ представленіи этихъ людей это—даже не обломки организацій и не остатки «ячеекъ», а само себѣ довлѣющее «начальство», штабъ безъ арміи, священная и безгрѣшная іерархія... Мы не знаемъ, какъ думаетъ объ этомъ Плехановъ,—онъ ничего не говоритъ на этотъ счетъ. Однако попробуетъ разобраться...

Если принять во вниманіе хотя—бы напр., намеки Іорданскаго объ отказѣ «отъ самостоятельной политической линіи» и проч., то ликвидація партіи, партіи безъ кавычекъ—это не можетъ означать ничего другого, какъ полный отказъ, отказъ разъ навсегда отъ строительства партіи, признавъ это дѣло ненужнымъ и даже вреднымъ для пролетаріата. Дѣйствительно, если бы такіе люди, все же именующіе себя соц.-демократами, на самомъ дѣлѣ существовали гдѣ-либо, это были бы уже всамдѣлишные ликвидаторы и ликвидаторы «идейные», противъ которыхъ всякій марксистовъ обязанъ былъ бы бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ...

Но вотъ вопросъ: гдѣ такіе ликвидаторы и кто ихъ видѣлъ? И есть-ли тѣ «ликвидаторы», которыхъ вслѣдъ за большевиками и Плехановъ поторопился обозвать такимъ именемъ, есть ли они на самомъ дѣлѣ такіе ликвидаторы безъ кавычекъ? И если это такъ, то гдѣ и когда выражали они идеи о такой ликвидаціи?.. Гдѣ факты ихъ дѣлъ или проповѣдь въ этомъ направленіи?

Мы старались отыскать у Плеханова эти факты. Но вмѣсто фактовъ или указаній на нихъ, мы нашли прежде и больше всего утвержденія вотъ какого рода:

...«Ликвидаторомъ долженъ быть признанъ тотъ, кто ликвидируетъ или, по крайней мѣрѣ, стремится къ ликвидаціи...» «Борьба съ «ликвидаторствомъ» означаетъ борьбу за существованіе партіи...» «...Или приверженность къ партіи или миръ съ ликвидаторами...» И т. д. и т. п. до безконечности!

Но вотъ въ одномъ мѣстѣ, заговоривъ о лицахъ, Плехановъ какъ будто подходитъ къ существу дѣла. Онъ пишетъ:

«...Нѣкоторые изъ насъ (!) стали думать, что нашей партіи вообще (!) не суждена побѣда (Скверно. Но гдѣ и кто!? *Е. М.*). Дѣло дошло до того, что иные доброжелатели ея, напр., Изгоевъ, Потресовъ и имъ подобные прямо отрицаютъ ея существованіе, какъ организованнаго цѣлаго...» Мы не будемъ останавливаться на этомъ полемическомъ сопоставленіи именъ Потресова и г. Изгоева, это, разумѣется, никого не смутитъ, какъ не смущали никого въ свое время подобныя-же сопоставленія теперешними союзниками

Плеханова его имени съ именами кадетскихъ вождей... Перейдемъ къ существу дѣла.

Думается намъ, — всякому понятно, что отрицаніе существованія партіи «какъ организованнаго цѣлаго» — это одно, «ликвидація же партіи», какъ мы это опредѣлили выше, нѣчто совсѣмъ другое. Это два понятія, не только не схожія между собой, но совершенно различныя другъ отъ друга. Можно констатировать или не признавать существованія организаціи партіи и въ то же время стремиться не только не къ ликвидаціи, но наоборотъ, къ возстановленію того, что признается несуществующимъ. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія... И какъ бы предвидя это само собой напрашивающееся возраженіе, Плехановъ пишетъ дальше:

— ...«Мнѣ часто приходится выслушивать возраженія: «Я не ликвидаторъ, такъ какъ хотя я и не признаю существованія той соціалъ-демократической партіи, съ которой мы имѣли дѣло до сихъ поръ, но я не отрицаю того, что... пролетаріату нужна соціалъ-демократическая партія...» И затѣмъ Плехановъ добавляетъ: »Это опять софизмъ...» Но, спрашивается: почему же «софизмъ?» Да потому, оказывается, что — «это ни на волосъ не измѣняетъ его (т. е. ликвидатора. *Е. М.*) отношенія къ той партіи, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать... Вѣдь, по отношенію къ ней-то— побѣдоносно заключаетъ Плехановъ—онъ все таки—ликвидаторъ...».

Внимательный читатель, вѣроятно, уже самъ замѣтилъ ту въ высшей степени странную логику, какая въ данномъ случаѣ допущена Плехановымъ. И тотъ упрекъ въ «софизмѣ» (хотя это уже не софизмъ!), который онъ бросаетъ «ликвидатору», бесѣдовавшему съ нимъ, въ большей мѣрѣ и съ большей справедливостью можетъ быть примѣненъ къ его собственнымъ словамъ. Въ самомъ дѣлѣ: если собесѣдникъ Плеханова исходитъ изъ того (кстати сказать— безспорнаго, о чемъ рѣчь ниже) положенія, что партія (партія, какъ организація, конечно,) не существуетъ, или что она не существуетъ «какъ организованное цѣлое», то по отношенію к ъ ч е м у ж е является онъ ликвидаторомъ!? Не къ тому ли, что по его мнѣнію, увы, не существуетъ?! Не къ пустому ли мѣсту? Но все это до того ясно, что въ сущности не требуетъ поясненія.

Но мы пойдемъ дальше и скажемъ.—Если исходить изъ того неоспоримаго правила, что не пролетаріатъ существуетъ для партіи, а партія для пролетаріата (что особенно важно помнить для Россіи), то развѣ немыслимо такое положеніе, когда противъ «аппарата», даже с у щ е с т в у ю щ а г о «какъ организованное цѣлое», но противорѣчащаго задачамъ соціалъ-демократіи и неподдающагося почему-либо преобразованію, именно, во имя интересовъ этой самой соціалъ-демократіи надлежитъ поднять борьбу, а если это окажется безполезнымъ, то, по крайней мѣрѣ, покинуть его для того, чтобы способствовать возникновенію такой организаціи, которая бы соот-

вѣтствовала партійнымъ задачамъ. Позволительно спросить: неужели Плехановъ не мыслитъ себѣ такого положенія? Впрочемъ, въ данномъ случаѣ это не имѣетъ прямого отношенія къ разбираемому нами вопросу, ибо у насъ дѣло обстоитъ и гораздо сложнѣе и гораздо запутаннѣе...

Читатель видитъ теперь, что всѣ эти ссылки на Плеханова, едвали прибавили много къ тому, что и безъ этихъ ссылокъ было (или вѣрнѣе: не было) ему извѣстно. Ссылаться же на теперешнихъ союзниковъ Плеханова представляется дѣломъ еще болѣе безнадежнымъ: тамъ всевластная ругань, какъ и встарь, замѣняетъ собою аргументы... Чтожъ касается Іорданскаго, то онъ въ своей смутной безымянной и, какъ, студенистая масса, безформенной статьѣ, [1]) стараясь забѣжать впередъ Плеханова, умудрился уже «углубить» эту полемическую всклоку, прицѣпивъ къ ней—«ни къ селу ни къ городу» вопросъ или идею о гегемоніи... И чѣмъ больше читатель будетъ вслушиваться въ эту ругань и въ эти «углубленія», тѣмъ онъ навѣрное будетъ д а л ь ш е отъ отвѣта на вопросъ, который поставленъ нами въ заголовкѣ. Поэтому оставимъ всю эту «полемику» въ сторонѣ, и попытаемся сами подойти къ отвѣту на вопросъ: въ ч е м ъ - ж е д ѣ л о?

«Вопросъ о созданіи такой партійной организаціи, которая наилучшимъ образомъ обезпечивала бы развитіе... россійскаго пролетаріата и успѣхъ дѣла его политическаго воспитанія занималъ партійные круги въ теченіе всего послѣдняго времени. По всей линіи движенія за послѣдніе годы происходила сильная организаціонная ломка—то движеніе приспоблялось къ новымъ партійнымъ задачамъ».

Такъ писали сторонники меньшевизма еще въ 1903 г., вскорѣ послѣ 2-го съѣзда. Меньшевистское теченіе, къ которому до послѣдняго времени причислялъ, да какъ будто и до сихъ поръ присляетъ себя Плехановъ, какъ извѣстно, почти съ самого своего зарожденія и до послѣднихъ дней постоянно и больше всего было занято вопросами организаціи. Вопросъ объ наиболѣе соотвѣтствующей организаціи, былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ внутри партійной жизни. Несоотвѣтствіе или противорѣчія между задачами соціалдемократіи [2]) и ея организаціей по преимуществу интеллигентской и потому оторванной отъ рабочей массы, эти

---

1) См. тамъ же.

[2]) И здѣсь и въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду собственно только русскихъ с.-д., не касаясь окраинъ, вѣрнѣе—Западныхъ окраинъ Россіи. Тамъ жизнь сложилась нѣсколько иначе и рабочій классъ—и по культурности и по своей самодѣятельности, несомнѣнно значительно разнился отъ русскаго. Поэтому все то, что было тамъ, нѣсколько отличалось отъ того, что имѣло мѣсто въ остальной Россіи.

противорѣчія, не разъ и раньше другихъ отмѣченныя въ литературѣ П. Б. Аксельродомъ и выроставшія на почвѣ еще очень слабаго развитія самодѣятельности рабочихъ, сказывались и давали себя чувствовать на каждомъ шагу.

«Историческія условія зарожденія и развитія русской соц.-демократіи въ до-революціонную эпоху—писалъ въ 1905 г. П. Б. Аксельродъ—привели къ тому, что она въ концѣ концовъ сложилась въ организацію, въ которой... интеллигенція является какъ бы правящимъ классомъ, охраняющимъ ея принципіальныя основы, а пролетарскіе элементы—классомъ управляемымъ и опекаемымъ противъ всякихъ искушеній извнѣ буржуазнымъ духомъ». И если кстати вспомнить здѣсь о томъ, что среди этихъ «опекавшихъ» было несомнѣнно не мало тѣхъ, что отошли послѣ 1905—1906 г.г., и истинный духъ которыхъ до извѣстной степени сказался теперь въ вышеупомянутой студенческой анкетѣ, то, надѣюсь, станетъ вполнѣ понятнымъ—какую серьезную опасность представляла эта опека для пролетаріата и какую опасность все еще представляетъ она для его будущаго!

Вотъ откуда тѣ постоянныя и упорныя исканія и стремленія къ творчеству новыхъ формъ организаціи, которыми на протяженіи всего своего существованія было занято меньшевистское теченіе. Вотъ откуда эти безконечные споры о централизмѣ бюрократическомъ и о централизмѣ демократическомъ, о выборномъ началѣ, и о кооптаціи и т. д. и т. п.

Если кто внимательно приглядится и прослѣдитъ исторію существованія русской соціалдемократіи, тотъ легко замѣтитъ, что она существовала и просуществовала до 1905—1906 г., не какъ партія въ полномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе какъ аппаратъ для распространенія идей. И именно только потому, что она существовала какъ аппаратъ..., она и могла просуществовать вплоть до 1905—1906 г. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте: чѣмъ шире разросталось собственно рабочее движеніе (январь и октябрь 1905 г.), тѣмъ ярче и ощутительнѣй сказывалось отмѣченное нами выше противорѣчіе. Но чѣмъ шире въ тоже время выростало вокругъ соц.-демократіи сочувствіе къ ней такъ назыв. общества, тѣмъ сравнительно легче и свободнѣй становилось существованіе и функціонированіе организаціи, какъ аппарата... Ростъ же сочувствія этого общества до 1905—6 года, увы, надо признать, совершался несравненно быстрѣй, нежели ростъ и развитіе самодѣятельности (не стихійнаго движенія, а самодѣятельности) рабочихъ массъ. Поэтому поскольку не успѣли и не успѣвали созрѣвать условія для партіи въ полномъ значеніи этого слова, т. е. построенной на твердомъ базисѣ рабочей самопомощи и самодѣятельности, по стольку-же созрѣвало или имѣ-

лось на лицо все то, что необходимо было для существованія ея, какъ аппарата... [1]).

Такимъ образомъ неблагопріятное для соц.-демократіи положеніе самой русской дѣйствительности толкало ее по линіи наименьшаго сопротивленія: къ заговорщиству, къ кружковщинѣ, къ большевизму... И только меньшевистское теченіе боролось, или по крайней мѣрѣ пыталось бороться, съ этой всесильной тенденціей. Хорошо сознавая, что главная бѣда заключается въ недостаточномъ развитіи рабочей самодѣятельности, это теченіе постепенно централизовало все свое вниманіе на этой сторонѣ, и борясь противъ противоположнаго большевистскаго настроенія, пыталось вначалѣ помочь бѣдѣ, реформируя организацію *изнутри*. Дѣлались попытки придать ей такую форму и такой составъ, съ помощью выборнаго начала и проч., чтобы лучше и ближе связать ее съ рабочей массой. Но растущія требованія жизни далеко обгоняли эти попытки, а косность существующихъ организацій въ конецъ затрудняло реформаторство. Тогда отъ реформированія изнутри, т. е. отъ измѣненія формъ организаціи, перешли къ реформированію методовъ самой работы, и, конечно, все съ той-же основной и единственной цѣлью—ускоренія развитія самодѣятельности рабочихъ... На этой-то стадіи исканій и имѣли мѣсто выборы въ такъ наз. «комиссіи Шидловскаго», идея «Народной Думы», вылившаяся въ октябрѣ въ Совѣты, и, наконецъ, возникшая тогда же, т. е. еще въ серединѣ 1905 года, идея о созывѣ рабочаго съѣзда.

И каждый разъ всѣ эти попытки къ превращенію партіи, какъ аппарата, въ партію не какъ только аппаратѣ..., встрѣчали со стороны другого теченія — большевистскаго — самое жестокое противодѣйствіе. Каждый разъ при этомъ меньшевики объявлялись преступниками, упразднителями партіи, или иначе,—если перевести на современный жаргонъ, — «ликвидаторами». И если это модное словечко не попало уже тогда на языкъ большевизма, то это, разумѣется была чистѣйшая случайность. Только благодаря этой случайности, Плехановъ, не всегда бывшій союзникомъ большевиковъ, не получилъ, среди прочихъ многочисленныхъ жаргонныхъ аттестацій, и той самой, которую онъ теперь кидаетъ въ меньшевиковъ, поддерживая своихъ новыхъ друзей!

---

[1]) Скажу напередъ: быть можетъ—при русскихъ условіяхъ она—эта партія—и не могла быть иной; быть можетъ, и въ будущемъ она еще не скоро можетъ сдѣлаться иною, но отсюда все-таки не слѣдуетъ, что русская соц.-демократія, разъ ужъ она явилась на свѣтъ, могла и можетъ мириться съ такимъ положеніемъ.

Но вотъ минулъ 1905 г.,—наступила реакція. Эта смѣна подъема упадкомъ произошла на основѣ значительнаго и весьма ощутительнаго перераспредѣленія общественныхъ силъ. Мы не станемъ разбираться здѣсь на сколько прочно это перераспредѣленіе. Въ данномъ случаѣ для насъ достаточно указать на самый фактъ, который не исчезъ и продолжаетъ дѣйствовать на общественную жизнь. Фактъ этотъ тотъ, что масса русской прогрессивной буржуазіи или ушла съ общественно-политической арены, т. е. совершила такой же отходъ, какъ и часть такъ называемой соціалистической интеллигенціи, или самоопредѣлилась или даже перекинулась въ лагерь противоположный. Вмѣстѣ съ этимъ уходомъ исчезла и та пассивно-сочувственная атмосфера такъ называемаго общества, выражавшаяся въ разнообразной (денежной и технической) поддержкѣ, которая незамѣтно, но очень существенно окружала всю прошлую дѣятельность соціалъ-демократіи. Иначе говоря: исчезли какъ разъ тѣ самыя условія или основы, которыми только держалась и могла держаться партія, какъ аппаратъ... И хотя 1905 и 1906 годы должны были въ сильнѣйшей степени двинуть, да и двинули впередъ развитіе самодѣятельности русскихъ рабочихъ, но, однако, какъ оказалось, уже не такъ далеко и не настолько, чтобы — въ условіяхъ наступившей реакціи—эта собственная, хотя и возросшая, но только рабочая самодѣятельность смогла восполнить ущербъ, нанесенный отходомъ такъ называемой соціалистической интеллигенціи и либеральнаго общества. Поэтому старая партія, какъ аппаратъ.., кстати сказать и по самой природѣ своей враждебный этой возрастающей самодѣятельности, съ одной стороны—не успѣвъ обратиться въ рабочую партію, съ другой— лишившись общественнаго сочувствія, то есть главной основы своего существованія, неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть крушеніе. Конечно, эта неизбѣжность не всѣми и не сразу стала сознаваться. Даже наиболѣе мыслящіе изъ русскихъ марксистовъ, но какъ и всѣ сжившіеся со старой традиціей, а главное—еще не видящіе, не открывшіе новыхъ возможностей и путей, даже если иной разъ и хорошо сознавали такую неизбѣжность, то все же не сразу сдавались, пробуя всѣ возможныя средства для спасенія этого «стараго» хотя бы и изъ рукъ вонъ плохого. И меньшевистское теченіе, оставаясь вѣрнымъ себѣ, попыталось еще разъ, такъ сказать, подвести рабочій фундаментъ подъ кружковой интеллигентскій аппаратъ и тѣмъ самымъ, обративъ его изъ аппарата въ партію, спасти положеніе. Вотъ почему идея рабочаго съѣзда, выдвинутая Аксельродомъ въ періодъ наивысшаго подъема организаціонной мобилизаціи всѣхъ оппозиціонныхъ слоевъ, теперь снова была поставлена на очередь дня. И, конечно, снова, какъ раньше со стороны теченія большевистскаго встрѣтило самое

жестокое сопротивленіе! Эта оппозиція попыткѣ, дѣлаемой, какъ всякому ясно, во имя правильно-понятыхъ интересовъ пролетаріата, уже тогда наталкивала мысль многихъ на то, что никакое живое партійное дѣло несовмѣстимо съ существующей организаціей, отравленной мертвящимъ духомъ «іерархіи».

Попытка не удалась,—было уже поздно. Что не осталось бы безъ результатовъ во время всеобщаго организаціоннаго подъема въ 1905 г., то,—оставаясь совершенно вѣрнымъ по идеи для всякаго иного времени,—въ условіяхъ все усиливающагося упадка, плюсъ большевистскій бойкотизмъ,—не могло уже привлечь рабочихъ и воплотиться въ жизнь. Вмѣстѣ съ этимъ, и даже ранѣе этого, попытки тѣхъ же меньшевиковъ толкнуть старыя ячейки къ обновленію посредствомъ объединенія ихъ практики въ томъ или иномъ видѣ съ различными формами открытаго рабочаго движенія, встрѣтили со стороны большевистскаго теченія такое же сопротивленіе, какъ и идея съѣзда. Тутъ только обычный бойкотизмъ проявлялся въ полускрытой, законспирированной формѣ, преобразившись въ такъ называемое «использованіе», понятое совсѣмъ на особый и своеобразный манеръ.

И во всѣхъ этихъ—хотя бы неудавшихся, но единственно разумныхъ, попыткахъ, представители анархическаго бойкотизма, какъ и всегда, не увидали ничего другого, какъ покушеніе на упраздненіе партіи! И опять, какъ раньше, только счастливая (или несчастная!) случайность не натолкнула ихъ на любезное теперь словечко «ликвидаторство» и не обратила Плеханова тогда рабочесъѣздовца, а теперь «антиликвидатора», въ такого самого «ликвидатора», на котораго надо «направить свои первыя и главныя усилія».

Такъ для организованныхъ ячеекъ и безъ того съ каждымъ днемъ ослабѣвающихъ, оказались закрытыми всѣ выходы и пути къ дѣйствительной живой жизни. Послѣ этихъ послѣднихъ неудавшихся попытокъ спасти с т а р о е, «какъ организованное цѣлое», разрушеніе этого стараго начинаетъ идти съ неудержимымъ и все болѣе ускоряющимся темпомъ. Удержать этотъ процессъ, что дѣлается яснымъ для каждаго не-слѣпого, становится дѣломъ немыслимымъ. Спрашивается: что же дѣлали въ это время противники меньшевистскаго теченія?—Прежде всего и больше всего работа ихъ сводилась къ тому, чтобъ, какъ говорится, «тащить и не пущать» и всячески мѣшать инако мыслящимъ. Кромѣ того, въ то время какъ меньшевики напрягали всѣ усилія свои для отысканія путей къ подъему рабочей самодѣятельности, они—(если не вездѣ, то кое-гдѣ), чтобы поддержать лишенный общественнаго сочувствія, а потому падающій интеллигентскій «аппаратъ», съ естественной необходимостью двигались въ сторону замѣны этой своей основы ея такъ сказать, «суррогатомъ»: «партизанскими выступленіями»! Эта

анархо-заговорщицкая практика должна была дать теперь то, что раньше давалось благопріятной общественной конъюнктурой. Партія, «какъ организованное цѣлое» въ лицѣ своихъ уже рѣдкихъ, распыленныхъ и полуразвалившихся группъ, потеряла скоро даже свою прежнюю элементарную связь съ рабочей массой и оказалась совершенно изолированной отъ жизни вообще и отъ жизни пролетаріата въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ вниманіе рабочихъ все дальше отходило онъ нея, отворачивалось отъ всѣхъ этихъ кружковъ, занятыхъ единственнымъ дѣломъ: между усобной грызней. Даже тѣ единичные рабочіе, которые имѣли терпѣніе оставаться тамъ до конца, оказывались скоро, если не физически то духовно оторвавшимися отъ свое среды. Тамъ—въ рабочихъ массахъ шла, или скорѣе только теплилась *своя* жизнь, здѣсь—своя, чуждая и ничѣмъ несвязанная съ тою жизнью.

Естественно, что при такомъ положеніи вещей передъ наиболѣе чуткими элементами скоро долженъ былъ встать и дѣйствительно всталъ вопросъ: кто не желаетъ оказаться совершенно оторваннымъ отъ жизни вообще и отъ жизни рабочихъ въ особенности, тотъ необходимо долженъ *уйти* и поискать другого, болѣе соотвѣтствующаго мѣста, гдѣ не совсѣмъ безнадежно было-бы искать отвѣты на проклятые вопросы... Перефразируя то же самое, можно сказать: кто не желалъ способствовать *закрѣпленію* той самой ликвидаціи (уже безъ кавычекъ!), которую совершала неумолимая жизнь, тотъ долженъ былъ бѣжать оттуда, *гдѣ скована была всякая иниціатива, всякое творчество и всякія искания*!

Вотъ почему и вотъ какимъ образомъ, какъ видитъ теперь читатель, значительная часть такъ называемыхъ ликвидаторовъ очутилась на работѣ въ открытыхъ ячейкахъ рабочаго движенія. Вотъ почему и вотъ зачѣмъ они—эти «ликвидаторы» оказались въ тѣхъ единственныхъ мѣстахъ, гдѣ хотя бы и маленькимъ слабымъ ручейкомъ, но пробивалась и пробивается до сихъ поръ дѣйствительная жизнь пролетаріата. Теперь станетъ понятнымъ также: какъ и почему заскорузлые сторонники большевизма тотчасъ же постарались «использовать» положеніе, и заклеймить ихъ, прикрѣпивъ къ нимъ ярлыкъ: «легализаторства»! Они—сами, несмотря на весь свой шумъ и гамъ, ликвидированные теперь жизнью—были бы непослѣдовательны, если бы не воспользовались удобнымъ случаемъ.—Вѣдь, всякій разъ,—какъ могъ это видѣть читатель,—когда меньшевистское теченіе поступало согласно духу меньшевизма, оно оказывалось преступнымъ въ глазахъ его противника.

«Говорятъ: событія 1905-1907 годовъ сдѣлали то,—пишетъ теперь Плехановъ, слѣпо повторяя за этими людьми,—что мы уже не можемъ вернуться въ подполье. Это теперь едва-ли не главный доводъ ликвидаторовъ»... Главный доводъ «ликвидаторовъ»! Мы не

знаемъ кто эти, которые «говорятъ» то, что слышитъ Плехановъ, но отъ тѣхъ, кого пытаются нынче обозвать «ликвидаторами», ни мы, ни читатель, надѣюсь, не слыхали подобнаго довода. Что дѣйствительно было сказано такъ называемое «ликвидаторами» и что они готовы повторить когда угодно и гдѣ угодно, не боясь вражескихъ ушей, такъ это единственно то, что есть на самомъ дѣлѣ. А именно: партіи «какъ организованнаго цѣлаго» не существуетъ. Въ этомъ они разнятся отъ Плеханова только тѣмъ, что не ограничиваются констатированіемъ «неблагополучія», а говорятъ и то,—въ чемъ заключается это «неблагополучіе». Всѣ же тѣ безчисленные, изумительные и подчасъ нелѣпые выводы, дѣлаемые изъ этого констатированія, принадлежатъ (и пусть отнынѣ знаетъ это читатель!) не имъ, не такъ называемымъ «ликвидаторамъ», а той толпѣ Ленинныхъ и Ко, которая, пользуясь подвернувшимся случаемъ, окружила Плеханова кольцомъ и обратила его въ орудіе (нѣчто вродѣ тарана!) для своихъ фракціонныхъ цѣлей.

Заканчивая, скажемъ еще только два слова.—Если читатель, и послѣ всего сказаннаго, все-жъ задастся вопросомъ: такъ что-же такое «ликвидаторство»?—надо думать онъ самъ найдетъ отвѣтъ, какой надо. Ясно: это—меньшевистское теченіе, оставшееся вѣрнымъ духу меньшевизма.

Евг. Маевскій.

На темы дня.

На поворотѣ.

I.

Казалось, все уже было «успокоено». Приведенная къ одному знаменателю страна притаилась и какъ будто совсѣмъ позабыла о своихъ «безсмысленныхъ мечтаніяхъ». Всюду воцарилось спокойствіе кладбища. Литература и жизнь отрѣшились отъ политики, на сценѣ появились «новые» люди, злобно отрекавшіеся отъ недавняго прошлаго. Пошелъ «новый» студентъ, новый интеллигентъ—«вѣховецъ»; въ прогрессивной литературѣ, наряду съ разнаго рода философскими и религіозными «искателями», стали подвизаться писатели, восхваляющіе «годныхъ» людей—инженеровъ, строящихъ новыя желѣзнодорожныя линіи (Амурскую?) и агрономовъ, улучшающихъ земледѣльческую культуру (на отрубахъ и хуторахъ «сильныхъ» крестьянъ?). Многіе изъ тѣхъ, кто недавно мечталъ о широкомъ демократическомъ движеніи и фактически участвовалъ въ немъ, стали теперь осуществлять единеніе прогрес-